

fenno - ugristica

fenno-ugristica

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHIK 427 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г.

FENNO - UGRISTICA

ТРУДЫ ПО ФИННО-УГРОВЕДЕНИЮ

4

Uurali keelte ajaloo ja ehituse küsimused
Вопросы истории и строя уральских
языков

Tartu 1977

Toimetuskolleegium:

P. Alvre (esimees), A. Kõnnap (vastutav toimetaja), P. Palmeos, H. Rajande, S. Smirnov, E. Vähri.

Kunstiliselt kujundanud K. Põllu.

Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 427. ТРУДЫ ПО ФИНО-УГРСКИМ ЯЗЫКАМ 4. Вопросы истории и строя угорских языков. На разных языках. Тартуский государственный университет. ЭССР, г. Тарту, ул. Миккооли, 18. Ответственный редактор А. Кõннп. Сдано в печать 27.07.77. Бумага печатная № 1. 30x45 1/4. Печатных листов 10,25. Учетно-изд. листов 9,7. Тираж 800. МЭ 05324. Типография ТГУ, ЭССР, г. Тарту, ул. Пялсона, 14. Зак. №783. Цена 1 руб. 50 коп.

6 - 2

POSSESSIIVSUFIKSID TÄNAPÄEVA VADJA KEELES

120 aasta eest oli soome uurija Ahlqvist (1856) esime-
ne, kes esitas ülevaate vadja keele possessiivsufiksitest
(= PS). Kirjutades üldiselt läänemere keelte possessiivsu-
fiksitest, nendib Ahlqvist eesti keelest, et selles polevat
possessiivsufiksid kas üldse arenenud või on nad kadunud.
Vadja keelest mainib ta, et selles valitseb samasugune olu-
kord nagu eesti keeles. Possessiivsufikseid tarvitatavat
vadja keeles vähe ning nende esinemine igapäevases kõnes
liiatigi taanduvat (46). Mis isikute possessiivsufikseid
Ahlqvist kuulis, seda pole ta lähemalt seletanud. Oma teo-
ses on ta registreerinud järgmised possessiivsufiksid. Ain-
suse I isikus on tal -ni, -n või vokaalipikendus (= VP):
rättini, rättin, rätti 'min duk', oposeni, oposen, oposē
'min häst', II isikus on -si ja -s (viimast PS-i peab Ahl-
qvist harilikumaks): lintusi, lintus 'din fogel'. III isi-
kust on oeldud, et ainsuses ja mitmuses on sama PS -sa, -sä
ning esineb ka selline PS, mis väljendub sõna lõppvokaali
pikendusena. Kui sõna lõpus on pikk vokaal, siis olevat PS
ikka -sa, -sä. Näiteina on toodud naisesa, naisē 'sin
hustru', naiselesa, naiselē 'ät sin mustru', naisettasa,
naisettä 'utan sin mustru', lampâsa 'sin eller deras fâr',
kalâsa 'af sin eller deras fisk'. PS-i vokaali pikendusena
siiski valditavat, kui tekib ühtesattuvast muude grammati-
kavormidega (47). Olgu juba siinkohal öeldud, et Ahlqvisti
kirjapanekud pole fonetiliselt täpsed. Neis pole tentud
vahet helitu s-i ja helilise z vahel. Pika vokaali esinemi-
ses on ta ühtlasi teoretiseerinud. Mitmuse I isiku jaoks
polevat Ahlqvisti arvates erilist PS-i, vaid tarvitatavat
ainsuse I isiku oma: meri medē öwwezani 'hafvet är på vär
gård'. Mitmuse II isiku PS on Ahlqvistil -no, -nō: poikano

'eder son', rättinö 'eder duk', poigaleno 'ät eder son', rätizänö 'i eder duk' (47).

Ahlqvisti teoses on possessiivsufiksrite kasutamisest veel seda öeldud, et need esinevat kõige sagedamini oma-adjektiiviga (med adjektivet oma 'egen'), mis saab selle isiku possessiivsuse, mille PS talle liidetakse: miä piän pulmõj omani tüttärele 'jag håller bröllop åt min dotter', anna kagroj omasi oposile 'gif hafra åt dina hästar', tämä löb omasa naissa 'han slår sin hustru', mö rüissä nitämmä omani sirppiä 'kä 'ni skär råg med våra skärör', tö ajatta omano oposiä 'kä 'ni åken med edra hästar', nämä össawat kormä omasa siwatoile 'de köpa foder för sina kreatur' (48). Mõningaid näiteid on sellest, kuidas adessiivile on liitunud III isiku PS: sõmiselä, tulemiselä, akkämiselä 'just i begrepp att äta, komma, hugga' (53). Näiteid on ka PS-i esinemisest koos I infinitiiviga: süwwezäsi 'medan du äter (eller åt), egentligen: i det äta' jne. PS võib olla liitunud I infinitiivi translatiiviga: süwvähseni 'för mig att äta, egentligen: till mitt att äta' (54).

Pärast Ahlqvisti olid vadjalaste juures Mustonen, Setälä ja Alava. Mustoneni ja Alava kirjapanekuis on mitmeid näiteid possessiivsufiksrite esinemisest rahvalauludes ja jutustustes. Possessiivsufiksrite esinemise tingimustele ega ulatusele pole aga kumbki viimasena mainitud uurija juhtinud erilist tähelepanu. Et Mark (1923) on lähemalt analüüsinud possessiivsufiksrite esinemist Mustoneni ja Alava kirjapanekuis, ei peatuta neil käesolevas kirjutises.

Süsteemipärane vadja keele uurija oli Setälä. Tema oli vadjalaste külades 1889. ja 1909. aastal. Tõllal tehtud kirjapanekud on avaldatud postuumselt. Neis on Mati ja Kattila Suur-Õtsa külast häid näiteid, kuidas possessiivsufiksrid esinesid koos enesekohase asesõnaga (Setälä 1964: 33-34). Mati külast on toodud paradigmad ainsusest ja mitmusest eesti asesõna enese vastetest. Ainsuses on I isikus partitiiv entän, adessiiv enellän, allatiiv enellän, ablatiiv eneltän, akusatiiv enetä, elatiiv enessän, II isikus on entäs, enelläs, enelläs, eneltäs, enetä, enessäs. III isikus on entäs, enelläs, enelläs, eneltäs, enessäs 'itsestään'. Mitmuses on esimeses isikus partitiiv entä(n), adessiiv enellä, allatiiv enellän ja enelē, ablatiiv eneltä(n), ela-

tiiv enessä. II isikus on entäs, enelläs, enellēs, eneltäs, enessäs. III isikus esinevad entäs, enelläs, enellēs, eneltäs. Kattila keelejuhil on possessiivsufiksid eesti sõnade ise ja enese vastetes esinenud järgmiselt: I isikus ades-siiv ize enellän, allatiiv ize enellein ja enelē. II isikus on ize enelläze, ize enellēze ja enellēz, III isikus on ize enelläze, ize enellēz(e). Peale selle on III isikust toodud akusatiiv eneze, partitiiv entäze. On lisatud ka mõned näitelauseid: miä en tapa ize entä, siä /et tapa/ ize entäze (tapad ize eneze), möö emmä tapa ize entä, tjöö että /tapa/ ize entäze, s.o. ma ei tapa iseennast, sa ei tapa iseennast (tapad iseeneze), meie ei tapa iseennast, teie ei tapa iseennast. Setälä kirjapanekud on 1889. aasta retkelt. Siis esines asesõnades ainsuse I isikus PS -n ehk -in. II isikus -ze, -z, -s ja III isikus samuti -ze, -z ja -s. PS-i kasutamine polnud vältimatu. Ainsuse I isiku akusatiivis entä seda pole märgitud. PS-i pole ka mitmuse I isiku allatiivis ja ablatiivis on PS võinud puududa. Kattila keelejuhil puudub PS mitmuse I isikus ja II isikus on III isiku PS. Need tõigad kõnelevad sellest, et Setälä ajal poldud PS-i tarvitamises kindlad. Nimisõnaga koos esinevast PS-ist pole Setäläl näiteid grammatikakirjapanekuis. Nagu osutavad Setälä talletatud tekstidki, polnud PS-i esinemine jutustustes sugugi tavaline. Setäläst olgu veel seda mainitud, et vadja kirjapanekuist on ta oma läänemere keelte häälikuloos esitanud mõningaid näiteid (Setälä 1890-1891: 258).

Käesoleva sajandi alguse tähtsaim vadja keele uurija on olnud Kettunen. Oma ainestiku kogumise retke tulemusena avaldas ta kõigepealt vadja keele häälikuloo (Kettunen 1915). Vastavalt häälikuloo iseloomule on selles possessiivsufikseid käsitletud üksnes möödaminnes. Kõneldes sõnasisese -h- kaost on toodud näiteid ka ainsuse III isiku PS-i kohta ning nenditakse, et see PS on üldistunud teistele isikutele: (yetap) tšäsinä (< *käsinähen) '(ottaa) käsinensä' (myös miä vetan tšäsinä), (Jutissassa) serminä '(painellaan) sormineen', (mö teimmä) tšehsinä 'keskinäme', (miä en tšäünny) meninä (tšülä) '(en käynyt) miehineeni (kylää)', (tetsi süntiä) aikonä '(teki syntiä) aikonaan', (en nännü) eläizä '(en nähnyt) eläissäni', täünä (< *täünnähen) 'täynnänsä', ühsnä 'yksinään', ürvüllä

'kyyyryssä', (söp) tšihvaldā '(syö) kuumaltaan', ai'l'āltā 'viheriänä', (urvad) lahgollā '(urvat) levällään' (81). Samad näited esinevad teose teises trükis (Kettunen 1930: 87).

Oma kodusest Jõgõperä murrakust on Tsvetkov (Цветков 1922) kirjutanud vadja keele grammatika, mis pole seni trükis ilmunud. Possessiivsufiksид pole selle küla murrakus olnud elav grammatikakategooria. Sellepärast ei ole Tsvetkov seda maininudki. Asesõnade kohta olevas peatükis on otsese tähenduse kaotanud PS-i kohta siiski paar näidet, nagu энт, энт-эс 'себя', komitatiiv энка, энеэска(31), kus э on III isiku PS-i jääneks.

Vadja keele possessiivsufikseid on ulatuslikult käsitlenud Mark (1923) oma Helsingi ülikoolis kaitstud doktoriväitekirjas läänemere keelte possessiivsufiksite kohta. Vadja keelest on nenditud, et selles esinevad possessiivsufiksид peamiselt vaid vanamoelise keelega rahvalauludes. Teiste uurijate poolt kogutud proosatekstidest oli Mark leidnud noomenitele liitunud PS-i üksnes kõnetlustest (poikani! 'mein Sohn!', tyttäreni! 'meine Tochter!', minu veljeni! 'mein Bruder!') ning enesekohastest asesõnadest ene-, en- ja possessiivadjektiivist ema. Adverbidest ütleb Mark, et neis ei tajuta asjaomase sõnaga liitunud PS-i sellisena, sest III isiku PS on üldistunud kõikidele isikutele (64-65). Mark kordab tegelikult seda, mida juba Kettunen oli öelnud. Ahlqvisti, Mustoneni, Alava, Kettuneni jt. kogutud tekstidest on Mark esitanud lisanäiteid (65-70). Kokkuvõttes toob ta vadja keelest järgmised possessiivsufiksид: ainsuse I isikus -ni, -n, II isikus -si, -zi, -z, -s, -Z, III isikus läänemurdest -sa, -sä, -za, -zä, -se, -ze, -s, VP + -s, idamurdest VP + -zäG, VP + -Z, VP; mitmuse I isikus -ni, II isikus -no, -nö, III isikus nagu ainsuses (68). Mark on osutanud ka seda, et vadja PS liitub käändelõpule: däädälleeze 'seinem Onkel', eneltäze 'von sich selbst' (69). Eraldi on kirjeldatud (Alava järgi) PS-i esinemist koos possessiivadjektiiviga: Siz valab ömallõöz naizõlõöz 'Dann schenkt er seinem Weibe ein' (69). Lõpuks on Mark maininud, et vadja kõnekeeles kasutatakse PS-i harva, sest possessiivsust väljendatakse isikulise asesõna genitiiviga, ema-possessiivadjektiiviga ja enesekohase asesõnaga ene-, en- (69-70).

Vadja keele uurimist kronoloogiliselt seirates peab järgnevalt lühidalt mainima kaht tekstikogu. Leningradi fennougrist Lensu (Ленсу 1930) on avaldanud vadja aines- tikku, mis koosneb peamiselt eri küladest kogutud teksti- dest ning nende tõlgetest. Kuigi selles väljaandes on liiga palju trükivigu ning ebatäpsusi, kajastub selles siiski see vadja keeleuus, mis esines 20. aastate alguses. Tekstide ees on lühiülevaade vadja keele omapärast, milles posses- siivsufikseid ei mainita. Tekstidest enestest on allakirju- tanu leidnud paitsi laulud ja itkud vaid ühe PS-i esinemis- juhu: miä entän panin sboršikas 'я себя назвал сборщиком' (235 Jarvigoistšülä < Mati), kus esineb I isiku PS koos asesõnaga en-. Peale selle on olnud tähenduselt tuhmunud PS mõnes adverbis, nagu järjestä 'спазу', jäin vä ühsinä 'я остался один' (300). Usutavasti polnud Lensu PS-i kuulnud- ki. Vadja keelt kirja pannes on ta mõneski kohas allunud soome keele mõjule. Oleks ta kuulnud PS-i, oleks ta seda soome keele oskajana märganud või tajunud.

Kettuneni kogutud vadja keelenäited on ilmunud koos Posti Kirjapanekutega (Kettunen, Posti 1932). Et Mark oli oma väitekirja jaoks Kettuneni tekstid läbi vaadanud ning seal esinenud possessiivsufiksid registreerinud (Mark 1923: 64), ei ole põhjust käesolevaski ühenduses neid analüüsida.

Allakirjutanu on possessiivsufikseid käsitletud vadja keele grammatika eesti- ja ingliskeelses väljaandes (Ariste 1948; Ariste 1968). Ahlqvisti järgi on mainitud, et PS võib esineda koos enesekohase asesõnaga. Ahlqvisti andmetele on lisatud, et ka tollal, kui kirjutati grammatika, võis ene- sekohane asesõna esineda koos PS-ga, mille tähendus ning ülesanne olid aga tuhmunud, nõnda et kõikides isikutes esi- nes vaid III isiku PS, näit. õäüsi enellöz naissa eccimä 'käis enesele (korduvalt) naist otsimas' ja vetan enellöz 'võtan enesele'. PS liitub sõna lõppu, ent komitatiivis esi- neb ta sõna sees käändelõpu ees: eneskū 'enesega' (1948: 62; 1968: 56). PS-i jääneid on grammatikas registreeritud ka seoses omastava asesõnaga: miä piän pulmei emani tüttä- rnellö 'ma pean pulmi oma tütrele'. On lisatud, et ühendu- ses omastava asesõnaga on PS mõnel määral elav ning are üksnes rahvalauludes. On mainitud veel seda, et I isiku PS väljendab meelitlevat vokatiivsust: tule, poikani! 'tule,

pojake!', elän, ätäni! 'elan, isake!'. III isiku PS-i mõningasest tarvitamisest on paar näidet: se vei javod akaļeZ 'see viis jahud oma naisele (eidele)', tātā kuccu ämmäZ 'teda kutsus tema ämm', eļkōd ičāzāG (idavadja) 'olgu nad oma ea' (1940: 63-64; 1960: 57-58). On toodud ka näiteid, kuidas III isiku PS-i jälgi kohtab adverbides: alke setkua jalkonā savvea 'hakkas jalgadega savi sõtkuma', uhzē eli jättānū raḡollā 'ukse oli jätnud praokile'. Kokkuvõttes on vadja keele grammatikas toodud järgmised possessiivsufiks- id rahvalauludest ning igapäevasest kõnest: ainsuses I isik -ni, -n, II isik -zi, -Z, III isik -za, -zā, -Z, VP ja VP + -zaG, -zāG (idavadja); mitmuses I isik -ni, II isik -no, -nō, III isik on sarnane ainsuse III isikuga (1948: 64; 1968: 58). Rahvalauludest on näiteid sellest, kuidas I infinitiivi translatiiv esineb koos PS-ga: anna tuba tudlasseni, rihi sōja eļlasseni, lautad lahti cāvvāsēni 'anna tuba, et tuleksin, tuba soe, et oleksin, laudad lah- ti, et käiksin'. Ahlqvistil on niisugune translatiiv esi- tatud tavalise vormina. Vadja grammatikas on asutud seis- kohale, et seesugune translatiiv võiks Ahlqvisti ajal vae- valt olla omane igapäevasele kõnekeelele (1940: 85; 1960: 77). Määr sõnade kohta olevais peatükkides on öeldud, et eri käänetest moodustatud määr sõnades esineb tähenduselt tuh- munud PS: adessiivis irvillā 'irevil', sellāllā 'selili', raḡollā 'praokil', lokkōllā 'lontis', lahḡollā 'laiali', ūrvūllā 'urvakil'; ablatiivis cinvaltā 'kuumalt', al'l'al- tā 'toorelt, haljalt', elāvāltā 'elavalt, elusalt', ni- meltā 'nimepidi'; essiivis ūlleūdā (idavadja) 'üldse, üldiselt', aivonā 'pelgalt, üksnes'; endises komitatiivis čāsinā 'kätega, käega', serminā 'sõrmega, sõrmedega', pelvinā 'põlvili', mis võivad enk olla mitmuse essiividki (1948: 114-115; 1960: 105-106). On muidki adverbe, mille lõpus on tuhmunud tähendusega PS.

Lühikese, ent hea ülevaate vadja keele grammatika ehi- tusest on andnud Adler. Possessiivsufiksrite kohta on öel- dud, et need esinevad kaasaegses vadja keeles üksnes rah- valauludes. Asjaomaste näidetena on esitatud samad posses- siivsufiks, mis leiduvad allakirjutanu grammatikas (Ad- ler 1966: 123). Adler on parim idavadja murde tundja. Tema avaldatud idamurde tekstikogus (Adler 1968) on üksikuid

näiteid sellest, kuidas tähenduselt tuhmunud PS esineb mõnede määrõnade lõpus: aikonā 'ammu' (19), rõmiñilñg 'roomates, kápuli' (19, 188), ñhsinnāg 'üksinda' (19, 163), painuññā 'kummargil' (27), emā eli paksunā 'ema oli rase' (72, vt. ka 103) jne. Asesõnaga en- on harukordselt liitunud III isiku PS: tñB izegentāZ katissig 'teeb ise- enese kassiks' (63).

Vadja keele possessiivsufikseid on käsitletud ka Laanest oma sissejuhatuses läänemere keeltesse (Laanest 1975: 116-117). On esitatud ainsuse I isikust PS -ni (tüttäreni 'minu tütar'), II isikust -zi, -Z (tšüpärezi 'sinu kübar'), III isikust -za, -zā, -Z ja VP (tāttoza 'tema isa'), mitmuse I isikust -ni (enneni 'meie ema'), II isikust -no, -nō (poikano 'teie poeg'). Mitmuse III isikust on öeldud, et enamikus läänemere keeltes selle PS ei erine vormiliselt ainsuse III isiku omast. Vadja näidetele on ikka lisatud, et need esinevad rahvalauludes. III isiku rudimentaarsest PS-i esinemisest vadja keeles on toodud näited ñhsinā 'üksinda', ragollā 'praakil'.

Läänemere keeli käsitlevas Margi monograafias on ülevaade eri keeltes olevaist possessiivsufikseist (Mark 1923: 255-277). Määrõnades esinevaist possessiivsufikseist on kirjutanud Alvre (1968). Nende mainitud uurimuste, teiste ning enese tähelepanekute põhjal võidakse siinkohal nentida, et vadja keele ainsuse I, II ja III isiku PS-l on otse- seid vasteid teistes lähisugulaskeeltes, eriti just isuri, soome ja karjala keeles ja eesti vanades rahvalauludes ning mõnel määral ka vanas kirjakeeles ja murretes. Sama võib nentida mitmuse I ja III isiku PS-i kohta. Mitmuse II isiku PS -no, -nō on vadja keelest registreeritud vaid rahvalauludest. Sellel pole otseseid häälikulisi vasteid vadja keelele lähimais sugulaskeeltes, eesti ega isuri keeles. PS -nno, -nnō. VP + -nno, -nnō on tuntud Põhja-Häme, Põhja- ja Ida-Savo ning Vermlandi soome murrakuis (Mark 1923: 172). Neil murretel pole olnud otsest kokkupuudet vadja keelega. PS -nō pole järgsilbis esineva ō tõttu liiatigi omane vadja keele struktuurile. Järgsilpides esineb ō üksnes isuri ja soome keelest laenatud sõnades (vadja tüttärikko 'tüdruk', sōkō 'söögu'). 17. sajandil vadjalaste hulka ja naabruse siirdunud savolased - savakod - on jätnud vadja keelde

jälgi. Pole võimatu oletada, et PS -no, -nõ on vadja keelde tulnud koos laenatud rahvalauludega. Vadjalased on vanu laule andnud soomlastele ja isuritele ning on soomlastelt ja isuritelt saanud vastu nende laule. Lähimatele sugulaskeeltele, eesti ja isuri keelele toetudes ootaks vadja keeles mitmuse II isikus PS-i -na, -nä või -ne, -ne (eesti -nne, -ne, -nna, -na, isuri -nne(k)). Kettunen (1940: 291) on arvanud, et soome murretesse on PS -nno(?), -nnö(?) kujunenud mitmuse I isiku PS-i -mmo(?), -mmö(?) analoogial.

Vadja keele PS-i esinemisvõimaluste kohta on eri autoritel olnud mitmesuguseid arvamusi. On sedastatud, et PS-i võib kuulda kas peamiselt või üksnes rahvalauludes (Ahlqvist, Mark, Adler, Laanest) ja et kõnekeeles nad on taandumas või taandunud (Ahlqvist, Mark, Ariste). Pole aga seda lähemalt analüüsitud, kas PS võib veel tänapäevalgi vadja keeles esineda ja missuguses ulatuses ta esineb.

Vadja ja isuri keelt rööbiti jälgides on käesoleva kirjutise autor võinud nentida, et isuri keeles on PS-i tarvitamine veidi üldisem kui vadja keeles. Kaasaja isuri keele PS-i esinemisest on avaldatud lühilüllevaade (Ariste 1958). Vadja keele PS-i esinemust on pidevalt jälgitud aastate jooksul isegi pärast seda, kui ilmus vadja keele grammatika (Ariste 1948), saamaks täielikuma kujutluse sellest, kuidas PS tuleb esile viimaste vadjalaste keeletarvituses.

PS on tänapäeva vadja kõnekeeles haruldane. Eri küladest ning eri isikutelt on seda siiski kuulnud. Ainsuse I isiku PS-i on kasutatud vokatiivselt. Kui pöördutakse meelitades või imetledes lähimate sugulaste poole, võidakse öelda: poikani! '(mu) poeg!', tüttäreni, tüttöni '(mu) tütar' (Vaipool), aivoi.tüttäreni! minnuu räjä eväd vē 'Ai vai, (mu) tütar! Mind taeva ei viida', emäni! enneni! '(mu) ema! emake!', tättoni! '(mu) isake!', ol'á sisoni! 'mu öeke Ol'a!' (Liivtsülä). I isiku PS võib esile tulla ka selle isiku nimes, kelle poole pöördutakse: etko siä nüttä terve. ma t'oni? 'kas sa oled nüüd terve, Mat'oke?' (Luuditsa), emetko siä süönnü, marffa-ni? 'kas sul on kõht täis, Marfake? (küsitud kitselt, Lempola). I isiku PS-i vokatiivne tarvitamine pole siiski üldine. Kuuldust on jäänud mulje, et seda kasutatakse eriti just emotsionaalses kõnes. Emotsionaalselt oli öeldud järg-

minegi lause: siä et tõž emäni lahsi! 'sa oled ka minu ema laps!'. Muudel juhtudel on I isiku PS esinenud üsna harva, nagu näit. lauses ämmäni eli jarvigoistšüläst (Liivtšülä), miä izze prävitiñ lehmīn 'ma ravisin ise oma lehma' (Luuditsa).

Ainsuse II isiku PS on võidud kirja panna vaid üksikjuhtudel: ämmäz eli mokoma neita 'su ämma oli niisugune nõid' (Liivtšülä), kuza tāttož? 'kus su isa on?' (Luuditsa), mānez on māz 'su ema on maetud' (Jõgõperä), hitto selčõž! 'kurat su selga!' (kirusõna hobusele, kes ei kuulnud sõna; Rajo), siä rissenäs paitā pāl elä pā 'sa oma ristiema särki selga ära pane' (Kukkuzi). Veidi tavalisem on II isiku PS-i tarvitamine koos omastava ja mõnevõrra ka enesekohase asesõnaga: tuo emas tütär 'too oma tütar', vēerā naisečkā tanciD, ed emaskā 'võõra naisega tantsid, ei omaga' (Lempola); anna siä emileiz lahsilaiļē mettā 'anna sa oma lastele mett', veta enelēz 'võta enesele'.

Ainsuse III isiku PS-i on koos nimisõnaga kuulnud üsna harva: čenē kala? - tāmā kalaž 'Kelle kala? - Tema kala' (Rajo). Selle isiku PS on esinenud peamiselt seoses asesõnadega ene-, en- ja ema (murrakuti oma): kunikas kuccu enelliēz dvorccā 'kuningas kutsus enese juurde lossi', kunikaz jätti tāmā eneskā 'kuningas jättis ta enese juurde' (Lempola), äd' d'ä leivā leikkaz enellež 'vanaisa (või äi) lõikas leiva enesele', enellež leipā tōļ sāvva 'enesele tööga leiba saada', vettivad enellēs pikkaraizē paļļā māta 'võtsid enesele väikese tüki maad' (Kõrvõttula), ja entā vėl lauļotaB 'ja sunnib ennast veel laulma' (Luuditsa), jätti emaz lahžē sinne 'jättis oma lapse sinna', švētta tueb emāš šlāppiā eccimā 'rootslane tuleb oma kübarat otsima' (Mati).

Kirjeldatud PS-i esinemisseigad on olnud sellised, et neid ei saa pidada täiesti juhuslikeks. Kõnelejate keelevaistus näib olevat säilinud mingi teadvus nende funktsioonidest. Kõnelejad pole aga olnud kindlad, missuguse isiku PS-i võiks kasutada või peaks kasutama, sest on täheldatud juhte, kus III isiku PS on märkinud ka I ja II isikut: miļļ eli enes se vana äijā 'mul oli enesel (enese oma) see vana äi (või vanaisa)' (Rajo), elä kertā entā ličassa 'ära puuduta end näost' (Mati).

Mitmuse isikuist pole käesoleva kirjutise autor kuulnud PS-i kasutamist.

Possessiivsufiksud on vadja keelest kadunud selle tõttu, et nad olid muutunud liialisteks, nagu nad olid saanud liialisteks ka eesti keeles. Isikuliste asesõnade eri käänded väljendavad küllalt ilmekalt asjaomasele isikule kuuluvust, nagu minu poika, sinu isa, täma tütar 'minu poeg, sinu isa, tema tütar' jne. Seega pole PS-i tarvitamiseks (minu poikani, sinu isäzi, isäZ) mingit otsust vajadust. Samuti on ilma PS-ta ilmekas väljend vetad enellē, enelē ega pole vajadust öelda vetad enellēZ jne., sest asjaomane pööre väljendab isikut. Vadja ja ka eesti keeles on PS-i kasutamine hakanud taanduma juba sajandite eest. Eesti vanimates kirjakeele mälestistes on PS rudimentaarselt alles (Alvre 1968). Vadja keelenäited küünivad tagasi üksnes 18. sajandi teisele poolele. Alguses on nad üksiksõnalised ja hiljem on nende hulgas ohtrasti rahvalaule, mille vormistik on ikka olnud vanamoelisem kõnekeele omast. Jutustus-test võib aga seda nentida, et näiteks Ahlqvisti ja Alava kirjapanekuis on possessiivsufikseid siiski veidi rohkem kui neid kuuleb tänapäeval. PS-i kadumine on vadja keeles toimunud järk-järgult. Sama võib arvata eesti keele PS-i kaost.

Vadja keeles on määrsõnu, mille lõpus esineb VP, omaaegne III isiku PS, ses mõttes omaaegne, et praegused keeletarvitajad ei taju seda kuidagi enam isikut tähistava liitena. VP on arenenud järgmiselt: VP < *VP + n < *-hen, *-hen < *-zen, *-zen. Asjaomane PS oli liitunud käändelõpudele. Eri käänetest moodustatud määrsõnu, mille lõpus on VP, on esitatud juba vadja grammatikas (Ariste 1948: 114-115; 1968: 105-106) ning mainitud käesolevas kirjutises. Neile lisaks toodagu siinkohal veel järgnevad:

Adessiivis on kumma лля 'kummuli' (Kattila), kum-мол лля, kumмолä, kumму лля: pani päť kumму лля 'pani potid kummuli', pata on kumму лля 'pott on kummuli' (Liivtsüälä), hulkkü лля: lehmä eli hulkkü лля 'lehm hulkus ringi' (Liivtsüälä); kehal лля, kehalä (Mati, Rajo), kohalä (Kukkuzi) 'kohe, otsekohe, kohalt'; čüllellä: lehmä pantī čüllellä 'lehm pandi küljeli, küliti' (Luuditsa); umme лля: vaсса on umme лля 'kõht on kinni' (Rajo); isu лля, issu-

zillā: tāmā on isullā 'ta on istukil' (Luuditsa), tāmā on issuzillā id. (Jõgberä); tõmizillā: miä en jo tõmizillā 'ma olen juba sünnitsmas' (Rajo), lehmā eli tõmizillā 'lehm oli poegimas' (Mati).

Ablatiivis on järgmised määrsõnad: vanaltā: eli meillā vanaltā m a t i čülā teizeza paikkaza 'oli meil vanasti Mati küla teises kohas' (Mati); elokkātā: meni elokkātā autā 'läks elavalt hauda' (Liivtsülā); sõjaltā 'soojalt' (Rajo); variātā: sütī variātā 'sõõdi palavalt'; čülmältā: vē valanna čülmältā 'vee valame külmalt, külmana' (Liivtsülā); äleltā: piti itkeak äleltā 'pidi itkema hääleaga (surnut, pruuti jne.)' (Itšäpäivā); ülleltā: ülleltā leikattu 'ülevalt lõigatud' (Liivtsülā).

Elatiivis on üvessā: pezen sēnēd üvessā 'pesen seened uuesti'; äččissā: tāmā hõittü äččissā 'ta ehmus äkiki' (Liivtsülā). Isuri keelest on laenatud määrsõnad jārestā 'otsekohe', eristā 'eraldi' (Vaipooli), enne vanastā 'ennevanasti' (Liivtsülā), mis on mugandatud teiste määrsõnadega samasse morfoloogiarühma. Isuri keeles on ka III isiku PS kujunenud määrsõnade moodustajaks.

Essiivis olev määrsõna ühsinā, ühsinnā, ühsnā, üψsinā, üψsinnā, üψsnā 'üksinda' on üldvadjaline. Samuti üldvadjaline on täünā, täünnā, täunčā (Lempola, Pummala)'täis'. Essiivis on ka nüttenā: susia miä en ē nüttenā nähnüd 'hunte ma pole nüüd näinud' (Rajo). Kas mitmuse essiiv või komitatiiv esineb määrsõnades čehsinā, čehsnā (üldvadjaline) 'omakeskel, omavahel' ja ičinä: mitä ičinä (< ičā 'iga') 'mida tahes' (Vaipooli).

Komitatiivis on jalakonā: pani tätā jalakonā setkomā savvea 'pani ta jalgadega savi sõtkuma' (Lempola), selčinā 'seliti' (Liivtsülā); jūrinā päivinā 'täiesti' (Luuditsa); keikkinä: tulit siä keikkinä kottō? 'kas sa tulid lõplikult koju?', bašmakka keikkinä rikkanZ 'king läks täiesti katki' (Mati).

Lõppkokkuvõttes võib lühidalt nentida, et viimaste vadjalaste keeletarvituses võivad possessiivsufiksид praegugi esineda, kuid nende esinemine on täiesti hajus või juhuslik.

K i r j a n d u s

- A d l e r, E. 1968, Vadjalaste endisajast I. Idavadja murdetekste, Tallinn.
- A h l q v i s t, A. 1856, Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning. (Acta Societatis Scientiarum Fennicae V 1), Helsingforsiae.
- A l v r e, P. 1968, Omastusliitelistest määrsõnadest eesti kirjakeeles ja murdeis. - Keel ja Kirjandus 11, 658-671.
- A r i s t e, P. 1948, Vadja keele grammatika, Tartu.
--- 1958, A mai izzor nyelv birtokos személyragjai. - NyK LXI, 5-9.
--- 1968, A Grammar of the Votic Language, Bloomington - The Hague (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series 68).
- K e t t u n e n, L. 1915, Vatjan kielen äännehistoria, Helsinki.
--- 1930, Vatjan kielen äännehistoria. Toinen uusittu painos, Helsinki.
--- 1940, Suomen murteet III B. Selityksiä murrekartastoon, Helsinki.
- K e t t u n e n, L., L. P o s t i 1932, Näytteitä vatjan kielestä, Helsinki.
- L a a n e s t, A. 1975, Sissejuhatus läänemeresoome keeltesse, Tallinn.
- M a r k, J. 1923, Die Possessivsuffixe in den uralischen Sprachen. I. Hälfte. Einleitung, frühere Arbeiten, die Possessivsuffixe in den ostseefinnischen Sprachen, Helsingfors (Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia LIV).
- S e t ä l ä, E. N. 1890-1891, Yhteissuomalainen äännehistoria, Helsinki.
--- 1964, E. N. Setälän vatjalaisuistiinpanot. Painokuntoon toimittaneet ja julkaisseet Lauri Posti ja Seppo Suhonen, Helsinki (Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia 135 3).

- А д л е р Э. 1966, Водский язык. - Языки народов СССР III. Финно-угорские и самодийские языки, Москва, II8-137.
- Л е н с у Я. Я. 1930, Материалы по говорам води. - Западно-финский сборник, Ленинград, 201-305. (Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран 16).
- Ц в е т к о в Д. 1922, Эсимейн вадья чээле грамаатикк. Первая грамматика водского языка. (Käsikirja Enn-keele Seltsi arhiivis.)

П. А р ш т е
(Тарту)

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ В СОВРЕМЕННОМ ВОДСКОМ ЯЗЫКЕ

Р е з ю м е

В исследованиях XIX века, посвященных водскому языку, приводятся притяжательные суффиксы для всех лиц единственного и множественного числа, но без анализа их употребления. В докторской диссертации Ю. Марка (1923) утверждается, что притяжательные суффиксы выступают преимущественно в старых народных песнях. В разговорном языке они представляют собой уже окаменевшие формы. Эти положения неоднократно повторяются и в работах XX столетия.

В публикуемой работе доказывается, что притяжательные суффиксы всех лиц единственного числа выступают как живые формы. Однако их употребление ограничено. Они выступают только в сочетании с собственными именами и терминами родства. Утратив свое значение, притяжательные суффиксы 3 лица часто употребляются в сочетании с наречиями.

Das Wotische ist mit dem Estnischen nahe verwandt. Jetzt ist diese interessante althergebrachte ostseefinnische Sprache fast völlig ausgestorben. Es gibt etwa 25 Menschen, die ihre Muttersprache noch vollständig beherrschen. Neulich hat Gy. Décsy die Sprecherzahl des Wotischen mit 500 angesetzt (Décsy 1973: 72). Diese Zahl ist stark übertrieben. Es gibt höchstens 100 Menschen, die das Wotische irgendwie verstehen können. Die meisten von ihnen können aber keinen ordentlichen Satz in dieser Sprache bilden und ihr Wortbestand ist sehr begrenzt. Das Wotische ist für sie eine passive Sprache, die sie neben Russisch oder Ižorisch sich angeeignet haben. Nur in einigen wenigen Familien wird Wotisch als lebendige Umgangssprache gesprochen. Im Wotischen gibt es im allgemeinen dieselben Postpositionen wie im Estnischen (Ariste 1968). Auch die Funktionen der entsprechenden Postpositionen sind die gleichen. Einige der gemeinsamen Postpositionen haben jedoch im Wotischen vom Estnischen unterscheidliche Funktionen, die ihre Entsprechungen in den russischen Präpositionen haben. Man kann deshalb schon ohne weiteres voraussetzen, daß diese unterscheidlichen Funktionen im Wotischen auf das Modell des Russischen zurückzuführen sind. In der Zeitschrift "Sowjetische Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft" hat der Unterzeichnete einen längeren Aufsatz über einige wotischen Postpositionen, auf deren Funktionen das Russische einen großen Einfluß ausgeübt hat, veröffentlicht (Ariste 1975: 4-20). Unter diesen Postpositionen fehlen aber tagā und takana, die hier näher behandelt werden.

Die wotischen Postpositionen tagā, taggā, als ižorisches Lehnwort auch takkā, takkā 'hinter, an (wohin?)' und takana, takanna, takañ 'hinter, an (wo?)' haben dieselben

Funktionen wie die estnischen Postpositionen taha und taga, die finnischen taa, taakse und takana und die ižorischen takkā, takkaks und takkān: tāmā issūp pū tagā 'er setzt sich hinter dem Baum hin' (Dorf Kattila); koira johsi rat-ti taggā 'der Hund lief hinter den Speicher'; issū tavvā taggā 'setz dich an den Tisch' (wörtlich: hinter den Tisch) (Mati); čen meni ritā takkā 'wer ging hinter den Holzstapel?' (Luuditsa); čüllā takanna on pihkuzikko 'hinter dem Dorf ist ein Kiefergehölz' (Mati); tara on lautā takana 'der Obstgarten ist hinter dem Viehstall' (Liivčüllä). Direkte Entsprechungen der wotischen Postpositionen gibt es auch im Livischen, Karelischen, Lydischen und Wepsischen. Im Russischen entspricht diesen Postpositionen des Wotischen und der anderen ostseefinnischen Sprachen die Präposition за. Die russische Präposition hat jedoch eine von den Postpositionen der ostseefinnischen Sprachen unterscheidliche Gebrauchssphäre. Es gibt einige Beispiele dafür, wie die Funktionen der russischen Präposition за das Modell für die Änderung der Gebrauchssphäre der wotischen Postpositionen abgegeben haben.

1. Im Wotischen kann man mit den Postpositionen taga und takana auch das Heiraten und das Verheiratetsein bezeichnen: ol'ga meni pōrenna mehhe taggā 'Olga heiratete jung', russisch Ольга молодой вышла замуж; elin mehhe takanna emaza čülläzä 'ich war verheiratet mit einem Mann aus unserem Dorf', russ. Я была замужем в своей деревне (Mati); tāmā meni jōmeri takkā mehelē 'sie heiratete einen Säufer', russ. она вышла замуж за пьяницу (Rajo). Gewöhnlicher sagt man doch: ol'ga meni mehelē und elin mehellä emaza čülläzä, also so wie auch im Estnischen: Olga läks mehelle und olin mehel omas külas. Im Wepsischen gibt es gleichfalls eine solche Funktion der Postposition taga, wie sie fürs Wotische dargelegt wurde (Зайцева, Муллонен 1972): l'ähttä meheme hänen taga 'ihn heiraten', russ. выйти замуж за него; hän on mehliu minun vel'l'en taga 'sie ist mit meinem Bruder verheiratet', russ. она замужем за моим братом. Ebenso sagt man im Lydischen (Kujola 1944): l'ähttä hänen taga miehelle 'mennä hänen kanssaan naimisiin' (= 'ihn heiraten'). Die dargelegte Funktion der wotischen, wepsischen und lydischen Postpositionen ist offensichtlich nach dem Modell

der russischen Präposition за in diesen Sprachen gekommen.

2. Die Postposition takana kann im Wotischen auch das Entferntsein bezeichnen, ohne darauf zu verweisen, hinter wem oder wohinter etwas ist: elämmä keämē kilometri takan̄ čülässä 'wir leben drei Kilometer vom Dorf entfernt', russ. мы живем за три километра от деревни. Obwohl dieser wotischen Funktion des Postposition takana einige Funktionen in den stammverwandten Sprachen nahe liegen, wie z. B. das estnische kaugē maa taga 'in weiter Ferne', das finnische penikulmien takana olevat korpikylät 'einige Meilen entfernt liegende Walddörfer' usw., kann man in der dargelegten Funktion der wotischen Postposition das direkte Modell des Russischen sehen.

3. Im Wotischen kann tagā auch als Präposition vorkommen: menemmä tagā lidnā 'wir verlassen die Stadt, wir gehen aus der Stadt' (Kattila), russ. выйдем за город; mēz õhāi meccäzä i meni taggā kukkuzi 'der Mann verirrte sich im Walde und gelangte nach dem Dorf Kukkuzi' (Mati), russ. мужик заблудился в лесу и вышел за Кривовицу. Der Gebrauch der wotischen Präposition in dieser Funktion geschieht nach dem russischen Modell, obwohl auch im Estnischen schon im Estnisch-Deutschen Wörterbuch von F. J. Wiedemann (1869) taga linna 'jenseits der Stadt' und se on taga meid 'das ist hinter uns gelegen' vorkommt. Im Landkreise nördlich von der Stadt Tartu bedeutet taga Tartu 'südlich von Tartu', 'jenseits von Tartu'. Sogar in der heutigen estnischen Umgangssprache kann man statt selja taga (rääkima) 'hinter dem Rücken (sprechen)' auch tagaselja 'hinterrücks' sagen. Im Estnischen ist der Gebrauch dieser Präposition ebenfalls nach dem russischen oder deutschen Modell entstanden: taga linna + russisch за ГОРОДОМ oder deutsch hinter der Stadt. Auf das Wotische hat die deutsche Sprache keinen Einfluß ausgeübt.

L i t e r a t u r

A r i s t e, P. 1968, A Grammar of the Votic Language, Bloomington - The Hague (UAS 68).

- 1975, Das russische Modell für die Funktionen wotischer Postpositionen. - *СФУ* XI, 4-20.
- D é s s y, Gy. 1973, Die linguistische Struktur Europas. Vergangenheit. Gegenwart. Zukunft, Wiesbaden.
- K u j o l a, J. 1944, *Lyudiläismurteiden sanakirja*, Helsinki.
- З а й ц е в а М. И., М. И. М у л л о н е н 1972, Словарь вепского языка, Ленинград.

П. А р я с т а
(Тарту)

ВОДСКИЕ ПОСЛЕЛОГИ tagā И takana

Резюме

Водские послелогии tagā и takana 'за' имеют такие же функции, как и их соответствия в других прибалтийско-финских языках (эст. taha, taga, фин. taa, takana и т.д.). Однако, в водском языке у этих послелогов под влиянием русского языка развились и другие значения. 1. mehe tagā и mehe takana являются кальками русских слов замуж и замужем . 2. Как русское за, так и водское takana выражают дальнейшее расстояние, за которым кто-то или что-то находится. 3. В водском языке menā tagā lidnā возникло в результате калькирования русского выражения выйти за город.

М. А т а м а н о в
(Тарту)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВОРШУДА У УДМУРТОВ

"Единственно, что более или менее твердо установлено в науке, это родовой характер культа воршуда и связь его с культом предков. Но древнейшие религии все были родовыми, а формы культа предков у других народов не увязываются с формами удмуртского культа воршуда; между тем все древнейшие идеологические надстройки у разных племен развивались на общей материальной основе, и своеобразие воршуда остается загадочным" - пишет Д.К. Зеленин в своей неопубликованной статье, посвященной проблеме происхождения воршуда у удмуртов (Зеленин 1940 : I-14).

Первые упоминания о разновидности воршуда - мудоре относятся ко второй половине 18 века. Известный путешественник капитан Н.П. Рычков записал в своем журнале: "По прошествии каждого года перед ветвями, служащими им за образ домашнего их бога, убивают на жертву молодого теленка, когото уши кладут на ту доску, где лежат пихтовые ветви; а та хранина, которую я считал за житницу хозяина того дому, служит вместо храма Модору посвященного: ибо жертвенного тельца убивают посреди сего места" (Рычков 1770 : 60).

Одним из первых исследователей, Д. Островский приводит названия некоторых воршудов. Он также отметил, что "вследствие размножения рода несколько деревень имеют иногда одного духа-покровителя" (Островский 1874 : II).

Более подробное описание воршуда мы находим у Б. Гаврилова: 'Воршуд или шуд ворднсь (хранитель счастья, по казански вож шуд - молодое счастье) есть не что иное, как название держателя или хозяина счастья, который, управляя счастьем человека, имеет власть осчастливить его и лишить счастья в отношении средств к безбедной жизни". Он приводит 17 воршудных названий и считает, что они получили свои имена от счастливых по понятию удмуртов женщин. Местом нахождения воршуда является куала, помещение, имеющее четыре стены, од-

ну низенькую дверь и крышу: ни пола, ни потолка в куале нет. Дальше автор сообщает интересные сведения о воршудном коро-
бе, в котором лежат серебряные или медные монетки, пучек бе-
резовых или пихтовых веток, белчья шкурка и маленькая куле-
бяка: "вот эта коробка со всем находящимся в ней и называет-
ся воршудом". Моления в честь воршудов или воршудам бывают
частные, родовые, и общие - всем селением. (Гаврилов 1880 :
160-162).

Первые сведения о человекоподобном изображении воршуда в
виде идола мы находим у В. Кошурникова и М. Буха. Первый из
них дает описание идола удмуртов, который был сделан из гру-
бо отесанного чурбана, представляющего одну голову, с подве-
шенной к подбородку бородой из болотных трав. Идола хранили
в специальном помещении - в куале. В. Кошурников сообщает и
о другом образчике Инмара (воршуда), которого изображали
также в виде человекоподобного идола. Его слепляли из теста
или из хлеба и ставили в ящик с маленьким отверстием сбоку,
в виде оконца. В момент произнесения молитвы оконце открыва-
ли, чтобы идол наблюдал за усердием молящихся и знал, о чем
обращаются к нему с молитвой. По произнесении молитвы оконце
закрывали, и ящик с идолом куда-нибудь прятали. (Кошурников
1880 : 20-21).

М. Бух, ссылаясь на Н.П. Рычкова, отмечает, что на полке
куалы (родового святилища) находятся зеленые ветки, которую
называют Модор. Сущность модора Бух объясняет как границу
человеческого и божеского существования. Бога, живущего в
этих ветках называли воршудом. Автор отмечает, что почитание
воршуда древнее почитания Инмара. Удмуртский воршуд он срав-
нивает с чувашским Ирихом, который представлял собой ма-
ленькую литую оловянную фигурку. Ему также приносили жертву
в виде каши. (Бух 1880 : 165-168).

Богатый фактический материал содержится в трудах Г.Е.Ве-
рещагина и Н.Г. Первухина. Г. Верещагин, выходец из среды
самого удмуртского народа посвятил данной проблеме ряд ра-
бот. Он считал, что воршуд является главным божеством удмур-
тов, которое невидимо присутствует в куале. Интересно его
сообщение о том, что при жертвоприношениях воршуду у каждого
рода существуют свои особенности: так, например, у рода Пу-
пья приносят двух телок, а у рода Боня - телку и жеребчика,
к которым присоединяют потом еще две утки. (Верещагин 1889 :
80, 107).

Неоценима заслуга Н.Г. Первухина в том, что он в течение всей своей жизни собирал сведения о воршудах путем расспросов священников удмуртских приходов, местной интеллигенции и учащихся-удмуртов. Ему удалось обнаружить на территории Глазовского уезда 50 воршудно-родовых группировок и на этой основе высказать предположение, что у удмуртов существовало 70 родовых групп. Дальнейшие исследования подтвердили предположение Н.Г. Первухина. По его мнению:

1) воршуд – это родовое божество, носящее имя родоначальника, или, как он тонко замечает, едва ли не скорее родоначальницы;

2) воршуд значит также: изображение родового божества, идол, а иногда, может быть, и символический знак рода;

3) воршудом называется воршудный короб, который помещается в куале;

4) значение слова воршуд – 'род, поколение', относящееся исключительно к лицам женского пола. Это фамилия матери, переходящая через дочку к внучке и таким образом сохраняемая в потомстве. Как считает Первухин, воршуд происходит из двух слов: глагола вордны 'хранить, оберегать, держать в тайне' и существительного шуд 'счастье в смысле благополучия, а также и счастье в смысле участи, доли, жребия'. (Первухин 1888 : 19, 22, 24, 39).

П.М. Богаевский отмечает, что молиться одному и тому же воршуду могут лишь члены семьи, соединенные кровным родством. Приемный зять, приемный сын, муж, женатый на вдове, – все они должны принести своего воршуда, в противном случае им придется жить на счастье принявшей их семьи. (Богаевский IV : 96). По определению П.М. Богаевского, "воршуд – хранитель счастья и покровитель семьи" (Богаевский 1890 – 96).

Не менее интересны тексты песни и молитвы, обращенные к воршуду: "Благословенный Воршуд, небесный росодатель! Снабди нас благополучным житьем, соблаговоли благополучно провести сей праздник, соблаговоли жить с хорошими людьми, с хорошими детьми; врагу, супостату не дай на съедение. Дай нам хороший год, чтоб мы также благополучно встретили этот праздник и в будущем году. Хорошо уроди наш хлеб. Боже! Сотвори по моей просьбе" (Богаевский 1890 : 42).

Немало ценных сведений о воршуде и мудоре приводит И.Н. Смирнов, автор большой монографии об удмуртах дореволюционного периода. "Воршуд означает прежде всего антропоморфного

духа-покровителя; затем это слово стало употребляться для обозначения его идола, места, на котором стоит идол, ящика с частями или изображениями принесенных ему жертв и, наконец, совокупности людей ему поклоняющихся". По сообщению Смирнова, в Сарапульском, Елабужском и Бирском уездах или вместе с воршудом, или как синоним его употребляется слово мудор, значения которого также разнообразны. "Мудор, - пишет Смирнов, - возводит нас к первичной стадии анимизма, к эпохе, когда каждому отдельному предмету приписывался особый дух, к фетишизму. История развития понятия о мудоре представляется нам в следующем виде. Это дерево-покровитель, или точнее дух дерева-покровителя, и его части - ветви, хранимая в куале, затем дух покровитель вообще и его изображение, наконец, место присутствия духа и приносимая ему жертва". (Смирнов 1890 : 216).

В.Н. Харузина считает мудор духом-покровителем целого рода, а воршуд - духом-покровителем семьи. Всякий раз, когда семья нуждается в чем-нибудь, она обращается к своему духу-покровителю - воршуду. Всякий раз, когда нужно что-нибудь всему роду, весь род молится своему родовому духу-покровителю - мудору. "Мудор живет в быдзым куа, днем он, подобно пчеле, улетает на цветы и только ночью, как пчела возвращается в улей, и дух-покровитель возвращается в быдзым куа. У каждого рода есть свой мудор, и мудору одного рода не молятся лица другого рода". (Харузина 1898 : 31-34).

Совершенно противоположного мнения о происхождении воршуда придерживался А. Блинов. По его мнению, "воршуд есть испорченное составное слово "вуж-шуд", упоминаемое в молитве для определения полноты счастья, необходимого довольства в жизни, в смысле как жили в старину счастливо, так и впредь было бы". При этом он ссылается на слова информатора-удмурта, принимая высказывание одного человека за истину и передавая при этом само слово воршуд в виде вуж-шуд - старое счастье. По определению А. Блинова, "мудор - это подставка, помещение для воршудного приношения. Назначение мудора приблизительно сходно с тем, какое у нас дается киоти, божнице; некоторые вотяки даже прямо переводят "престол". (Блинов 1898 : 15).

М.Г. Худяков - наиболее тонкий знаток удмуртской воршудной организации в целом. Его перу принадлежит ряд работ, посвященных данной проблеме. Он одним из первых начал решать

вопрос в связи с этногенезом удмуртского народа. М.Г. Худяков был первым исследователем, который дал полный список всех известных в то время 70 воршудно-родовых названий, с указанием уезда их бытования. По сей день этот список не устарел, он требует лишь некоторых уточнений и дополнений. "Воршуд действительно является женщиной-родоначальницей и в то же время богиней счастья. Названия воршудов являются собственными женскими именами". (Худяков 1920 : 356). М.Г. Худяков обратил внимание на связь воршудных имен с тотемизмом. Он писал, что "в некоторых случаях названия воршудов, т.е. родовые имена, совпадают с названиями тотемных животных" (Худяков 1936 : 44).

В послеоктябрьский период данная тема в какой-то степени нашла свое отражение в работах М.О. Косвена, В.Н. Налимова, Н.Я. Марра, А. Пянт, В.Н. Белицер. Заслуживает внимания "Курс этнографии вотяков" А.И. Емельянова, в котором обобщены труды предыдущих исследователей. Много интересного он взял из "Религии финских народов" финского ученого У. Хольмберга.

Шуд вордйсь или воршуд А.И. Емельянов считает домовым духом, покровителем семейного счастья. Удмуртскую куалу (родовое святилище) он сравнивает с вогульскими и остяцкими лачугами-молебными. В задней части этих лачуг, подобно удмуртскому воршудному коробу, хранится особый божий сундук, где имеется изображение домового духа. "Аналогичные изображения, - заключает А.И. Емельянов, - существовали и у удмуртов, когда они стояли на той же стадии культурного развития, что и их вышеупомянутые сородичи". Воршудный короб служил местопребыванием домового духа в виде какого-нибудь идола. Очень интересны его сведения об идолах, которые он извлек из различных источников. (Емельянов 1921 : 44-52).

Как и В.Н. Харузина, В.Н. Налимов считает мудор родовым божеством, покровителем рода, а воршуд - покровителем семьи. "Воршуд, безусловно, является покровителем, давшим счастье определенному семейству или роду, связанному не всегда кровными узами. Но это и не предок. Это сила природы, производящая сила". Исследователь отмечает, что среди финно-угорских народов довольно сильно развит культ птиц. Особенным вниманием пользуется лебедь. Лебеди символизируют супружескую верность, преданность, нежность чувств. По верованиям удмуртов, лебеди молятся за них Инмару - главному верховному божеству удмуртов. (Налимов 1928 : 152-168).

Одной из основополагающих работ по воршудно-родовой организации удмуртов является статья М.О. Косвена "Распад родового строя у удмуртов", вышедшая в 1931 г. Хотя автор отчасти и преувеличивает наличие отдельных пережитков родового строя у удмуртов, но это ничуть не умаляет ценности труда и по сей день. Наряду с работами Н.Г. Первухина, П.М. Богаевского, М.Г. Худякова, Д.К. Зеленина, статья М.О. Косвена является одним из интересных и ценных исследований по данной проблеме. М.О. Косвен в 30-е годы, находясь в экспедиции в удмуртских деревнях, обратил внимание на то, что большинство удмуртов старшего поколения сохраняет представление о своей принадлежности к определенному роду. Такое представление уже имеет скорее, так сказать, номинальный характер, в него не вкладывается никакого социального содержания. Однако, идея культового значения такой принадлежности к определенному роду хорошо сохранилась до недавнего прошлого. По М.О. Косвену, ворд-шуд или шуд-вордись означает 'рождающий или носящий счастье'. Каждый удмуртский род носит особое имя. Существующие попытки расшифровать происхождение и смысл этих слов не являются убедительными. Автор считает, что на известной стадии развития языка эти слова представляли собой женские имена, причем некоторые из них названия богинь-женщин. М.О.Косвен высказал предположение, что, вероятно, эти родовые имена имеют в основе тотемическое происхождение. Он отмечает наличие у удмуртов общих родовых святилищ - куала и общеродовых кладбищ. Анализируя и "историзируя" наличный материал, М.О. Косвен рассматривает важнейшие этапы истории удмуртского рода и его распада. Он находит отчетливые следы начального материнского рода, отмечает, что "среди этого народа женщина с изумительной стойкостью сумела сохранить, в известной, конечно, мере, свое равноправие и независимое положение в различных областях жизни и быта". Процесс разрушения родового строя и нарастание капиталистических отношений шел у удмуртов сопровождаясь цепким переживанием родовых отношений и родового права. Особенно сильными оказались религиозные пережитки. (Косвен 1931 : 5-35).

Особый интерес представляет неопубликованная статья Д.К. Зеленина "Происхождение воршуда". Автор отмечает, что некоторые родовые имена удмуртов восходят к именам животных, очевидно, тотемов. В качестве примера он приводит этимологию некоторых из них. Нередко одно и то же племя имело два тотема

ма, один - животный, а другой - растительный. Тотемическое происхождение воршуда объясняет нам пережитки матриархата: тотемизм был родовой религией в эпоху материнского рода. Д.К. Зеленин считает, что в эпоху патриархального рода культ воршуда получил новое содержание - превратился в культ домашнего духа-предка, хранителя семейного очага и счастья. (Зеленин 1948 : I-14).

Некоторый интерес представляют замечания А.Ф. Трефилова на эту работу. Вся полемика сосредоточивается вокруг происхождения воршуда и мудора. Подобно А. Блинову, А.Ф. Трефилов не считает воршуд за божество. По А.Ф. Трефилову, "воршуд - это ритуал, а не божество, не демон, не предметы", и что "это церемония исполнения ритуала обращения к прорадительнице - му". (Трефилов 1948).

С середины 30-х и до 60-х годов появлялись лишь отдельные упоминания воршуда в трудах, посвященных этнографии народов Поволжья (С.А. Токарев, К.И. Козлова). Козлова считала воршуд покровителем семьи и, подобно М. Буху, сравнивала его с чувашским Йерехом и марийским кудо ваднь (Козлова 1964 : 158). Последний этап в изучении воршудов начинается с конца 60-х годов в связи с бурным развитием ономастики как самостоятельной отрасли языковедения. Начали проводиться всесоюзные конференции по ономастике, на которых выступали и удмуртские исследователи (С.К. Бушмакин, Г.А. Архипов, Т.И. Телляшина и др.).

Особенно много статей опубликовано С.К. Бушмакиным. Им же дано наиболее удачное определение воршуда: "Воршуд - это не просто удмуртское собственное имя по названию своего рода, но и название (имя) языческого божества, родового гения, хранительницы семейно-родового счастья и благополучия. Основательница рода, впоследствии возведенная в ранг языческого божества - воршуда, своим именем продолжает название рода. Воршудное имя восходит к периоду матриархата" (Бушмакин 1969 : 167).

Следовательно, проблеме происхождения воршуда посвящено большое количество работ. Но, как отмечают исследователи, "своеобразие воршуда остается загадочным". Большинство ученых сходится на том, что институт воршуда - сложное историческое образование, ведущее свое начало от материнской родовой организации (П.М. Богдаевский, И.Н. Смирнов, М.О. Косвен, М.Т. Худяков, С.А. Токарев, В.Е. Владыкин, С.К. Бушмакин и

др.). Одни исследователи считали мудор покровителем рода, а воршуд – покровителем семьи (В.Н. Харузина, В.П. Налимов), другие о мудоре умалчивали, а воршуд считали ожеством, покровителем рода и семьи (Н.Г. Первухин, Г.Е. Верещагин, С.А. Токарев). По мнению третьих, воршуд – не божество, а ритуал (Н. Блинов, А.Ф. Трефилов).

Что же такое на самом деле воршуд и мудор, где их истоки, какова между ними связь? Анализируя этимологию воршудных имен, мы пришли к выводу, что в основе большинства из них лежат названия зверей (куница, олень, белка), птиц (цапля, орел, глухарь, перепелка, ворона, сова, рябчик, дрозд), насекомых (овод, мошкара, водяной паук) – предполагаемых тотемов рода (Атаманов 1977 : 24–26). О древности возникновения воршудных имен говорит тот факт, что все эти зоонимы восходят к уральской, финно-угорской или пермской языковой общности. Нет, кажется, ни одного зоонима, заимствованного из какого-либо языка.

Проблема происхождения тотемизма полностью еще не решена. "В буржуазной литературе существует около 60 теорий происхождения тотемизма, но ни одна из них не может считаться удовлетворительной" – отмечает Ю.В. Кнышенко (Кнышенко 1965 : 193). В последние годы усилиями советских ученых установлено, что тотемистические верования фантастически отражают раннеродовое общество, основой хозяйства которого были охота и собирательство, и что развитому роду тотемизм не свойственен. "Тотемизм, как и всякая религия является фантастическим отражением примитивных материальных условий жизни и социальных отношений бродячих охотников и собирателей лей..., отражением их бессилия в борьбе с природой"; по мнению Д.Е. Хайтуна, тотемизм возник уже в начале верхнего палеолита (Хайтун 1958 : 108). По мнению крупного специалиста в области истории религии А. Донини, тотемизм является первой формой религии человеческого общества, возникшей в период нижнего палеолита. Отсюда начинается историческое развитие религий у народов, вступающих в фазу режима частной собственности, личной власти и рабовладения. (Донини 1966).

"Тотем не божество, главное в тотемизме – вера в родство с ним" – утверждают советские ученые С.А. Токарев, З.П. Соколова и др. "С возникновением тотемизма возникло понятие об общности всех членов коллектива, понятие об их родстве. Представление о тотемистическом родстве является первой формой

представлений о родстве" (Семенов 1966 : 333). "Тотемизм в нашем понимании является религией возникающего рода и выражается в вере в происхождение рода от предков, представляемых в виде фантастических существ — полулюдей-полуживотных, полурастений или объектов неодушевленной природы или людей, животных или растений одновременно, обладающих способностью реинкарнации" (Хайтун 1958 : 108). "Позднейшая судьба тотемизма связана в большинстве случаев с трансформацией первобытных общин, "тотемических групп", т.е. зачаточных родов, в развитые материнские роды на основе мотыжно-земледельческого хозяйства. У очень многих народов этой стадии развития тотемизм оказывается очень устойчивым явлением. Социальной базой его служит материнский, а позже местами и отцовский род" (Токарев 1964 : 75). Большинство из далее изложенных положений основаны лишь на отдельных сообщениях исследователей по религии удмуртов и фольклорных данных, собранных во время полевых исследований. Кроме того, разбирая общую схему развития воршуда, автор руководствовался в основном трудами советских этнографов по истории религии первобытного общества.

Тотемизм, как религия, среди удмуртов исчез давно. Как в религиях большинства народов мира, так и в религиозных представлениях удмуртов сохранились некоторые следы почитания животных и растений. Особым вниманием пользовались птицы — лебедь, голубь, рябчик и др. Из рыб в некоторых местах не разрешалось употреблять в пищу хариуса (удм. вось-чорыг 'священная рыба, рыба, предназначенная для молений').

Среди удмуртов южных и центральных районов республики вплоть до наших дней сохранились антропонимы, происходящие от названий животных, птиц, растений, например, мужские имена: Гондыр 'медведь', Пужей 'олень', Орзи 'орел', Тыпы 'дуб' и др.; женские: Лыдык 'голубь', Бодёно 'перепелка', Якы 'ронжа', Италмас 'купава' и др. Существует поверье, что имена оберегают людей от болезней, от смерти. Обычно их давали в тех случаях, где дети не выживали. Это, возможно, уже следы индивидуального тотемизма, а не родового.

Что касается тотемов рода, то в некоторых местах сохранились предания о том, что воршуд улетает днем подобно пчеле на цветы, или может превратиться в птицу, животного, рыбу или же в человека в белом одеянии. Интересные сведения нам удалось собрать среди удмуртов Слободского района Кировской области. До недавнего прошлого среди слободских удмуртов

стойко держался культ почитания воршуда и особенно общего для удмуртов всех 23 деревень этого района Имма-вожшуда. По преданиям местных удмуртов, на месте г. Хлынова (древнее название г. Кирова) стояло великое святилище племени Ватка. После захвата укрепленного поселения древнеудмуртского племени (около 500 лет тому назад) ушкуйники сожгли здание языческого святилища и на его месте построили православный храм. Из пепла святилища вылетел голубь (удм. дыдык) и улетел в небеса. Это, говорят, был образ Имма-вожшуда, который после этого больше не возвратился на землю. Когда удмурты вынуждены были отступать на восток, наиболее слабые роды укрылись в лесах под городом Слободским и создали новое святилище возле д. Чабъя (Омсино). На моление сюда собираются удмурты всех деревень этого района для поминания Имма-вожшуда "просить пуд 'счастье', вожшуд - это счастье" (со слов информатора). В честь главного племенного божества в жертву приносили бычка рыжей масти или чалого жеребенка и уток. Кости жертвенного животного сжигали на костре. Утка здесь выступает как бы посредником между землей (где живут люди) и небом (обиталище Имма-вожшуда). Стоя лицом к восходящему солнцу, перед костром и возле березы люди произносят молитву:

"Имма-вожшуд! Мы пришли тебя почитать по законам стариков. Мноного говорить, красиво говорить мы уже не умеем. Нам прости за все, Имма-вожшуд! Дай здоровье нашим детям, нашему скоту и птице. Пусть будет хороший урожай на наших нивах, чтоб зерно было золотое с камышеобразным стеблем, по которому смогли бы бегать белки, чтоб на одном колоске выросло 100-1000 зерен. Где тонко, пусть будет толсто. Имма-вожшуд! Береги людей от войн, чтоб люди жили в мире и спокойствии. Злые силы пусть обходят нас стороной. Пусть наша жертва дойдет до тебя, Имма-вожшуд! Дай нам малое богатство, чтоб и в будущем мы смогли прийти к тебе с жертвой. Увидь, услышь нас, Имма-вожшуд. Жертву нашу прими в свои руки. Мы, как маленькие дети, мало знаем, мало понимаем. Не оставляй нас одних, Имма-вожшуд!"

Отдельные информаторы называли Имма-вожшуд просто Дыдык-вожшуд и как бы между ними ставили знак равенства. И в некоторых других местах в качестве своих воршудов называли животных, птиц, например, гсвндыр 'медведь' (дд. Бурино, Мураши; Псекино Слободского района Кировской области; д. Давле-

кан Бураевского района Башкирской АССР), кион 'волк' (д. Кай-машабаш Янаульского района БАССР), дукья 'глухарь' (д. Четырман Янаульского района БАССР), чок 'утка' (д. Тыхтем Калтасинского района БАССР) и др.

Очень интересно предание, услышанное Г.А. Архиповым в д. Баяран Ярского района УАССР. Когда отделившийся род хотел выбрать себе воршуда, они пригласили знахаря (туно), чтобы он им помог. В этот момент мимо людей пролетела паялка 'перепелка', и они приняли это за божий дар. Люди вновь образовавшегося рода решили, что с этого дня у них будет Паялка-воршуд.

Данные примеры еще раз подтверждают предположение исследователей, что в основе удмуртских воршудных названий лежат зоонимы - предполагаемые тотемы рода. С развитием общества и разделением его на классы, животные-тотемы превращаются в животных богов, постепенно отдаляются от людей и уходят (улетают) на небеса. Об этом говорит и наш пример с Имма-вожшудом. Само название общеплеменного божества - Имма-вожшуд - можно расшифровать как им 'небо' + ма 'мать', букв. 'небесная мать', которая имела образ голубя.

Возникновение земледелия, последовавшее вслед за открытием первых грубых земледельческих орудий для обработки земли, означало распад и уничтожение культов, основанных на тотемизме. Как отмечает А. Донини, в ходе развития, длившегося десятки тысяч лет и приведшего к подлинному качественному скачку в результате усовершенствования средств производства и появления классов в обществе, тотем утратил свои первоначальные признаки и превратился в господина, в вождя клана, в "создателя", которого необходимо умилостивить различными магическими обрядами. Тотем приобретает свойства и признаки, все более приближающие его к вождю племени, принимает характер и образ человека и по происшествии известного времени превращается в идола.

Особого расцвета воршудная организация достигла в эпоху матриархата. К этому времени большинство исследователей приурочивали появление воршуда у удмуртов (П.М. Богаевский, И.Н. Смирнов, М.Г. Худяков, В.Е. Владыкин, С.К. Бушмакин и др.). По утверждению Ф. Энгельса, "состав рода в его первоначальной форме состоит из всех лиц, которые путем цунулуального брака и в силу неизбежно господствующих в нем представлений образуют призванное потомство одной определенной

родоначальницы, основательницы рода. Так как при этой форме семьи отец не может быть установлен с достоверностью, то признается только женская линия" (Энгельс 1958 : 87).

Впоследствии женщина-мать - му (мы, муный, мумы, меми) - предполагаемая основательница рода, была возведена в ранг главного божества рода, его хранителя, наделяющую своих потомков счастьем - шуд-вордысь, воршуда. Мы вполне разделяем мнение Н.Г. Первухина и других исследователей, видящих в воршуде глагол вордыны 'рождать, хранить, оберегать, обеспечивать' и существительное шуд 'счастье'. Мы считаем, были бы правы ученые, которые бы отождествляли воршуд и первую часть слова мудор - му, а не все слово мудор. Понятие мудор шире. Му - главная богиня рода, она воршуд - рождающая и охраняющая счастье своих потомков, продолжающаяся свой род. Для нее и в честь ее заслуг строили ей дор 'дом, обиталище'; мудор - это 'дом, обиталище матери', впоследствии названная куа или куала 'святилище'. Первоначально этим обиталищем могло быть какое-нибудь потайное место, которое было укрыто от взора непосвященных. У австралийских племен, например, такими местами служили расщелины скал, дупла деревьев и т.д. У обских угров также "в большинстве случаев родовые святилища находятся в глухих малодоступных уголках тайги, и путь к ним известен лишь членам данного рода" (Чернецов 1947 : 172). По всей видимости, и у древнеудмуртских родов, жителей лесной полосы, подобными тайниками могли служить дупла деревьев, причем, у каждого могла быть определенная порода дерева. Недаром сохранились отголоски почитания отдельным родом определенного вида дерева. Г.Е. Верещагин отмечает, что "при просительном обращении к воршуду летом для каждого племени установлена ветвь особого дерева. Так, например, как нам известно, племя Дунья стоит с липовой ветвью в руке, племя Боня - с березовой и т.д. (Верещагин 1889 : 80-81). В д.Студенный Ключ Можгинского района у рода Жыкья почитаемым деревом была сосна, которую местные удмурты называют Жыкья-пу 'дерево рода Жыкья'. Слободские удмурты во время моления Имма-вожшуду кланяются березе, на нее вешают чуки (лоскутки красной материи), у основания березы бросают серебряные монетки и, произнося молитву, кланяются ей. Ритуальный костер разжигают только из березовых лучин.

Возможно, с тех далеких времен и в наши дни среди пожилого поколения сохраняется поверье, что дерево с места ро-

дового святилища ни в коем случае нельзя трогать, оно священное. Даже срубить ветку запрещается под страхом, что будет несчастье самому или членам семьи. Дерево или деревья, как и родник, обязательные атрибуты родовых святилищ - бидзым-куала. Возможно, с этим же связаны дуло-писпу 'живые деревья' южных удмуртов, когда садили деревья с живыми насекомыми и после этого дерево как бы становилось священным, живым, которого нельзя ни при каком случае срубить.

До появления идола образ хранителя рода мог быть изображен на каком-нибудь предмете, например, на пластинке, которые сохранялись в куалах вплоть до нашего века. В.Н. Белицер в 1931 году сама видела в д. Гора Селты подобную пластинку в родовом святилище с изображением, напоминающим быка (Белицер 1947 : 61). Нечто подобное сообщают и другие исследователи, в частности, Г. Верещагин: "воршуд - это берестяная коробка с серебряной монеткой копеек в 20 или просто оловянная или свинцовая круглая как монета пластинка величиною с четвертак, с изображением какого-нибудь предмета на обеих сторонах. Вот эта-то коробка и есть символ божества Воршуда" (Верещагин 1886 : 212). Возможно, что первоначально эти фетиши хранились в берестяных или лубяных коробках в дуплах деревьев. Впоследствии само это дерево превратилось в священное, так как оно му-дор, т.е. дом, обиталище му 'матери-прародительницы'.

Параллели вышеописанных пластинок или эмблем мы находим в религиях примитивных народов. Например, у австралийского племени арада такие эмблемы-чуринги были овальной формы, каменные или деревянные пластинки с схематическими и символическими рисунками. Они считаются священным достоянием группы, хранятся в потайных местах, где их не могут видеть непосвященные. (Токарев 1964 : 27).

Вслед за фетишами из различных предметов, которых считали наделенными сверхъестественной силой и населенными неким "духом", появляются человеческие изображения - идолы. "В народе до сих пор сохранилась еще память о существовании некогда изображений домового духа в воршудном коробе. Данные истории тоже не противоречат этому преданию. В одном историческом документе от 1890 г., касающемся удмуртов Елабужского уезда, говорится, что крещеные вотяки в своей куале молились на коленях перед деревянным болванчиком" (Емельянов 1921 : 44). Далее этот же автор сообщает другие образчики удмурт-

ских идолов, сделанных из дерева, глины, меди. У некоторых были рога на голове и металлические письмена на груди. Такой идол имелся в д. Унинской. В д. Понинской один старик сам держал в руках такого идола из глины, у него были голова, нос и рот. Во время молитвы его вынимали из воршудного короба, кланялись ему и целовали его. В бывшем Глазовском уезде один миссионер отнял у удмуртов серебряного идола, весившего около 4 фунтов. Некоторые воршуды изображались в виде фигур животных и птиц. Этнограф С.К. Кузнецов в 1881 г. в родовом святилище д. Мултан нашел изображение деревянного гуся с железным клювом и железными лапами (Кузнецов 1907 : 45). В д. Сянъя (совр. Глазовский район) в куале стоял деревянный идол напоминающий белку. Старики молились этому идолу, кланялись ему (МЭЭ 45 : 206). Интересно сообщение П.Н. Луппова о том, что в родовом святилище д. Кукъяемской (совр. Игринский район) местный священник нашел рядом стоящих икону Божьей матери и идола Пурга (Луппов 1889 : 247).

Подобные изображения были известны и другим финно-угорским народам. Так, например, среди особой группы эстонцев-сету вплоть до недавнего прошлого в особых амбарчиках хранились идолы — пеко, изготовленные чаще всего из воска. Обычно ему придавали образ ребенка. По другим сообщениям, пеко имел голову тельца и окрашивался краской. Вокруг идола водили хоровод и пели: "Пеко — наше божество, защити наши стада, сохрани наших лошадей, береги хлеба" (Näätäläinen 1936 : 37, 106). У обских угров изображения родовых предков из дерева, реже из металла, представляли собой зоо- или антропоморфные фигуры. Они хранились или в селениях данного рода, или же в специальных амбарчиках на родовых жертвенных местах, находящихся иногда в глубине тайги. (Чернецов 1947 : 171-174). Почти полную аналогию удмуртскому семейно-родовому святилищу с его культовыми атрибутами и "божками" — идолами находим у близкородственного народа коми, описанного в "Житии Стефана Пермского". По словам "Жития", боги пермские "суть болваны истуканья, изваянья, издолбленная, вырезом вырезаемая" (см. Лашук 1972 : 35). Их в большом количестве уничтожил Степан Пермский при крещении коми. Этим изображениям придавались антропоморфные черты: из куска дерева вырезалась грубая человеческая фигура с руками, ногами, головой, на которой намечались рот, нос, глаза, уши. Изображения родовых богов-покровителей помещались под особым навесом. Здесь же

хранились предметы жертвоприношений: шкуры пушных зверей — соболя, куницы, белки, медведя, рыси, а также различные вещи из драгоценных металлов, из меди, олова, железа.

Следы воршудных изображений удмуртов ведут нас к так называемому пермскому звериному стилю — своеобразному и загадочному искусству металлической пластинки племен Приуралья в I тыс. н.э. По данной теме совсем недавно была опубликована чрезвычайно интересная монография Л.С. Грибовой "Пермский звериный стиль". Появление этого стиля автор относит к ананьинской эпохе (VIII — III вв. до н.э.). Грибова считает пермский звериный стиль явлением местным, принадлежащим приуральской чуди, т.е. предкам современных пермских народов (коми и удмуртов). Почти все исследователи своеобразного искусства металлической пластинки племен Приуралья указывали на тотемическую природу происхождения его образов. В металлическом литье Приуралья преобладают изображения местной фауны: лось, медведь, рысь, куница, бобр, выдра, орел, коршун, ястреб, сова, лебедь, утка и др. При этимологии воршудных имен удмуртов мы заметили, что в основе большинства из них лежат те же самые виды зверей и птиц. Л. Грибова заключает, что "очень важным фактором является то, что среди этих образов почти нет домашних животных. Этот факт говорит о том, что пермский звериный стиль уходит своими корнями в идеологию более древних эпох, когда основой хозяйства были еще охота и рыбная ловля" (Грибова 1975 : II4). Мы вполне разделяем мнение исследователя, находящего истоки этого стиля в более древних памятниках Приуралья, например, в пещерной живописи Каповой Пещеры на р. Белой, относящейся к палеолиту.

Своеобразным местом сохранения древних культовых изображений явились Горбуновские и шигирские торфяники близ Нижнего Тагила в Свердловской области. В памятниках, относящихся к III-II тыс. до н.э. было найдено множество резных деревянных предметов, в том числе скульптурные изображения животных и птиц, а также антропоморфных фигур (Эдинг 1940 : 98).

Прошли тысячелетия, а отдельные отголоски в религиозных верованиях местного населения сохранились до наших дней. Это показывает, насколько силен был культ матери — му-воршуде. Потомки прародительницы-матери создали выжы (род), объединенные как единый социально-экономический коллектив, носящие имя своего воршуда и почитавшие ее. В эпоху патриархального строя воршуд превратился в семейно-родовое божество, храни-

теля семьи рода. Каждая семья обязана была строить на своей усадьбе покчи куала 'младшее, маленькое святилище' по сравнению с быдзым куала 'великое родовое святилище'. Количество родовых святилищ совпадало с количеством родов в данном населенном пункте. В северных районах иногда родовое святилище называлось воршуд-куала, а на юге - мудор-куала. Суть их одна и та же.

И в заключение считаем нужным дать определение воршуда и мудора. Воршуд - имя основательницы рода, возведенной в ранг родового божества, хранителя семейно-родового счастья. В основе воршудных имен лежат тотемы рода. В эпоху матриархата, видимо, названия тотемов перешли к имени предполагаемой родоначальницы-матери - му, потомки которой продолжали носить ее имя и в более поздние эпохи, вплоть до наших дней. С принятием христианства, воршуды начали сливаться с образами ангелов-хранителей. Мудор, как мы уже отмечали выше, сложное слово: му 'мать, прародительница' и дор 'дом, место обиталища'. образу матери-воршуда, изображенному в виде идола, поклонялись ее потомки. В честь ее устраивались моления с жертвоприношениями, у нее, у матери-воршуда, просили счастье для членов семьи и рода. Мудор в наши дни употребляется в двух значениях: на юге Удмуртии мудор - это левый угол в доме, считающийся священным, и полочка, на которой стоят иконы, а в центральных и северо-восточных районах мудор (мыдор) - это икона, с изображением лика христианских святых.

Институт воршуда - сложное историческое образование, динамическая система представлений удмуртов, отражающая практически все стороны бытия удмуртского общества на различных этапах его развития, начиная с эпохи тотемизма и вплоть до исторически примыкающего к нам времени. Исследование воршуда удмуртов поставляет прекрасный материал для характеристики системы миропонимания древних удмуртов, основных этапов их этнической истории.

Данная работа не претендует на исчерпывающую полноту и расценивается автором как один из этапов исследования этой сложной и многоплановой проблемы.

С о к р а щ е н и я

МЭЭ 45 - материалы этнографической экспедиции, собранные

сотрудниками УдНИИ в северных районах Удмуртской АССР в 1945 г.;

УдНИИ - Удмуртский научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка при Совете Министров Удмуртской АССР.

Библиография

- Энгельс Ф. 1953, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Москва.
- Архипов Г.А. 1969, Удмуртские этнонимы. - Ономастика Поволжья, Ульяновск.
- Атаманов М.Г. 1975, Воршуд нимьёс но соосты эскерон. - Молот 8, Ижевск.
- 1977, Этимология некоторых воршудно-родовых имен удмуртов. - СФУ XIII (в печати).
- Белицер В.Н. 1931, К вопросу о формировании удмуртов по данным этнографии (рукописный фонд УдНИИ, папка № 7 ПФ).
- Богачевский П.М. 1888, Очерк быта сарапульских вотяков. - Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее III, Москва.
- 1890, Очерки религиозных представлений вотяков. - Этнографическое обозрение I; 2; 4.
- 1896, Мултанское "моление" вотяков, Москва.
- Блинов Н. 1898, Языческий культ вотяков, Вятка.
- Бушмакин С.К. 1969, Воршудные имена и удмуртская топонимия. - Ономастика Поволжья, Ульяновск.
- 1970, Воршудные имена - микроэтнонимы удмуртов. - Этнонимы, Москва.
- Владыкин В.Е. 1969, Очерки этнической и социально-экономической истории удмуртов (до начала XX в.). АКД, Москва.
- Гаврилов Б.Г. 1880, Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний, Казань.
- Грибова Л.С. 1975, Пермский звериный стиль, Москва.
- Донини А. 1966, Люди, идолы и боги. 2 издание, Москва.
- Емельянов А.И. 1921, Курс по этнографии вотяков III, Москва.

- З е л е н и н Д.К. 1948, Происхождение "воршуда" (рукописный фонд УдНИИ, папка № 124 "а").
- К н ы ш е н к о Ю.В. 1965, История первобытного общества и основы этнографии, Ростов-на-Дону.
- К о з л о в а К.И. 1964, Этнография народов Поволжья, Москва.
- К о с в е н М.О. 1931, Распад родового строя у удмуртов. - Сборник на удмуртские темы II, Москва.
- К о ш у р н и к о в В. 1880, Быт вотяков Сарапульского уезда, Вятской губернии, Казань.
- К у з н е ц о в С.К. 1907, Из воспоминаний этнографа. - Этнографическое обозрение LXXIV, Москва, I-27.
- Л а ш у к Л.П. 1972, Формирование народности коми, Москва.
- Л у п п о в П.Н. 1899, Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX в., С.-Петербург.
- М а р р Н.Я. 1935, Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык. - Этно- и глотогония Восточной Европы, Москва-Ленинград (Избранные работы 5).
- М о р г а н Л.Г. 1935, Древнее общество или исследование человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации 2, Ленинград.
- Н а л и м о в В.П. Этнографические материалы о вотяках. Отчет этнографической экспедиции (рукописный фонд УдНИИ, папка № 6 РФ).
- О с т р о в с к и й Д. 1874, Вотяки Казанской губернии. - Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете, Казань.
- П е р в у х и н А.Г. 1888, Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз I, Вятка.
- 1889, Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз III. - Календарь Вятской губернии на 1889 год, Вятка.
- П и н т А. 1931, К истории удмуртского жилища. - Сборник на удмуртские темы, Москва.
- Р ы ч к о в Н.П. 1770, Журнал или дневные записи путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1769-1770 гг., С.-Петербург.
- С е м е н о в Ю.С. 1966, Как возникло человечество, Москва.
- С м и р н о в И.Н. 1890, Вотяки. - Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете VIII 2, Казань.

- С о к о л о в а З.П. 1972, Культ животных в религиях, Москва.
- Т о к а р е в С.А. 1958. Этнография народов СССР, Москва.
 ---1964 а, Ранние формы религии, Москва.
 ---1964 б, Религия в истории народов мира, Москва.
- Т р е ф и л о в А.Ф. 1948, Замечания на статью чл. корреспондента АН СССР Д.К. Зеленина "Происхождение "воршуда" (рукописный фонд УдНИИ, папка № 124 "а").
- Х а й т у н Д.Е. 1958, Тотемизм. Его сущность и происхождение, Сталинабад.
- Х а р у з и н а В.Н. 1898, Вотяки. Этнографический сборник, Москва.
- Х у д я к о в М.Г. 1910, Вотские родовые деления. - Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете XXX 3, Казань.
 ---1936, Пережитки группового брака и матриархата в Поволжье у мари и удмуртов. - Вопросы истории доклассового общества 4, Москва-Ленинград.
- Ч е р н е ц о в В.Н. 1947, К истории родового строя у обских угров. - Советская этнография, Москва-Ленинград.
- Э д и н г Д.Н. 1940, Резная скульптура Урала. Из истории звериного стиля, Москва.
- В у с с, М. 1882, Die Wotjaken, Stuttgart - Helsingfors.
- Н ä ш ä l ä i n e n, А. 1936-1937, Das kultische Wachsfeuer der Mordwinen und Tscheremissen, Helsinki (MSFOu XLVIII).

M. A t a m a n o v
(Tartu)

DER URSPRUNG VON v o r š u d IM UDMURTISCHEN

Z u s a m m e n f a s s u n g

Eines der Schlüsselprobleme der udmurtischen Ethnographie ist das Problem des voršud. Jeder Forscher der Udmurten berührt einigermaßen dieses Problem, und jedoch gehört es bis heute immer noch zu den ungelösten Fragen der Wissenschaft. Besonders strittig ist der Begriff des mudor. Die einen Forscher hielten den mudor für einen Sippengönner, die anderen verschwiegen ihn, der voršud aber wurde für eine Gottheit, für einen Sippen- und Familiengönner gehalten (N. Pervuhin, G. Vereščagin, M. Kosven, S. Tokarev). Die dritten sind der Meinung, der voršud sei keine Gottheit, sondern ein Ritual (N. Blinov, A. Trefilov). Von manchen Forschern wurden der voršud und der mudor identifiziert (D. Selenin, A. Hämäläinen).

Der Verfasser vertritt die Meinung, der voršud sei die Gottheit des Familien- und Sippenglücks. Den voršud-Namen liegen die Totems der Sippe zugrunde. Im Matriarchat sind die Namen der Totems anscheinend zum Namen der Stammutter mu geworden, deren Nachkommen ihren Namen auch später bis kurz vor jüngster Vergangenheit tragen.

Es ist nicht ganz richtig, den Namen mudor für das Synonym des Wortes voršud zu halten. mudor ist eine Zusammensetzung: mu 'Mutter, Stammutter' und dor 'Haus, Wohnstätte'. Als Synonym des Wortes voršud kann man nur seine erste Komponente mu betrachten. Die mu ist ein voršud, sie gibt und verwahrt das Glück der Nachkommenschaft ihrer Sippe. Ihr Standbild wurde als Gottheit verehrt. Ihr zu Ehren wurden Opfergaben gebracht. Sie, die voršud-Mutter, wurde um das Glück und Wohlergehen für die Mitglieder der Sippe und Familie gebeten.

Dem Verfasser gelang es, von den zur Zeit bekannten 70 udmurtischen voršud-Sippennamen 35 Namen zu enträtseln. Den voršud-Namen liegen die Tier-, Vogel- und Fischnamen zugrunde, die als Sippentotems vermutet wurden.

Der Autor findet die Quellen der zoo- und anthropomorphen Abbildungen des voršud im sog. Permer Tierstil, dessen Erscheinung man (L. Gribova und die anderen) zur Ananjiner Kultur (VIII. - III. Jh. v.u.Z.) zählt. Ihrerseits wurden die Quellen dieses Stils in den älteren Denkmälern der Kultur des Voruralgebiets verfolgt, z. B. in der aus der älteren Steinzeit stammenden Höhlenmalerei der Kapovo-Höhle am Flusse Belaja.

ОДНОРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В МАРИЙСКИХ ГРАММАТИКАХ

На структурно-грамматическое своеобразие предложений с однородными членами и грамматические связи между ними в мари́йском языкознании первым обратил внимание Ф. Васильев (1887 : 89-91). Следуя традициям русской логической грамматики того времени, он относит к сложным "предложения, в которых при одном подлежащем несколько сказуемых, и те, в которых много подлежащих, но одно сказуемое, и такие, когда два или более предложения соединяются одно с другим союзами соединительными, разделительными, противоположительными" (89). По его мнению, такие предложения, как Имниже, ушкэлже, шорокшат уло 'У него имеются лошади, коровы и овцы' (89)¹, Тунемше шамыч дудут, возат и шотом иштат 'Ученики читают, пишут и считают' происходят от слияния двух или более предложений. Он отмечает, что связи между несколькими подлежащими или несколькими сказуемыми могут быть союзными и бессоюзными, а при отсутствии союзов несколько подлежащих или несколько сказуемых лишь перечисляются. Например, Тушто шинчадэмо (сокор) шамыч, окшак шамыч, кошкоша кидан йолан шамыч, шуко чери кучема туй йынг шамыч киенят улмаш 'Тут лежали слепые, хромые, сухорукие, сухоногие, разными болезнями одержимые хворые люди' (90). Из союзов, соединяющих несколько подлежащих или несколько сказуемых, он выделил лишь соединительные -ат 'и', и, да 'и': Мыйат, аватат, изай шамычетат тыланет кумалына мо? 'Неужели я и мать, и братья будем кланяться тебе' (90), Изи эргежа изиш илен да, можа уло чыла поген да миндурко каен 'Младший сын немного пожил да что у него было собрал и ушел' (90). К грамматическим средствам связи подлежащих в таких "сложных предложениях" он отнес также частицу адак 'еще', предлог дене 'с'²: Исвакын кок эр-

¹ Переводы предложений с мари́йского языка на русский сделаны Ф. Васильевым.

² В данном случае он смешивает союз ден 'и' с послелогом дене 'с'.

гыже Исав дэне Иаков тудум тойэн улут 'Два сына Исаакова Исав и Иаков похоронили его' (89). Его мысль об отсутствии других союзов для связи однородных членов следует считать правильным, так как в начальный период развития марийского литературного языка сочинительная связь выражалась, в основном, как и в устной речи, интонацией перечисления и противопоставления.

Проблема однородных членов предложения получила дальнейшее развитие в работе основоположника марийского языкознания В. Васильева (1918 : 74). Предложения с однородными членами он назвал слитными и выделил их как особую разновидность сложных предложений, соединенных способом сочинения. Притом Васильев в составе слитных членов рассмотрел, как главные, так и второстепенные члены предложения. Для названия "слитных членов" он параллельно использует два термина, которые широко употреблялись в русских грамматиках того времени: "несколько подлежащих", "несколько сказуемых", "несколько определений", "несколько дополнений", "несколько обстоятельств" и "однородные члены".

Однако, руководствуясь логико-грамматическими принципами исследования, Васильев не мог четко противопоставить простые предложения сложным, различить однородные члены от составных сложных слов, допустил неточности при определении синтаксических функций некоторых частей речи. Так, к числу однородных обстоятельств отнес обстоятельства, выраженные парными наречиями тышкат-тушкат 'туда-сюда', эрат-касат 'утром-вечером', а в предложении Шорыкын ошыжат, шэмыжат лиэш 'И белая, и черная - овца' однородные подлежащие ошыжат 'и белая', шэмыжат 'и черная' причислил к однородным определениям.

Новое об однородных членах находим в грамматике Г. Кармазиева (1926 : 13, 28-30). Предложения с однородными членами он называет икгай мутан ой 'предложения с одинаковыми словами'. Автор первым в марийском языкознании указал на наличие обобщающих единиц, которые могут располагаться в препозиции и постпозиции по отношению к однородным членам, объяснил постановку знаков препинания при них: Ложашым. шүрашым. шылым, ўйым - чылажымат пазарыште налаш лиеш (30) 'Муку, крупу, мясо, масло - все можно купить на базаре', Тўняште чылажымат ужат: порыжымат, осалжымат (29) 'На свете все увидишь: и добро, и зло'.

В первом школьном учебнике по синтаксису марийского язык-

ка (Соколов 1935) в пределах требований школьной программы освещены особенности простых и сложных предложений. В ряду простых предложений выделены радам мутан ой 'предложения с порядковыми словами'. Эти предложения, в свою очередь, подразделяются на шuko туй мутан ой 'предложения с несколькими подлежащими', шuko каласыште мутан ой 'предложения с несколькими сказуемыми', шuko палемдыште мутан ой 'предложения с несколькими определениями', шuko тэмшы мутан ой 'предложения с несколькими дополнениями', шuko умылтарыште мутан ой 'предложения с несколькими обстоятельствами'³. Называя эти явления ик шотан мут-влак 'словами с одинаковыми значениями', он подчеркнул одинаковость их морфологического выражения. Но, признавая наличие слов с "одинаковыми значениями" в грамматическом строе марийского языка и описывая средства связи между ними, он не смог уяснить до конца условия существования, семантико-синтаксические функции, морфологические способы выражения однородных членов как особой синтаксической категории. Как и Ф. Васильев, В. Васильев и Кармазин, Соколов рассматривал лишь предложения с нераспространенными однородными подлежащими, сказуемыми, определениями, дополнениями и обстоятельствами: Кудымшо классыште Ятманов, Очэйев, Токтаров, Иванов ударне тунемят (40) 'В шестом классе Ятманов, Очиев, Токтаров, Иванов являются ударниками учебн', Комбайн ик жапыштак шийэш, пуалта эрыкта (41) 'Комбайн одновременно жнет, веет, чистит', Мемнан пакчаште кучык, ладра тумо кушкеш (41) 'В нашем огороде растут низкий, развесистый дуб'; "Пелэдыш" колхоз ушкалым, шорыкым, сбснам, кроликом ашна (41) 'Колхоз "Пеледыш" выращивает коров, овец, свиней, кроликов', Пионьэр-влак лагерьыште модын, воштылын, йуштылын влат (42) 'В лагере пионеры живут весело (досл. живут играя, смеясь, купаясь)'

Предложения с распространенными однородными членами Соколовым отнесены к сложносочиненным или сложноподчиненным. Например, такие простые предложения с однородными сказуемыми, соединенными союзами, как Васли Петыр Москошто тунэм

³ Обращает на себя внимание терминология двух последних учебников. Кармазин и Соколов сами создали термины на базе родного языка путем расширения семантики общеупотребительных марийских слов, так как "в 20-30 годах в республике терминологическая работа находилась в ряду основных задач языкового строительства" (Иванов 1957 : 131). Однако многие из терминов Кармазина и Соколова не утвердились в последующих марийских грамматиках.

пйтарыш да МТС-ныш паша ышташ тольо (50) 'Васли Петыр закончил учебу в Москве и приехал работать в МТС', Мыйыи ковам кас еда я кунчылам шудра, я ургышым урга (51) 'Моя бабушка по вечерам то прыдет, то шьет', он рассматривает как сложносочиненные. А предложения типа Докладчик трибуныш кувээн шогалэ да, чыла материалым луктын пыштышат, с/х. артель устав нэргэн докладным ышташ тунальэ (68) 'Докладчик поднялся на трибуну и достал текст выступления, начал рассказывать об уставе сельхозартели', Талман Йыван Йошкар армий гыч тольо да, колхозныш пурнышат у ылыш дэн ылаш тунальэ (68) 'Талман Йыван вернулся из армии и вступил в колхоз, начал жить новой жизнью' привед для иллюстрации сложноподчиненных. Соколову также не удалось провести четкие границы между однородными членами и интонационно выделенными членами предложения, имеющими уточняющее значение по отношению к предшествующему слову. Например, в предложении Эрдэнэ, кэчэ лекмэ годым, мэ чодыраш кайышна (42) 'Утром, с восходом солнца, мы отправились в лес' эрдене 'утром' и кече лекме годым 'с восходом солнца' охарактеризованы как однородные обстоятельства.

В дальнейшем теория однородных членов получила наиболее полную и правильную трактовку в школьной грамматике, написанной И. Андреевым, К. Смирновым и Г. Ивановым (1939 : 38-50). Данная грамматика утвердила термин икгай член-шамыч 'однородные члены', который употребляется в современных школьных учебниках. Хотя учебник написан по образцу грамматики русского языка С. Бархударова, в истории марийского синтаксиса впервые однородность членов предложения рассмотрена в нем как особая синтаксическая категория с присущими ей средствами связи, функциями. В учебнике нашли отражение как нераспространенные, так и распространенные однородные члены (ОЧ). Авторами сделана первая попытка дать анализ смысловых (соединительных, противительных, разделительных) отношений между ОЧ и средств их выражения. Указаны два разграничительных признака однородных и неоднородных определений. Во-первых, определения однородны, если они выражают качественные разновидности предметов, например, Кенжежым олыкышто Йошкар, канде, ош пеледыш-шамыч лүшкен шогат (46) 'Летом на лугах колышутся красные, синие, белые цветы'. Во-вторых, определения однородны, если они характеризуют предмет с одной стороны или второе и последующие определения уточняют первое, например, Школ садыште тамле, муй гай шере олма шочеш (45) 'В

школьном саду растут вкусные, сладкие яблоки.⁴

Однако в текстах упражнений и в этом учебнике встречаются случаи смешения предложений с однородными членами со сложными предложениями (44, 50).

В последующих грамматиках (И. Андреев, К. Смирнов, Г. Иванов 1941 : 39-51; М. Чхайдзе 1941 : 89-94; К. Смирнов, И. Солнцев, И. Борисов 1949 : 46-56; К. Смирнов, И. Борисов 1953 : 39-50; Н. Пенгитов 1955, 1975 : 48-56) в истолковании однородных членов больших изменений не происходит, хотя рассмотрение принимает более системный характер и в ряд вопросов вносятся уточнения. Так, грамматика Н. Пенгитова четко отграничила предложения с однородными членами от сложных предложений. Впервые в ней указывается на возможность одновременного осложнения структуры простого предложения несколькими рядами ОЧ (двумя-тремя). Пенгитов также упорядочил разряды союзов, соединяющих ОЧ: повторяющийся союз ни-ни 'ни-ни' включил в разряд соединительных союзов; морфему -ат, которая раньше квалифицировалась то как "союз" (Ф. Васильев), то как "окончание" (Соколов) или "суффикс" (Смирнов и Борисов), отнес к сочинительным союзам, назвав ее частью.

Как видно из изложенного, взгляды марийских лингвистов на природу и место предложений с однородными членами в синтаксическом строе марийского языка различны. В изучении однородности членов предложения можно выделить три направления: логико-грамматическое, лексико-грамматическое и семантико-синтаксическое. Представители логико-грамматического направления (Ф. Васильев, В. Васильев) предложения с однородными членами рассматривали как сложные (слитные) предложения. В. Соколов, придерживающийся лексико-грамматического принципа, полагал необходимым учитывать лексическое и морфологическое сходство сочетающихся слов. С семантико-синтаксической точки зрения подошли к однородным членам

⁴ На наш взгляд, указанные признаки, выведенные из семантики сочетающихся слов, не являются универсальными критериями отграничения однородных и неоднородных определений, ибо любая неоднородная конструкция может быть с легкостью превращена в однородную. Поэтому различие данных конструкций следует искать не в семантике, а в характере синтаксических отношений, складывающихся между определениями. Вопрос о разграничении однородных и неоднородных определений остается нерешенным в грамматике марийского языка до сих пор.

И. Андреев, К. Смирнов, Г. Иванов и Н. Пенгитов. Мнения этих лингвистов, утверждавших наличие сочинительной связи между ОЧ и их одинаковое подчинение общему для них члену, следует считать правильным. Однако проблема однородных членов предложения в марийском языке еще требует более подробного и глубокого научного исследования.

Л и т е р а т у р а

- А н д р е е в И.Ф., С м и р н о в К.Ф., И в а н о в Г.С.
1939, Марий йылме грамматика, кокымшо ужаш, синтаксис, Москва, 18, 38-50.
1941, Марий йылме грамматика, кокымшо ужаш, синтаксис, Москва, 39-51.
- В а с и л ь е в В.М. 1918, Записки о грамматике языка народа мари, материалы для этимологии и синтаксиса, Казань, 74-76.
- В а с и л ь е в Ф. 1887, Пособие к изучению черемисского языка на луговом наречии, Казань, 89-90.
- К а р м а з и н Г.Г. 1926, Марий йылмылончыш, I кыдеж, Москва, 28-30.
- С м и р н о в К.Ф., Б о р и с о в И.А. 1953, Марий йылме грамматика, кокымшо ужаш, синтаксис, Йошкар-Ола, 39-50.
- С м и р н о в К.Ф., С о л н ц е в И.М., Б о р и с о в И.А.
1949, Марий йылме грамматика, кокымшо ужаш, синтаксис, Йошкар-Ола, 46-56.
- С о к о л о в В.Т. 1935, Марий грамматика, синтаксис, Москва, 40-76.
- П е н г и т о в Н.Т. 1955, 1975, Марий йылме (7-8 класслан учебник), Йошкар-Ола, 48-56.
- Ч х а в д з е М.П. 1941, Синтаксис лугово-восточного марийского языка, Москва, 89-94.

Z. I v a n o v a

(Tartu)

SICH WIEDERHOLENDE SATZGLIEDER IM MARISCHEN

Z u s a m m e n f a s s u n g

Die marischen Sprachforscher haben sehr verschiedene Ansichten über das Wesen und die Stellung der sich wiederholenden Teile des Satzbaues im Marischen. Nach Traditionen der russischen logistischen Grammatik haben F. Vasiljev (1887 : 89-90), V. Vasiljev (1918 : 74-76) und G. Karmazin (1926 : 28-30) die Sätze mit den sich wiederholenden Teilen für zusammengesetzte Sätze gehalten. V. Sokolov (1935 : 40, 46), der Anhänger der lexikalisch-grammatischen Prinzipien, war der Meinung, daß man bei der Analyse eines Satzes mit den sich wiederholenden Gliedern vom Standpunkt der leksikalischen und morphologischen Einheit ausgehen muß, I. Andrejev, K. Smirnov, G. Ivanov (1935 : 38-50) und N. Pengitov (1955; 1975 : 43-56) haben diese Sätze vom semantisch-syntaktischen Standpunkt behandelt. Nach der Meinung dieser Forscher gibt es eine parataktische Einheit der Satzverbindungen und Satzgefüge. Diese Meinung kann man für richtig halten. Das Problem der sich wiederholenden Satzglieder im Marischen ist jedoch noch nicht endgültig gelöst worden.

Е. Ј а к и м о в а
(Joschkar-Ola)

ZUR FRAGE DER VARIABILITÄT DER MARISCHEN
SOMATISCHEN PHRASEOLOGISMEN

Das Problem der Variabilität und Synonymie ist eines der aktuellsten Probleme der Phraseologie. Obwohl es viele diesem Problem gewidmete Arbeiten gibt, ist man bis jetzt zu keiner einheitlichen Ansicht in dieser Frage gekommen (z. B. Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц 1968).

Die finnisch-ugrischen Phraseologieforscher befassen sich auch mit den Problemen der Variabilität und Synonymie. F. Vakk, ein bekannter Forscher der estnischen somatischen Phraseologie, kam zur Schlußfolgerung, daß die Varianten inhaltlich nahe oder zusammenfallende phraseologische Einheiten sind, die außer den gemeinsamen semantischen Zügen gemeinsame Elemente in der grammatikalischen Gestaltung in der Ausgangsgestalt und im lexischen Bestand haben. Varianten können entweder synonym oder semantisch differenziert sein (Vakk 1970: 260-269). R. Schirmankina, Phraseologieforscherin der mordwinischen Sprachen, unterscheidet Synonyme-Unvarianten und Synonyme-Varianten (Ширманкина 1969: 235). Bei der Betrachtung der Varianten geht sie von den Synonymen aus. Die unterschiedliche Auffassung des Problems durch die Forscher erklärt sich dadurch, daß die Probleme der Variabilität und Synonymie trotz verschiedener Ebenen sehr eng verbunden sind (Порожникова 1966: 11).

Der Terminus Variante ist in der Linguistik weit verbreitet. Seine gebräuchlichste Bedeutung ist die Bedeutung der Abänderung und der Abart der sprachlichen Einheit (Ахманова 1966).

Bekanntlich können die Wörter im Marischen verschiedene Varianten haben: 1) phonetische (орма, орма 'Mähne'),

2) wortbildende (мураш, муралташ 'singen'), 3) lexische (күчүм, үмүр 'Leben, Lebenszeit'), 4) morphologische (пүтөн - Zeitform der Vergangenheit des Verbs und Verbaladverb).

Auch die phraseologischen Einheiten können ihre Varianten haben. Unter den phraseologischen Varianten verstehen wir die Abarten der phraseologischen Einheit, die der Bedeutung nach gleich, der morphologischen und wortbildenden Form, sowie der Wortfolge und teils dem lexischen Bestand nach aber verschieden sind.

Im Marischen können die somatischen Phraseologismen folgende Varianten haben:

I. Phonetische, z. B. үмшам караш und үшмам караш 1. 'gähnen', 2. 'den Mund auf tun, zu sprechen beginnen', 3. 'sehr erstaunt sein', 4. 'begeistert sein', 5. 'müßig gehen', 6. 'mit nichts bleiben' (eigtl. 'den Mund aufreißen'). Phonetische Varianten sind hauptsächlich dialektale Varianten.

II. Morphologische Varianten sind solche, die sich durch die morphologischen Formen der Komponenten unterscheiden. In diesem Falle werden folgende Veränderungen der grammatischen Formen beobachtet: a) die Komponenten des Phraseologismus können mit oder ohne Possessivsuffix gebraucht werden, z. B. шинча йнр вүд налеш, шинчаже йнр вүд налеш, шинча йнрже вүд налеш 'die Tränen treten ihm (ihr) in die Augen' (eigtl. 'um das Auge nimmt das Wasser, um sein (ihr) Auge nimmt das Wasser', in dem dritten Satz wird die Postposition йнр 'um' mit dem Possessivsuffix gebraucht). Z. B. Улам: шинча йнрже вүд налеш. йүкшат жалын шортун (Шкетан 1954: 31) 'Ich sehe: Die Tränen treten ihm auf, die Stimme klang kläglich'. b) Die somatische Komponente eines und desselben Phraseologismus kann in verschiedenen Kasus stehen: Der Nominativ kann mit dem Dativ, dem Akkusativ, dem Inessiv variieren. Z. B. Тыгай мутлан шүмем шуй веле чүчөш (Шкетан 1962 I: 74) 'Von solchen Worten schaudert mir das Herz' (eigtl. 'solchem Wort fühlt mein Herz Entsetzen'). (Die somatische Komponente steht im Nominativ.) Шүмданат шуй чүчө (Мут орляте 1963: 94) 'Das Herz schauderte mir' (eigtl. 'auch dem Herzen fühlte sich Entsetzen'). (Die somatische Komponente ist im Dativ.) Кулышкыт мүшкыр темаш да йүд рүдүлган гына мият (Орай

1951: 128) 'Nach Hause kommen sie nur essen (eigtl. 'den Bauch¹ füllen') und erst zur Mitternacht'. (Die somatische Komponente steht im Nominativ.) Тушан имне дене йолташ лийн мушкырым темаш лиш (Ончыко 1974: 2, 5) 'Dort, sich mit dem Pferd befreundend, kann man sich satt essen'(eigtl. 'den Bauch füllen'). (Die somatische Komponente steht im Akkusativ.) Марина йыраҥ велыште аваҥ воктен түредеш. Лы-вырге килме воҥа түннышто молеш веле: коҥмыж почеш коҥмыж вола, кылта почеш кылта пилылтеш (Шабдар 1957: 28) 'Marina mäht an der Furche neben ihrer Mutter. Ihre gewandten Hände (eigtl. 'ihre Hand') spielen am Roggen: eine Handvoll legt sich nach der anderen, eine Garbe bindet sich nach der anderen'. (Die somatische Komponente im Nominativ.) Кидыштышт шуарводо молеш веле: тук-тук, тук-тук, тук-тук - мултанат нуно (Шабдар 1957: 34) 'In ihren Händen (eigtl. 'in ihrer Hand') spielt nur die Mörserkeule: tuk-tuk, tuk-tuk, tuk-tuk - sprechen sie'. (Die somatische Komponente im Inessiv.) Oft variiert die somatische Komponente im Dativ mit dem Illativ: Тудын шинчаҥлан олымбална вўр вузык кийше Миклай кугыза перныш (Юзикайн 1972: 27) 'Ihm fiel der auf der Bank liegende Großvater Miklaj auf' (eigtl. 'seinem Auge fiel auf'). Чевеҥ чурыйвылыш дене тыге чаткан чиен шогалмыҥлан көра моло пайрем калык коклаште Марина посна шинчаҥке перна: сурт пöткыйн коклашке пурмышо чевеҥ онан öрш гай коеш (Шабдар 1957: 9) 'Wegen des hübschen Gesichts und der sorgfältig gekleideten Kleidung fällt Marina unter den anderen zum Fest gekommenen Leuten besonders auf: sie scheint ein mit roter Brust Gimpel unter den Sperlingen zu sein' (eigtl. 'in das Auge fällt auf').

Zu den Varianten gehören auch Phraseologismen, in denen volle oder gekürzte Formen des Illativs auftreten. Z.B. шинчаҥке пернаш 'auffallen' (eigtl. 'in das Auge auffallen') (eine volle Form) und шинчаш пернаш id. (gekürzte Form). Eine weite Verbreitung haben die Variationen des Dativs und des gekürzten Illativs: шинчалан кояш ~ шинчаш кояш 'scheinen, dünken' (eigtl. 'dem Auge scheinen ~ in das Auge scheinen'), des Dativs und des Inessiv-Termina-

¹ Bei der buchstäblichen Übersetzung wird die morphologische Struktur der marischen Konstruktion aufbewahrt.

tivs: вуйлан муаш und вүеш муаш 'sich Schaden tun' (eigtl. 'dem Kopf finden ~ in den Kopf finden'), des Akkusativs und des gekürzten Illativs: ен шинчам ончаш ~ ен шинчаш ончаш 'von j-m abhänden' (eigtl. 'j-s Auge sehen ~ in j-s Auge sehen'), des Dativs und des Inessivs: пылышлан шокташ ~ пылышыште шокташ 'zu hören glauben' (eigtl. 'dem Ohr hören ~ in dem Ohr hören'), des Dativs, des Illativs und des Inessiv-Terminativs: шүмлан логалаш ~ шүмыш логалаш ~ шүмеш логалаш 'j-m ans Herz rühren' (eigtl. 'dem Herzen treffen ~ in das Herz treffen'; die dritte Wortverbindung wird wie die zweite Wortverbindung übersetzt'). Die Kasusform der somatischen Komponente kann mit der Postpositions konstruktion variieren: шүмыш виташ ~ шүм вошт виташ 'tief bewegen' (eigtl. 'in das Herz nässen, durch das Herz nässen'), шүмеш пижаш ~ шүм пелен пижаш 'j-m ans Herz gewachsen sein (eigtl. 'in das Herz kleben ~ neben dem Herzen kleben').

Besonders produktiv sind morphologische Varianten der verbalen Phraseologismen, die in der Form eines Partizips und eines Verbaladverbs auftreten: вуйым пуаш огыл 1. 'sich nicht unterwerfen', 2. 'nicht nachgeben', 3. 'sich nicht unterordnen' (eigtl. 'den Kopf nicht geben') und вуй пудымо 1. 'der nicht unterwerfende', 2. 'der nicht nachgebende', 3. 'der nicht unterordnende' (eigtl. 'der nicht den Kopf gebende') (partizipiale Form), нер калдыташ 'groß tun' (eigtl. 'die Nase krümmen') und нер калдытен 'hochmütig' (eigtl. 'die Nase krümmend') (Verbaladverb), нер шупшаш 'schnarchen' (eigtl. 'die Nase ziehen') und нер шупшыш 'schnarchend' (eigtl. 'die Nase ziehend'), пылышым шогалташ 'die Ohren spitzen' (eigtl. 'das Ohr stellen') und пылышым шогалтен 'aufmerksam (hören)' (eigtl. 'das Ohr stellend (hören)'), шинчам караш 'sich wundern' (eigtl. 'das Auge aufreißen') und шинчам карен 'verwundert' (eigtl. 'das Auge aufreißend'), шүмеш логалаш 'j-m ans Herz rühren' (eigtl. 'in das Herz treffen') - шүмеш логалше 'das j-m ans Herz rührende' (eigtl. 'in das Herz treffende, getroffene); Кушко? - ачаже бормалген шинчажым карен ончалды (Шкетан 1962 IV: 48) 'Wohin? - wunderte sich der Vater und sah die Augen aufreißend'; Илышыште первый гана тыгай ныжлыге, шүмеш логалше мутым колеш (Иванов 1954: 10) 'Er hört zum ersten Mal in seinem Leben solche zärtlichen

rührenden Worte' (eigtl. 'in das Herz treffende, getroffene Worte').

Partizipiale und verbaladverbiale Varianten der verbalen Phraseologismen können sich in selbständige phraseologische Einheiten verwandeln: МҮШКНР ШАРЛЫМӨШ КОЧКАШ 'sich (D) den Bauch vollschlagen' (eigtl. 'bis Verbreitung des Bauches essen'), УМШАМ ПЕРКАЛЕН ШИНЧАШ 'Zeit vergeuden' (eigtl. 'den Mund schlagend (sitzen)'), (КОК) ШИНЧА ОНЧЕН 'das liegt vor den Augen, vor aller Augen' (eigtl. '(zwei) Auge sehend'), А МОМ ТАК УМШАМ ПЕРКАЛЕН ШИНЧЫЛТАТ. ЫПИ ПОСАНА. - МАНЕ Драй 1951: 79) 'Und warum sitzt du so müßig, Schwager Jeki, - sagte er'.

III. Wortbildende Varianten. Als Regel sind es Veränderungen in der verbalen Komponente: ВҮЙ ЙНР ШОНАШ 'nachdenken' (eigtl. 'um den Kopf denken') und ВҮЙ ЙНР ШОНАЛТАШ id. (die verbale Komponente hat das Suffix -АЛТ mit der einmalig-momentanen Bedeutung (über die Bedeutungen der Suffixe s. Галкин 1966), ВҮЙ ЙНР ПӨРДАШ 'einem Gedanken verfallen' (eigtl. 'sich um den Kopf drehen') und ВҮЙ ЙНР ПӨРДЫКТАШ (mit dem Suffix -ЫКТ), Фатима эре мураш йбрата, Веруш - кушташ, Марина гын книгаж деч огеш ойрдо, я вүй йнрже эре шонаш йбрата (Шабдар 1957: 152) 'Fatima singt immer gern, Verusch tanzt, und Marina trennt sich nicht von ihrem Buch oder denkt über etwas nach' (eigtl. 'liebt um den Kopf zu denken'), Марина пөртыл толмыж голым молан тыге воштылмыштым шижын налешат, ик мутымат ок пелеште: "Ойлымда, воштылмыда чыныш лектеш гынат, үтсит огыл", - вүй йнрже шоналта 'Als Marina bei der Rückkehr den Grund ihres Lachens verstand, sagte sie kein einziges Wort: "Wenn ihr Gesagtes und Gelachtes zur Wahrheit wird, ist es nicht schlecht", - dachte sie nach'.

Unter den wortbildenden phraseologischen Varianten werden zwei Gruppen unterschieden: 1) die semantisch-adequaten: ВҮЙ ЙНР ШОНАШ ~ ВҮЙ ЙНР ШОНАЛТАШ 'nachdenken' (eigtl. 'um den Kopf denken'), ВҮЙЫМ САКАШ ~ ВҮЙЫМ САКАЛТАШ 'den Kopf hängen lassen', 2) die semantisch differenzierten: УМШАМ ПЕТЫРАШ 'schweigen, zum Schweigen bringen' (eigtl. 'den Mund zumachen') und УМША ПЕТЫРАЛТАШ 'schweigen' (eigtl. 'der Mund zugetan werden'). Die semantisch differenzierten Varianten drücken verschiedene Handlungsstufen aus.

IV. Syntaktische Varianten unterscheiden sich durch die Komponentenfolge. Z. B. "А КЫЗЫТ ... ТЕНИЯК ... ШУҢАШ ТУНЕММЕ ИЙ ГЫЧАК МОСКВАШКЕ - КОНСЕРВАТОРИЙШ ТУНЕМАШ КАЯШ ГЫБ?" - ТОЛЫН ПУРЫШ ВУЙЫШКЫЖО У ШОНЫМАШ (Ончыко 1966: 6, 10) 'Aber wenn schon in diesem Jahr, im kommenden Lehrjahr nach Moskau, ins Konservatorium studieren fahren? - kam ihm in den Kopf ein neuer Gedanke', Шоном, шоном да вуйы эре икте толын пудра: "Мыланемат, очыни, ончыл линийны лектын кайнман" (Ончыко 1973: 6, 16) 'Ich denke und denke und in den Kopf kommt mir immer eines: "Wahrscheinlich soll ich auch an die vorderste Linie gehen", Але мартен аваже тудым ик парня гай шкет, шочшо улмыжлан пеш йӱбретен, нигунам неле шомакын каласен огыл (Орай 1951: 82) 'Bis jetzt liebte ihn die Mutter sehr, weil er das einzige Kind war (eigtl. 'wie ein Finger allein') war, sie sagte niemals kränkende Worte', Вет парня гай ик изи шочшет (Шабдар 1957: 86) 'Er ist ja dein einziges Kind'.

V. Varianten, die mit der Ergänzung oder Reduktion der Komponenten der Phraseologismen verbunden sind: вуйлан муаш 'sich Schaden tun' (eigtl. 'dem Kopfe finden') und вуйкон-далан муаш id. (eigtl. 'dem (Kopf) Schädel finden'), нерым куптырташ 'unzufrieden sein, die Nase rümpfen' und нерошум куптырташ id. (eigtl. 'Naseborsten rümpfen') u.s.w., Ончыч шӱмжылаң йӱштын-шокшын чучын колтыш, вара логарышкыже комля кӱзыш (Юзыкайн 1972: 147) 'Zuerst wurde es ihr kalt und dann warm ums Herz dann hatte sie Krampfgefühl in der Kehle' (eigtl. 'in ihre Kehle stieg ein Klumpen'), Лачак утыр чытырыш тӱнале, шинчашыже тӱтыра нале, логарышкыже комля кӱзыш (Ончыко 1966: 6, 35) 'Sie begann nur stärker zu zittern, vor den Augen was Schleier' (eigtl. 'in das Auge kam der Nebel'), in der Kehle hatte sie Krampfgefühl'. Die Reduktion der Komponenten wird dadurch ausgedrückt, daß eine der Komponenten, die für die Bedeutung des Phraseologismus keine große Rolle spielt, weggelassen werden kann. Dabei bleibt die Semantik des Phraseologismus unverändert. Z. B. Тудыжат умшашке вӱдым подылымла шып ошкела (Юзыкайн 1972: 94) 'Sie geht auch schweigend, als ob sie Wasser in den Mund genommen habe' (eigtl. 'wie in den Mund das Wasser genommen'), Чыланат вӱдым подылымла лийыч (Юзыкайн 1972: 139) 'Alle wurden so, als ob sie Wasser genommen ha-

ben'. Die Komponente ымшашке 'in den Mund' wurde weggelassen. Vgl. auch ылметлан кукшо кошарге лийже 'hüte deine lose Zunge' (eigtl. 'deiner Zunge eine trockene Spitze') und ылметлан кукшо кошарге id.

Die genannten Varianten (phonetische, morphologische, wortbildende, Varianten mit der Reduktion und Ergänzung) werden durch die vollständige Identität den bildlichen Struktur und der expressivstilistischen Färbung gekennzeichnet.

L i t e r a t u r

- V a k k, F. 1970, Suured ninad murdsid päid, Tallinn.
- A х м а н о в а О. С. 1966, Словарь лингвистических терминов, Москва.
- Г а л к и н И. С. 1966, Историческая грамматика марийского языка. Морфология 2, Йошкар-Ола.
- И в а н о в В. 1954, Волгыдо ўжара, Йошкар-Ола.
- Мут орлане, Йошкар-Ола 1963.
- Ончыко.
- О р а й Д. 1951 а, Онар калык, Йошкар-Ола.
- 1951 б, Тўтыра вошт, Йошкар-Ола.
- Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц, Тула 1968.
- Р о г о ж н и к о в а Р. П. 1966, Варианты слов в русском языке, Москва.
- Ш а б д а р О. 1957, Ўдрамаш корно, Йошкар-Ола.
- Ш и р м а н к и н а Р. С. 1969, Фразеология мордовских языков. КД, Саранск (рукопись).
- Ш к е т а н М. 1954, Мыскара ойлымаш-влак, Йошкар-Ола.
- 1962, Ойырен налме произведений-влак I-IV, Йошкар-Ола.
- Ю з ы к а й н А. 1972, Маска вынем, Йошкар-Ола.

Э. Я к и м о в а
(Йошкар-Ола)

К ВОПРОСУ О ВАРИАНТНОСТИ МАРИЙСКИХ
СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Р е з ю м е

Статья посвящена рассмотрению вариантов марийских соматических фразеологизмов. Автором различаются следующие варианты: фонетические (умшам караш, ушмам караш), морфологические (шинчалап пернаш, шинчап пернаш), словообразовательные (вуй йыр шонаш, вуй йыр шоналташ), синтаксические (ик парня гай, парня гай ик), варианты, связанные с дополнением или редукцией компонентов.

1. Kamassi keele konjugatsiooni mitmetes lõikudes võib kohata j-elementi. Mõnesid selle elemendi esinemisjuhte on allakirjutanu trükisõnas juba kirjeldanud ja pöördunud selgitada nende lähteid või teeb seda juba avaldamiseks loovutatud töödes. Seetõttu peatutagu nendel juhtudel siin ainult väga lühidalt (viidetega põhjalikumalt käsitlemist sisaldavatele lähetele).

Funktsionaalselt ja etimoloogiliselt selge juhuga on tegemist pöördelõppude kaksuse tunnuse -j ja 3. pöörde kaksuse tunnuse -gVj, -gVj lõppkomponendi -j korral. Need kaksuse tunnused põlvnevad vastavatest samojeedi algkeele kaksuse tunnustest *-j ja *-kVj (vt. A. K ü n n a p, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe I. Numeruszeichen und Nominalflexion. Helsinki, 1971 (MSFOu 147), lk. 21-31; s a m a, Kamassi keele pöördelõpud. - ESA 18 1972, lk. 227).

3. pöörde lõpp -j(ü), -i, -'(j)i on identne elemendiga (*)-j(V)(-), mis esineb sageli kamassi keele preesensi-, futuuri-, preesensi-futuuri- ja preteeritumivormide lõpus (eelnedes pöördelõppudele) ja põlvneb tõenäoliselt samojeedi algkeele verbaalnoomenisufiksist *-jV. Viimane on liitunud nähtavasti ka samojeedi algkeele verbaalnoomenisufiksile *-mV, mille tulemusena on saadud kamassi keele imperatiivi 3. pöörde lõpp -wV, -bV: sellele osutab pöördelõpu varasem kuju (Castrén) -wi (< *-mV + *-jV) (vt. A. K ü n n a p, Kamassi keele pöördelõpud, lk. 232).

2. Lähemat vaatlust vajaks aga juba mainitud element (*)-j(V)(-). Ta esineb eespool loetletud pöördeliste vormide koosseisus ebajärjekindlalt ega oma mingit selgepiirilist funktsiooni (välja arvatud juhud, kus teda kasutatakse 3.

pöörde lõpuna). Seetõttu ongi teda vaadeldud tavaliselt preesensi(-futuuri)tunnuse ja preteeritumitunnuse lõppkomponendina (vt. A. K ä n n a p, Kamassi keele preteeritumist. - ESA 13 1967, lk. 176-181). Esitatagu mõned näited vaatlusaluse elemendi esinemise kohta: (Donner) ains. 1. p. nerē-lⁱ-je-m 'ich werde erschreckt': nerē-bⁱ-je-m 'ich wurde erschreckt, ich bin od. war erschreckt worden', aga nerē-lē-m 'ich werde erschreckt werden'; pret. ains. 1. p. kām-bⁱ-ja-m: 2. p. kām-bⁱ-ja-l, aga 3. p. kām-bi (källām 'gehen'); prees.-fut. kaks. 1. p. mo-lⁱ-jā-bāi: 2. p. mo-lⁱ-jā-lēi: 3. p. mo-lⁱ-jā-voj (mōlⁱjam 'werden; kommen; geschehen; können'). Näidetes on preesensi(-futuuri)tunnusel kujuks -lV- ja preteeritumitunnusel kujuks -bi(-); kummagi tunnuse lõpus võib esineda veel komponent -jV- (vt. ka A. K ä n n a p, Kamassi keele kõneviisi- ja ajatunnuste verbaalnominaalses algupärasest. - ESA 19-20 1973-1974, lk. 237-249). On siiski täheldatav, et järjekindlamalt esineb element (^m)-j(V)(-) ainsuse pöördevormides, vrd. näit. (Donner) prees. ains. 1. p. nerē-lⁱ-je-m 'ich werde erschreckt': 2. p. nerē-lⁱ-je-l: 3. p. nerē-lⁱ-je: kaks. 1. p. nerē-l-bāi ~ nerē-l-ēbāi (< *nerē-lⁱ-je-bāi): 2. p. nerē-l-lāi ~ nerē-l-ēlāi (< *-lⁱ-je-): 3. p. nerē-l-gāi ~ nerē-l-ēgāi (< *-lⁱ-je-): mitm. 1. p. nerē-l-bē: 2. p. nerē-l-lē: 3. p. nerē-l-ēlē (< *-lⁱ-je-).

A. J. Joki kirjutab kamassi keele preesensi ainsuse 1. pöörde vormide kohta, mille lõpus on -l'am, -l'em, -l'em ~ -lⁱjam, -lⁱjem, -lⁱjem või -l'om: "Im Ausgang dieser Formen ist m das Personalsuffix der 1. P. Sg.; der vor ihm stehende Vokal (a, e, e, o usw.) vertritt vielleicht das Verb 'sein' (denn es handelt sich auch hier um eine zusammengesetzte Verbalform); zwischen dem letzterwähnten und dem Element l, l (urspr. das Suffix eines Verbalnomens ...) scheint ein j-Element zu stehen (das oft Mouillierung des l verursacht hat) ..." (K. D o n n e r - A. J. J o k i, Kamassisches Wörterbuch. Helsinki, 1944, lk. 166, vrd. ka 171). Sellega seoses pakub erilist huvi I. N.-Sebestyeni oletus, et selkupi keeles on intransitiivsete verbide indikatiivi ainsusevormid moodustatud abiverbi 'olema' pöördevormide liitmise teel verbaalnoomenitüvele, vrd. näit. (Castrén) aor. ains. 1. p. parkuaj ~ parkuak: 2. p. -kuand: 3. p. -kuan ~ -kuj (par-ku- 'schreien') ja aor. ains. 1. p. eaŋ 'ich bin': 2. p.

eand : 3. p. ean ~ ek ~ en (I. N. - Sebestyén, Zur juraksamojedischen Konjugation. - FUF XXXVIII, lk. 58). Tuleb siiski arvestada võimalusega, et mainitud indikatīvivormide pöördelõppude 1. p. -n ~ -k, 2. p. -nd. 3. p. -n ja -k ~ -n ees esinev mõistatuslik vokaalaines võib olla sufiksi *-nV- jäljeks (vrd. T. L e h t i s a l o, Über die primären ururalischen ableitungssuffixe. Helsinki, 1936 (MSFOu LXXII), lk. 142-145). See sufiks *-nV- on selkupi keeles äldkasutatavaks aoristitunnuseks (vt. A. K ä n n a p, Kamassi keele kõneviisi- ja ajatunnuste verbaalnominalest algupärasest). I. N. Sebestyén'i oletuse kasuks kõneleb aga see, et ainsuse 3. pöörde muidu harvaesinevaid pöördelõppe -n ja -k ~ -n kasutatakse järjekindlamalt just abiverbi 'olema' korral (vt. M. A. C a s t r é n - T. L e h t i s a l o, Samojedische Sprachmaterialien. Helsinki, 1960 (MSFOu 122), lk. 227-232).

Kamassi keel tunneb tšepoolast liitseid verbivorme, mis on moodustunud abiverbi 'olema' pöördevormide liitumisel verbaalnoomenitšvele (vt. K. D o n n e r - A. J. J o k i, main. teos, lk. 180-181; A. K ä n n a p, О присоединении камассинских глагольных деривационных суффиксов к заимствованным словам. - СФУ III 1967, lk. 134-135). Teised samojeedi keeled tunnevad veel eraldist nominaalkonjugatsiooni, mis on ehk moodustatud samuti abiverbi 'olema' pöördevormide abil (liitused noomenitele) (vt. A. K ä n n a p, Kamassi keele pöördelõppud, lk. 232-233). Lisaks leidub kõigis samojeedi keeltes mitmeid muidki sõnavorme, mille lõppkomponendi lähteks on abiverb 'olema' (vt. A. K ä n n a p, System und Ursprung, lk. 139-143). Kui A. J. Joki oletus on õige, siis tuleb vaatlusaluste kamassi keele pöördevormide moodustumist kujutleda ilmselt nii, et abiverbi 'olema' pöördevormid liitused verbaalnoomenisufiksiga *-jV varustatud verbivormidele (vrd. kamassi keele gerundiumi- ja partitsiibitunnus -j, -i). Sellist pöördevormide moodustusviisi ei näi aga tundvat ei selkupi keel (I. N. - Sebestyén'i poolt oletatud liitsetes verbivormides ei või täheldada j-elemendi jälgi) ega ka põhja-samojeedi keeled. Teiste sajaanisamojeedi keelte napis andmestikus võib üksikjuhtudel leida preesensi- ja/või futuuri-vormides kamassi keele elemendi (*-j(V)-) etümolooiliselt identse vaste (*-jV-, mis moodustab nendes keeltes õieti vastava ajatunnuse -la-, -lia-, -lja-, -lje-. näit. koibali (Klaproth) meliam 'ich gebe', (Spasski) pimljam 'ma kardan',

vrd. kamassi (Donner) prees.(-fut.) ains. 1. p. mō-l¹-je-m
 ('geben, schenken, bezahlen, lassen'), pimfem (< ^mpiml'em <
^mpim-l¹-je-m; 'fürchten'); sellise elemendi (^m)-jV- jäljeks
 võiks pidada ehk ka vokaali e motori keele preesensi- ja/või
 futuuritunnuses -jæ- (? < ^m-jæ-je-), näit. (Klaproth) ʒiak-
tijaem 'ich begegne'. Kuid kõigi sajaanisamojeedi keelte
 vaatlusalune j-element on ühtviisi mõistatuslik. Edasi vää-
 rib tähelepanu järgmine seik: nendel juhtudel, kus on teada,
 et verbivorm on saadud abiverbi 'olema' pöördevormide liit-
 misel verbaalnoomenitüvele, ei esine see abiverb kamassi kee-
 les kunagi puhta tüve kujul, vaid ikka mingi sufixsiga va-
 rustatuna, näit. (Castrén) i-gä-. Seepärast on allakirjutanu
 ikkagi arvamusel, et palju tõenäolisem on oletada kamassi
 keele vaatlusaluse pöördevormide elemendi (^m)-j(V)(-) põlv-
 nemist tervikuna samojeedi algkeele verbaalnoomenisufiksist
^m-jV. On ju viimane samojeedi keeltes tihti liitunud teis-
 tele verbaalnoomenisufiksitele, ja kamassi keele preesensi
 (-futuuri)tunnus ning preteeritumitunnus, millele vaatlus-
 alune element järgneb, polnud algselt muud kui verbaalnoome-
 nisufiksid ^m-lV ja ^m-pVjV (vt. A. K ä n n a p, Kamassi keele
 kõneviisi- ja ajatunnuste verbaalnominaalsest algupärast).
 Seega on kamassi keel pidanud tundma verbaalnoomenisufiksite
 järjendeid ^m-lV + ^m-jV ja ^m-pVjV + ^m-jV või vähemalt ühte
 neist (teine on võinud moodustuda selle analoogial). Verbaal-
 noomenisufiksite järjendi ^m-lV + ^m-jV jälgi näib leiduvat ka
 teistes lõunasamojeedi keeltes. Sellise järjendi verbaalno-
 minaalseteks jätkajateks võiksid olla teiste sajaanisamojee-
 di keelte gerundiumi- ja/või partitsiibitunnus -lja ning
 selkupi keele gerundiumitunnus -l(ü): (Castrén) -lä, -le, -l,
-leä, -li. (Donner) -lä, -læ, -l. (Prokofjev) -lä jne. Vii-
 mase korral viitaks põlvnemisele sellisest järjendist ees-
 vokaalsus ja eriti variant -leä (? < ^m-le-jä). Edasi võib
 samasugust algupära oletada ka selkupi keele imperatiivitun-
 nuse -lš- korral: (Castrén) -lä-, -lö-, -lä-, -le-. (sic!)
-lia-, -li- jne.; sama võib oletada ka selkupi keele futuu-
 ritunnuse -l(V)- variantide (Castrén) -lea-, -leä- korral.
 Üksikjuhul näib verbaalnoomenisufiksite järjendil ^m-lV + ^m-jV
 leiduvat ka kamassi keeles verbaalnominaalne jätkaja: (Don-
 ner) bar m ö l i tømngm 'ich kenne die ganze Z u -
 k u n f t ö d. ich weiss alles, w a s k o m m e n w i r d'.
 A. J. Joki nimetab vormi möli verbaalsubstantiiviks ja tema
 järgi oleks see moodustatud kamassi keele partitsiibitunnuse

-i abil (K. D o n n e r - A. J. J o k i, main. teos, lk. 176-177). mōli on verbi (Donner) 'werden; kommen; geschehen; können' vorm, kusjuures täveks on mo-, mō-, vrd. näit. pres.-fut. ains. 1. p. mō-lā-m ~ mō-lⁱ-ja-m ~ mōl'am (< mō-lⁱ-ja-m) : pret. ains. 1. p. mō-bⁱ-ja-m : konjunkt. ains. 1. p. mo-na-mō-zē : inf. mo-zēt ~ mo-i-ste ~ mo-i-zēt. Pelga tunnuse -jv korral oleks seega ootuspäraseks kujuks mo-j (~ mo-i) pro mōli, mille tunnust on raske seletada teisiti kui põlvnemisega verbaalnoomenisufiksile järjendist -lv + -jv. Viimast on seega tuntud kogu lõunasamojeedi keelealal ja igati tõenäoliselt on kamassi keele preesensi-, preesensi-futuuri ning futuurivormides esinev preesensi(-futuuri)tunnuse -lv-ning sellele järgneva elemendi (mo)-j(v)(-) ühend tema jätkajaks. Kamassi keele preteeritumivormidesse on vaatlusalune element võinud kanduda ka äsja loetletud vormide analoogial.

2. Kamassi keele gerundiumi- ja partitsiibitunnus -j, -i on kahtlemata samojeedi algkeele verbaalnoomenisufiksi -jv jätkajaks. K. Donneri ainestikus esinevad selle tunnuse abil moodustatud gerundiumivormid, mis väljendavad peaverbi tegevusega samaaegset tegevust, näit. a m n a - c i t'ebakter-la'ba'je' 's i t z e n d s p r e c h e n s i e', səməbe' p a k t ə - j - d'ixlubi 'das Auge schoss s i e e n z w e i' (õieti 'silma p u r u s t a d e s t u l i s t a s', vrd. pāktal'am 'knallen, krachen; bersten, platzen'), būbū k o ' m n ə - j b a'ptəbi 'er schüttete das Wasser aber aus' (õieti 'das Wasser aber g i e s s e n d s c h ü t t e t e e r a u s', vrd. kəmmal'om 'giessen, ausgießen, verschütten, ausschütten, fallen lassen'). M. A. Castréni ja K. Donneri ainestikus moodustab vaatlusalune tunnus preesensi ja preteeritumi partitsiibi, näit. (Castrén) tol-i 'Dieb' (õieti 'varastav, varastaja', vrd. tol'erl'im 'stehlen'), t'ēldū-j 'satt' (õieti 'end rasva söönud', vrd. (Donner) t'ēldel'am 'sich satt essen'); (Donner) tūšū - j k u z a 'v e r s t e h e n d e r M e n s c h', ā l b ū - j k i 'Vollmond' (õieti 't ä i t u n u d k u u', vrd. ābul'am 'sich fūllen, voll werden'). A. J. Joki osutab, et mõnikord näib tunnus -j, -i olevat K. Donneri ainestikus kadunud, näit. də kərəne'lu'bi 'er öffnete' (õieti 'öffnend riss er') (K. D o n n e r - A. J. J o k i, main. teos, lk. 176), kus võiks siis oletada lähtekuju kərə-j ne'lu'bi (vrd. kārel'im 'öffnen; ne'lel'am 'reißen, zerreißen'). Üheks vaatlusaluse tunnuse abil moodustatud gerundiumivormiks näib olevat ka kamassi keele eituspartikkel ej. See oleks siis eitava abiverbi ge-

rundiumivorm (vt. A. K ä n n a p, Kamassi keele eitav kõne. - ESA 12 1966, lk. 180-182).

4. K. Donneri kamassi keeleainestikus võib infinitiivivormide tunnuse -süt(-), -süt(-) ees vokaaltüve korral esineda mõnikord element -j-, -i-, millel pole mingit nähtavat funktsiooni, näit. mā-j-səts 'su geben', šzā-j-sət 'fallen', t'a-bō-i-səts 'su halten', vrd. näit. prees.(-fut.) ains. 1. p. mā-l'g-m, šzā-lš-m, t'abō-ma.-m. Esinemine on ebajärjekindel, näit. mo-sət ~ mo-j-sət ~ mo-i-sət 'werden; ...' Kahel juhul paikneb see element infinitiivivormide alguskonsonandi ja assimileerunud tävekonsonandi ees: bās-səts (< ^mbāt-səts) ~ bā-i-s-səts 'schneiden', kus-səts (< ^mkut-səts) ~ ku-i-s-səts 'töten', vrd. näit. prees.(-fut.) ains. 1. p. kut-l'i-m, bāt-l'i-jo-m (vt. nende assimilatsioonijuhtude kohta ka M. A. C a s t r é n, Grammatik der samojedischen Sprachen. St. Petersburg, 1854, lk. 102).

I. N.-Sebestyén ühendab kamassi keele infinitiivivormide teravikuna neenetsi keele metsamurde abiverbi 'olema' infinitiivi-gerundiumivormidega -ššaj', -šaj' ja oletab küsimärgiliselt ühist lähet ^mšš + j + t, viidates elemendile -j- -i- kamassi keele infinitiivivormide ees (I. N.-Sebestyén, main. teos, lk. 203-204). Nähtavasti eeldab ta kamassi keele korral siin lähtekuju esimese ja keskmise komponendi kohavahetust. Osutatagu muide, et kamassi keele infinitiivivormis bajstə, mis esineb lauses (Donner) bostə pa b a j s t ə. d'š'pi pa'i pa'ibi. ššgndə xmbi 'selbst ging er Holz z u h a c k e n, frisches Holz hackte sie, tat in das Feuer', ei tarvitse tingimata olla tegemist infinitiivivormidele eelneva -j- korral vaatlusaluse elemendi -j-, -i- esinemisjuhuga: igati tõenäoliselt on see -j- denominaalne verbisufiks (vt. T. L e h t i s a l o, main. teos, lk. 66-72), mis on liidetud substantiivivormidele (Donner) pā, pā 'Baum, Holz, Wald' (vt. ka A. K ä n n a p, System und Ursprung, lk. 33-34). I. N.-Sebestyén peab elementi -j- vormis bajstə ekslikult denominaalseks noomenisufiksiks (I. N. - S e b e s t y é n, Attributive Konstruktionen im Samojedischen. - ALHung. IX, lk. 43, vrd. ka 77; s a m a, Das selkupische (ostjak-samojedische) denomiale Ableitungssuffix l, l'. - UAJb XXX, lk. 16).

Kuna elementi -j-, -i- pole M. A. Castréni kamassi ainestikus infinitiivivormide koosseisus üldse fikseeritud ja kuna ta esineb ka K. Donneri kamassi ainestiku infinitiivi-

vormides vaid õige juhusega, peab allakirjutanu kõige tõe näolisemaks, et see element on hilist analoogilist päritolu. See ei välista loomulikult I. N.-Sebestyáni poolt esitatud oletust, et kamassi keele infinitiivitunnuse -šüt(-), -züt(-) keskmiseks komponendiks on olnud algselt verbaalnoomenisufiks ^m-jV. Kuid miski ka ei kinnita seda oletust, sest nimetatud tunnuse eesvokaalsus võib olla tingitud esimese lähtekomponendi - verbaalnoomenisufiksi ^m-šV alguskonsonandi palatalisatsioonist. Kui aga selle eesvokaalsuse on põhjustanud siiski I. N.-Sebestyáni poolt oletatud keskmine lähtekomponent ^m-j-, mis ise kadus, on ometi raske kujutleda, et mõnedel juhtudel see lähtekomponent oleks säilinud, liiatigi veel asukohaga infinitiivitunnuse alguses. Mis puutub lõpuks elemendi -j-, -i- paiknemisse infinitiivvormides bäisseta ja kuisseta tävekonsonandi ees, siis on igati tõenäoline, et selline paiknemine seletub metanalüüsiga: nendes infinitiivvormides hakati infinitiivitunnuseks pidama sõnaosa -sseta.

5. Probleemaatiline on kamassi keele gerundiumitunnuse päritolu, mis esineb K. Donneri ainestikus: -nattej, -nattəj, -netəj. Sellegi tunnuse lõpus näeme j-elementi. Tunnus esineb ainult järgmistel juhtudel: man xa-nattej 'während ich mach(t)e', tan xa-nattəj 'während du mach(t)est', di xa-nattej 'während er mach(t)e' (xa-l'a-m 'machen'), fegərō-nətəj 'kännab'am' 'ich fror bis zum Zittern' (õieti 'zitternd fror ich') (fegərō-l'ə-m 'schütteln, zittern, (vor Kälte, Fieber) beben'). Selle tunnuse rühks koostisosaks oleks A. J. Joki järgi gerundiumitunnus -nV, -dV (K. Donner - A. J. Joki, Kamassisches Wörterbuch, lk. 177-178).

Siin võiks tegemist olla kamassi keeles nähtavasti erit arenguliselt moodustunud kolmeosalise liitsufiksiga: samojeedi algkeele verbaalnoomenisufiksid ^m-ntV + ^m-tV + ^m-jV (vt. ka A. Kõnnap, Kamassi keele kõneviisi- ja ajatunnuste verbaalnominiaalsest algupärast). Mõeldav on ehk siiski selli negi seletusviis: gerundiumitunnuse -nV, -dV (< verbaalnoomenisufiks ^m-ntV) abil moodustatud verbivormidele on liitunud determineerivas või intensiivistavas funktsioonis kasutatud adverb-postpositsioon (Donner) təji, təjə 'gleich, sofort, augenblicklich', näit. təji šo 'komm sofort!' (vrd. ka lokatiivvorm tej-nen, tej-nən 'heute, dieser Tag'). Nii võis näit. man xa-nattej 'während ich mach(t)e' lähtuda ehk

väljendist *man ra-na tēji 'minu tehes kohe'. Tunnuse tt oleks igal juhul sekundaarse geminatsiooni tulemus (vt. ka A. K ä n n a p, System und Ursprung, lk. 74-75).

6. M. A. Castréni käsikirjalistel andmetel (Manuscripta Castréniana. Vol. XIX. Samoidica 13. Kamass-Samoidica (Käsikiri Helsingi ülikooli raamatukogus)) esineb kamassi keeles preesensi partitsiip, mille näidete põhjal võiks välja eraldada tunnuse -laibena, -laibenä, -leibenä, -leibeñe. näit. kutlaibena (kut-l'i-m 'ma tapan'). Kuid kahel juhul on ibenä kirjutatud lahku: ilä ibenä (i-gä-m 'ma olen'), mola ibenä (mo-la-m 'ich werde'). See lahkukirjutamine toetab oletust, et M. A. Castréni poolt väljaeraldatud partitsiip on moodustatud kõikidel juhtudel algselt iseseisva sõna *ibenV abil (ka kokkukirjutamisjuhtudel on tegemist ainult kahe sõna kokkühäldamisega, ilma et esineks assimilatsiooninähtusi sõnapiiiril). *ibenV on ilmselt identne M. A. Castréni kamassi keele käsikirjades leiduva gerundiumivormiga ibe-nä (i'bü-m 'liegen'), mis on varustatud gerundiumi- ja partitsiibitunnusega -nV. -dV (< *-ntV). Peaverb ise on varustatud gerundiumi- ja partitsiibitunnusega -lV(')(-), -nV(')(-) (< *-lV + ? *-t). Samades käsikirjades leidub veel vorm kanlebelä (kal-la-m 'ma lähen ära'), mida M. A. Castrén on pidanud küsimärgiliselt gerundiumivormiks (täpsemini II gerundiumi vormiks, mille tunnuseks M. A. Castrénil on muidu -wi, -bi). See vorm on võidud saada sõnapaarist *kan-le ibe-lä' (teiseks sõnaks on jälle i'bü-m 'liegen'), kus mõlema sõna lõpus oleks siis gerundiumi- ja partitsiibitunnus -lV(')(-), -nV(')(-). Vrd. ka liitverbi vorm (Castrén) amnoleibeläm 'ich werde sitzen', edasi veel (käsik.) orärleigäm 'ich heule', talarleigäm 'ich werde mäde' (igä-m 'ich bin').

7. Kamassi keeles kasutatakse partitsiibitunnust -jok. -d'vk: (Castrén) -jok. (Donner) -jok, -juk, -d'uk, -d'ek, -juk näit. (Castrén) kuro-jok 'böse' (õieti 'böse seiend', vrd. kuro-la-m 'böse werden'), (Donner) t'älber-zük men 'b e i s s e n d e r o d . b i s s i g e r H u n d'. See tunnus pärineb türgi-tatari keeltest, nagu A. J. Joki on osutanud, vrd. näit. türgi-tatari koibali ja karagassi keele preteeritumi gerundiumi tunnus -d'ek, -t'ek (K. D o n n e r - A. J. J o k i, main. teos, lk. 179), näit. koibali (Castrén) al-d'ek (alerben 'ich nehme'). Seda seisukohta toetab ka kamassi keele tunnuse häälaluslik kuju: kamassi foneetika seisukohalt pole ootuspärane, et tunnuse alguskonsonantide va-

heldus id'~3 oleks kujunenud kamassi keeles endas. Osu-
tatu, et hakassi keele vorm (Donner) Sürgel-d'ek 'Schling-
pflanze, БЕЗМЪ' (vrd. koibali (Castrén) sürgirben 'um-
wickeln') on laenatud tervikuna kamassi keelde: (Donner)
Sürgel-d'ek-no 'Wiesenschlingpflanze, russ. sib. БЕЗМЪ'.
(Vt. M. A. C a s t r é n, Versuch einer koibalischen und ka-
ragassischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den
tatarischen Mundarten des Minussimschen Kreises. St. Peters-
burg, 1857, lk. 34, 39, 42; G. J. R a m s t e d t, Einfüh-
rung in die altaische Sprachwissenschaft II. Formenlehre. Hel-
sinki, 1957 (JSFOu 104 2), lk. 126-127; K. D o n n e r - A.
J. J o k i, main. teos, lk. 121-126; s a m a d, Kleinere
Wörterverzeichnisse aus dem Jurak-, Jenissei- und Tawgy-Sa-
mojedischen, Katschatatarischen und Tungusischen. - JSFOu 8
1, lk. 23; A. J. J o k i, Die Lehnwörter des Sajansamojedi-
schen. Helsinki, 1952 (MSFOu 103), lk. 300; vrd. ka G. J.
R a m s t e d t, Einführung in die altaische Sprachwissen-
schaft I. Lautlehre. Helsinki, 1952 (JSFOu 104 1), lk. 171).

А. К в н н а п
(Тарту)

ОБ ЭЛЕМЕНТЕ j В КАМАСИНСКОМ СПРЯЖЕНИИ

Р е з ю м е

В камасинском спряжении довольно часто встречается элемент j. Показатель дв. ч. личных окончаний глагола -j и показатель дв. ч. личного окончания 3-го лица глагола -gvj, -gVj происходят от соответствующих прасамодийских показателей ^m-j и ^m-kvj. Личное окончание 3-го лица глагола -j(š), -i, -'(j)i является лишь частным случаем употребления суффикса (^m-j(V)(-)), который часто встречается в формах настоящего, настоящего-будущего, будущего и прошедшего времени и происходит, вероятно, от прасамодийского суффикса отглагольных имен ^m-jV. Последний присоединился в камасинском языке, видимо, и к суффиксу отглагольных имен ^m-mV, в результате чего образовалось личное окончание 3-го лица повелительного наклонения -wV, -bV.

Вышеупомянутый суффикс (^m-j(V)(-)) выступает очень непосредственно и лишен любой четкой функции. Данные южносамодийских языков позволяют сделать вывод, что он вошел в состав личных глагольных форм камасинского языка, по всей вероятности, в качестве второго компонента комбинации суффиксов отглагольных имен ^m-jV + ^m-jV.

Показатель камасинских деепричастий -j, -i возводится к прасамодийскому суффиксу отглагольных имен ^m-jV.

Элемент -j-, -i-, встречающийся перед показателем инфинитива -süt(-), -züt(-), лишен также любой функции и может быть лишь поздним и аналогичным.

Камасинский показатель деепричастий -nattej, -nattøj, -natøj мог образоваться от суффикса отглагольных имен ^m-nV и слова: tēji, tøjə 'gleich, sofort, augenblicklich'.

В рукописных материалах М. А. Кастрена по камасинскому языку встречаются формы причастия типа kutlaibena, вторым компонентом которых является, видимо, форма причастия ^m-ibe-nV от глагола i'būm 'liegen'.

Камасинский показатель причастия -jok, -d'Vk заимствован из тюркских языков, как это уже доказал А. Й. Йоки.

A. K ü n n a p
(Tartto)

KAMASSIN VERBITAIVUTUKSEN j-AINEKSISTA

T i i v i s t e l m ä

Kamassin verbitaivutuksessa löytyy aika usein j-aineksia. Persoonapäätteiden duaalintunnus -j ja 3. persoonan päätteiden duaalintunnus -jVj, -GVj on saatu kantasamojedin duaalintunnuksista *-j ja *-kVj. 3. persoonan päätte -j(š), -i, -(j)i on vain suffiksien (*)-j(V)(-) esiintymistapauksia. Tämä suffiksi tavataan usein preesens-, preesens-futuuri-, futuuri- ja preteritimuodoissa ja se palautuu kantasamojedin deverbaliinominien suffiksiin *-jV. Jälkimmäisen liityttyä deverbaliinominien suffiksiin *-mV on muodostunut kamassin imperatiivin 3. persoonan päätte -wV, -bV.

Mainittua suffiksia (*)-j(V)(-) käytetään hyvin epäsäännöllisesti eikä sen tehtäväkään ole selvästi määritettävissä Eteläsamojedilaisten kielten tietojen perusteella voinee päätyä siihen ratkaisuun, että tämä suffiksi on sisällytetty kamassin verbitaivutuksen finiittimuotoihin deverbaliinominien suffiksien yhdistelmän *-jV + *-jV jälkikomponentin muodossa.

Kamassin gerundintunnus -j, -i palautuu kantasamojedin deverbaliinominien suffiksiin *-jV.

Kamassin infinitiivintunnuksen -süt(-), -züt(-) edellä tavattava -j-, -i- voi olla ainoastaan myöhäistä ja analogista alkuperää. Tämänkin aineksen tehtävä ei ole mitenkään määritettävissä.

Gerundintunnus -nattej, -nattej, -netej on saattanut muodostua kamassin kielessä deverbaliinominien suffiksista *-ntV ynnä sanasta tēji, tēja 'gleich, sofort, augenblicklich'.

M. A. Castrénin kamassin kielen käsikirjoituksissa esiintyvät kutlaibena-tyyppiset partisiippimuodot, joiden jälkikomponenttina lienee käytetty verbin i'būm 'liegen' partisiippimuotoa *-ibenV.

Partisiippintunnus -jok, -d'Vk on lainattu kamassiin turkilaiskielistä kuten A. J. Joki on jo osoittanut.

MÕNEDE GERUNDIUMI- JA PARTITSIIBITUNNUSTE ALGUPÄRAST
UURALI KEELTES

Tavaliselt oletatakse, et uurali algkeel tundis tervet hulka deverbaalsete noomenite derivatsioonisufikseid (vt. näit. Lehtisalo 1936; Collinder 1960 : 264-272; Hajdú 1966 : 146-147; ОЧОВН 1974 : 337-359). Seejuures leidub uurali keeltes loomulikult mitmeid selliseid deverbaalsete noomenite sufiksisarju, mille geneetiline õhtekuuluvus ja iga on kindlaks määramata. Paljudel juhtudel on tänapäeval siin otustav sõna õelda samojeedi keelte uudsetel andmetel.

Üheks selliseks deverbaalsete noomenite sufiksisarjaks on nt-aineselised. K. Maitinskaja on hiljaaegu selgesti välja toonud vastava soome-ugri algkeele sufiksi nt ning osutanud selle jälgede esinemisele soome, komi ja udmurdi keeles. Ta tuletab meelde ka seda, et T. Lehtisalo ei rekonstrueerinud otseselt sellist sufiksit uurali algkeele jaoks, B. Collinder teeb seda aga käsikärgiliselt. (ОЧОВН 1974 : 349; vt. ka Lehtisalo 1936; Collinder 1960 : 269-270.) Näib, et nimetatud käsikärgilisus B. Collinderil on tingitud vaatlusaluse sufiksi tagasihoidlikust esinemusest just soome-ugri keeltes - B. Collinder mainib selle jälgi soome, lapi ja komi keeles -, samal ajal kui talle on tuttav selle esinemus enamikus samojeedi keeltes: neenetsi preesensi partitsiibi tunnus -na, -da, näit. iilena 'living', eenetsi preesensi partitsiibi ja tegijanime tunnus -dde, näit. iõedde id., fonedde, fofidde 'shepherd', selkupi preesensi partitsiibi tunnus -nde jne., näit. ilinde 'living', kamassi partitsiibi tunnus -na, -ne, -da, -de jne., näit. õõna 'coming', taigi partitsiibi tunnus -nde, näit. ilinde 'living' (Collinder 1960 : 269-270).

Samojeedi keelte korral on otsekohe selge, et tegemist on lähtevormi ntv edasiarendustega (vt. ka Kännap 1971 : 110-

111). Vaataksime järgnevas veidi täpsemalt, millised need edasiarendused eri samojeedi keeltes on ja millised funktsioonid neil esinevad.

Meenetsi keele tundramurde korral toob N. Tereštšenko esi-
le preesensi ja preteeritumi partitsiibi tunnusega -na, -na,
-da, -d'a, -ta, -t'a, näit. xadabada 'püüdev', xadana 'äsjä
püüdnud' (Терещенко 1965 : 909), P. Hajdđ aga imperfekti
partitsiibi tunnusega -na, -ne, -da, -d'e, -ta, -t'e, näit.
jl'ena, jl'ene 'elb', inda, ind'e 'menb' (Hajdđ 1968 :
51). Metsamurde korral eristab G. Verbov preesensi partit-
siibi tunnust -na, -ta, näit. jl'ena 'elav', t'IL't'a 'len-
dav' (Вербов 1973 : 50), P. Sammallahti aga aoristi partit-
siibi ja IV infinitiivi tunnust -na, -ta, -ta, näit.
winkna palta ma 'a tent standing on the tundra', d'kutax
xant tu'tnat 'when you are away, I shall come' (possessiiv-
se deklinatsiooni latiivivorm) (Sammallahti 1974 : 92-93).

Enetsi keele ainestikust leiame M. A. Castrénil partit-
siibi tunnusega -dde, mida ta ise nimetas aoristi partit-
siibiks, näit. motadde '[see,] kes lõikas' (vt. Куннан
1976b : 136-141); G. Prokofjev esitas preesensi partitsiibi
tunnuse -de, -da, -ta, näit. jirede 'elav', mita 'andev,
antav' (Прокофьев 1937 : 79), N. Tereštšenkolt leiame näit-
ted direda 'elav', kodida 'magav' (Терещенко 1966 : 452).

Lisaks ülemal mainitutele on põhjasamojeedi keeltes vöi-
nud säilida muidki deverbaalsete noomenite sufiksi -ntV
jälg, kuid neid on raske täpselt kindlaks teha (vt. sellis-
te oletatavate jälgede kohta Куннан 1975b : 170).

Selkupi keelest leiame preesensi ja preteeritumi partit-
siibi tunnusega -(n)dŷ(l'), -(n)džŷ(l), -tŷl', -tšŷ,
millel on rikkalikult mitmesuguseid foneetilisi variante:
(Castrén) -nde, -ndel, -ndel', -ndi, -ndil, -ndie, -ndže,
-ndžel, -dae, -däl, -de, -del, -di, -dil, -die, -džel, -tel,
-til, -tša, -tše jne., (Prokofjev) -ndil', -til', -il' jne.
Näit. (Castrén) tündil-gum 'Ruderer' (õieti 'sõudev-inimene
~ sõudja-inimene'), ilnde, ilndi, ilndie, ilandil, ilandel'
'lebens', t'ätšendie (pret., part. sõnast t'oatšam 'ich
zündete an'), (Prokofjev) ilindil' 'elav'. Afrikaadid dž ja
tš on siin hilistekkelised (vt. nende afrikaatide päritolu
kohta selkupi keeles Мопев 1975). Tunnuse reeglipäratult
esinev lõppkomponent -l, -l' on selkupi keeles teatud ad-
jektiviiliide, mis võib liituda mitmesugustele adjektiiv-

ses funktsioonis kasutatavatele sõnavormidele. Nii tähendakski ülemal toodud (Castrén) tündil-gum 'Ruder' õieti siis 'sõudjaline-inimene'. (Omaette probleemiks on selle adjektiiviliite päritolu, mida pole otstarbekas hakata siinkohal lahkama.)

Kamassi keeles kasutati preesensi ja preteeritumi partitsiipi, mille tunnuseks oli -(n)nV, -dV rohkete foneetiliste variantidega: (Castrén) -na, -nä, -ne, -da, -de jne., (Donner) -na, -nä, -ne, -ne, -ne, -n, -nna, -nno, -nne, -da, -dä, -d, -de, -di, -d jne. Näit. (Castrén) annona-kuza 'sitt nings-man', taman Inä 'Obenwohender', nerenä to 'upprkram ren', šona-kuza 'tulnu' (õieti 'tulnud-inimene'), (Donner) näna pä 'stehender Baum', älböna bera 'gefüllter Sack'; üksikjuhtudel tuleb see partitsiip ette ka viimasel kamassi keele kõnelejal: (Kännap) kem monzrö-na 'keedetud veri' (venepärane sõnajärg). Vähesel määral esinevad vaatlusaluse tunnuse abil moodustatud vormid ka gerundiumi funktsioonis või sellele lähedastes funktsioonides, näit. (Kännap) mändersittē. šönn-kala-m 'otsima lähen' (õieti 'otsima tulles lähen'); tähelepanu juhitaegu veel sellistelegi kasutustele, nagu näit. (Castrén) minän mol'am 'anda tahan' (ilmselt laatiivivorm), (Donner) bär amnöna 'das ganze Leben', kajöna 'Dach; bedeckt, geschlossen'. (Vt. ka Donner-Joki 1944 : 177-178.)

Ka teiste sajaanisamojeedi keelte ainestikuse leidub üksikuid jälgi deverbaalsete noomenite sufiksist ^m-ntV, näit. koibali (Spasski) ilinde 'elav', d'šapsino uja 'praetud liha' (d'šapsilam 'ma praen'). (Viimase näite korral võib tegemist olla küll ka hoopis sufiksiga ^m-nV, vt. Kõhhan 1976a: 179.)

On igati tõenäoline, et vaatlusalune samojeedi keelte sufiks on etümoloogiliselt identne vastava sufiksiga ^m-ntV soome-ugri keeltes ja et mõlemad sufiksivormid lähtuvad urali algkeele deverbaalsete noomenite derivatsioonisufiksist ^m-ntV.

Täiseks problemaatiliseks deverbaalsete noomenite sufiksisarjaks urali keeltes on l-aineselised. K. Maitinskaja on jällegi osutanud, et oletatav soome-ugri algkeele sufiks ^m-l on jätnud võrdlemisi vähe jälgi deverbaalsete noomenitulestistena, ning neid jälgi näeb ta järgmistes keeltes: soome, lapi, mordva, komi, handi, mansi, ungari (Особои 1974 : 343).

Uurali algkeelde näiteks B. Collinder sellist deverbaalsete noomenite sufiksit ei rekonstrueeri (vt. Collinder 1960:264-272), T. Lehtisalo esitas aga vastava alguurali rekonstruktsiooni käsikärgiliselt (Lehtisalo 1936 : 157-158), oletades selle võimalikke jälgi läänemeresoome, lapi, mordva, mari, udmurdi, komi keeltes, samojeedi keeltest ainult neenetsi keeles: deverbaalsete substantiivide tunnus $\bar{m}-la \sim \bar{m}-le$, näit šarb'ello 'Person, die schnell laufen kann' ($ll < \text{augmentatiivitunnus } r + l$), deverbaalsete substantiivide liittunnus $\bar{m}-la + \bar{m}-nkV + \bar{u}$, näit. jänkollenku hiesšeo 'Person, die zu singen pflegt' ($ll < jälle r + l$), deverbaalsete adjektiivide(!) tunnus $\bar{m}-la$, näit. salle 'wild, unverständlich, dumm'. Samas T. Lehtisalo aga lisab: "Es ist jedoch nicht sicher, dass in obigen jurakischen beispielen \bar{r} ururalesches \bar{r} vertritt. Es wird nämlich immer an konsonantischen stamm angefügt, und in dieser stellung kann es ursamojedisches \bar{r} vertreten, das wieder entweder auf \bar{r} oder auf \bar{d} zurückgeht. Unsicher ist auch, was OS gerundium auf \bar{le} und kam. gerundium auf $\bar{la}-l\bar{a}$ ist. Das \bar{l} könnte verallgemeinerung sein und auf $\bar{r} < \bar{d}$ zurückgehen, wie z. b. poss. suff. 2. p. sg. \bar{l} ."

Tuleb kohe mainida, et lõunasamojeedi 2. isiku possessiivsufiks $\bar{l}(V)$ on küll igati tõenäoliselt saadud algsamojeedi lähtekujust $\bar{m}-šV$ - sellest annab tunnistust 2. isiku possessiivsufiksi kuju põhjasamojeedi keeltes: $\bar{l}(V)$, $\bar{r}V$, $\bar{r}(V)$ (vt. lähemalt Kännap 1971 : 156-159, 164-166, 168-170, 173-174). Kuid T. Lehtisalo poolt mainitud lõunasamojeedi gerundiumitunnuste \bar{l} -ainese päritolu selgitamine on tunduvalt keerukam ülesanne ja eelkõige seetõttu, et me ei tunne nende tunnuste kindlaid etümoloogilisi vasteid põhjasamojeedi keeltes. Mõndagi võiksime aga nimetatud gerundiumitunnuste kohta nende päritolu seisukohast öelda, kui vaataksime, millistes suhetes nad on teiste \bar{l} -aineseliste verbisufiksitega lõunasamojeedi keeltes.

Alustaksime siiski nende \bar{l} -aineseliste gerundiumitunnuste endi lähiiseloostusest. Kamassi vastava gerundiumitunnuse tegelikuks kujukse on $\bar{l}(V(?))$, $\bar{n}V(?)$ paljude foneetiliste variantidega: (Castrén) \bar{la}^2 , \bar{la} , \bar{la}^2 , \bar{la} , \bar{le} , \bar{na} jne., (Donner) \bar{le} , \bar{le}^2 , \bar{l} , \bar{na} jne., (Kännap) \bar{le} , \bar{le}^2 , \bar{le} , \bar{na}^2 jne. \bar{n} -algulised variandid on saadud assimilatsiooni tulemusel: \bar{nn} , $\bar{nn} < \bar{ml}$, \bar{nl} . Vaatlusalune gerundium väljendab tavaliselt peaverbi tegevusega samaaegselt toimuvat tegevust,

näit. (Castrén) amnola t'ebakt'eri'l'ä 'sittande tular', (Donner) mōla tunōlbi 'sich stellend lief'. Kuid ta võib väljendada ka tegevuse eesmärgi, leides seega kasutamist infinitiivitaolise verbaalnoomeni funktsioonis, näit. (Kännap) kanä.² bñjle. 'mine vett-tooma!'. Ainulaadse kasutamiseviisi - kui tegemist pole keelejuhi eksitusega - näiteks on väljend (Kännap) džebakterlõ. mõžno 'rääkida võib' (harilikult kasutatakse siin tegelikku infinitiivi: džebaktarzi.tti mõžna). Vaadeldava kamassi gerundiumitunnuse lõpus esineva larüngaalklusiili päritolu kohta on raske midagi kindlat öelda - selkupi etümoloogilise vaste lõpus, nagu alamal näeme, mingit konsonantainest ei leidu -, kuid on siiski põhjust arvata, et siin on tegemist teise deverbaalsete noomenite sufiksi -t(v) jäljega (vt. selle kohta lähemalt Kännap 1971:145-147). (Vt. ka Donner-Joki 1944 : 175.)

Selkupi keeles on gerundium tunnusega -l(v), -l'v. Viimasel on samuti terve rida foneetilisi variante: (Castrén) -lä -le. -leä. -li. -l jne., (Donner) -lä. -lɛ. -l jne., (Prokofjev) -lä. (Vojevodina) -la. -le. -l'a. -l'e. Siingi väljendab gerundium peaverbi tegevusega äheaegset tegevust, näit (Castrén) t'ätle. tšäteli 'anzündend', (Donner) tɛp ämdɔlə awrna 'ta istudes sööb', awrlä nagərsap 'stüdes kirjutasin', (Prokofjev) andim mōlä 'den Kahn verfertigend (oder verfertigt habend)', (Vojevodina) kesip t'šötirl'a sumpa 'rauda tagudes laulab', mip mänti šütel'a munop ferkelsap 'auku kinni õmmeldes sõrme torkasin', lepil'e tɛp pam esaptit 'ehmudes ta noa pillas'. Nagu kamassi keeleski väljendab see gerundium ka tegevuse eesmärgi, näit. (Donner) sürülä kojäkāq 'kättima läksid nad', (Vojevodina) teban opat qwönne man wettowenen surul'e 'tema õde läks minu jälgedes kättima', nenni me qwennot pattšatel'e 'seejärel me läheme niitma', me fiefanopti swongal'l'e pal'dso 'me tema õega käbisid korjamas käisime'. Lausa infinitiivi funktsioonis kasutamist (ja sageli paralleelselt tegeliku infinitiiviga) näeme sellistes näidetes, nagu (Castrén) ürgo ~ ürlä tenemernam 'ich kann schwimmen', üt'ego ~ üt'elä tanamdan 'ich gewöhnte mich ans Arbeiten', (Donner) sälä kwettältsap 'nägema hakkasin', melle 'tegema'. (Vt. ka Воєводина 1973.)

N. Vojevodina toob selkupi keele korral esile veel ühe l-gerundiumi kasutusviisi (rahvaluulekeeles): sama subjekti tegevuste loetlemisel kasutatakse gerundiumivorme ja ainult

viimane tegevus väljendatakse finiiitse vormiga, näit. metežela ille paqtela kartoškap paqgele qwatilde 'ta ... tuli, alla hüppas, kartuleid võtma hakkas', ondže gonne appežela, gwa-džon tšandželā, gondelā, gondalgut 'ise mäele läks, linna sisenenes, uinus, ärkas' (Воеводина 1973 : 60). Umbes selletaolist kasutusviisi leiame ka K. Donneri kamassi keeleainestikust (muinasjuttudes), kuid mõnevõrra lähemate loenditena, näit. hāza d'ōrla' tərlele kujōbi 'wieder weinend sich werfend stürzte er sich', tirlele d'e'ḡde ma'l'e' u l u tirlu'bi 'hāpfend auf die Erde könnend Ulu sprang', t'alāš ŋi nula šola hāžibi 'ein nackter Knabe stehend kommend fiel', koḡ mala hāmma < -la' i'pəl? 'wie dich befindend lāgend du liegst?'.

Olen varem esitanud seisukoha, mille järgi gerundiumitunnused kamassi -l(V⁽²⁾), -nV⁽²⁾ ja selkupi -l(V), -l'V võiksid olla etimoloogiliselt seotud põhjasamojeedi keelte partitsiibitunnustega neenetsi -ḡ(ə) jne., eenetsi -da jne., nganasani -to jne. või vähemalt mõnede nende variantidega. Ühiseks lähteks oleks sel juhul samojeedi algkeele -tV, kusjuures peab oletama, et lõunasamojeedi gerundiumitunnused on läbinud vaheastme -ḡV (Kännap 1975a : 248). Sellise võimalusega tuleb kindlasti arvestada. Samas olen esile toonud aga ka selle, et nimetatud kamassi ja selkupi gerundiumitunnused ühenduvad etimoloogiliselt kamassi preesensi-futuuritunnusega -l(V)-, -liiV- jne. (-iV on sajaanisamojeedi keelte eriarenguline lisand), teiste sajaanisamojeedi keelte preesensi- ja/või futuuritunnusega -la-, -lia-, -lja- ning selkupi keele futuuritunnusega -l(V)-, edasi ka kamassi optatiivitunnusega -le- ja selkupi konjunktiivitunnusega -l(V)-. Veel varem (Könnap 1973 : 57-58) olen just selkupi keele puhul osutanud tihedale etimoloogilisele sidemele kõneviisi- ja ajatunnuste ning gerundiumi- ja partitsiibitunnuste vahel, sealhulgas l-aineseliste korral, vrd. näit. (Castrén) ēlā 'ta oleks', t'ātelāden ('nad süüdaki' - A. K.), t'ādakuleu 'ma hakkam nāād põletama' (tulevik) - gerundium t'ādakule ('põletades' - A. K.). On selliseidki nimetatud tunnuste abil moodustatud vormide kasutusi, kus on raske kindlaks teha, kas tegemist on kõneviisi- ja ajavormidega või gerundiumi- ja partitsiibivormidega, näit. (Castrén) knel ēl(ā), ḡḡḡ (koš) t'ḡnejejeā '(wenn) Fische (da) wären, mag Brot fehlen', mida võib mõista ka nii: 'kala olemas-olles, leib (kasvõi) puudu-

gu'.

Teatavasti arvas T. Lehtisalo, et alguurali l-aineseline frekventatiivisufiks muutus kamassi keeles preesensitunnuseks (Lehtisalo 1936 : 176-177). See oletus ei ole aga kuigi tõenäoline. Igati tõenäoliselt tuleb kamassi preesensifutuuritunnuse -l(V)-, -lijV- jne. lähteid otsida l-aineseliste deverbaalnoomenitunnuste seast.

Pole seega mingit kaalukat põhjust, mis sunniks kahtlema lõunasamojeedi keelte l-aineseliste kõneviisi-, aja-, gerundi- ja partitsiibitunnuste etümoloogilises ühtekuuluvuses. Kuid endiselt on lahtine küsimus, kas siin on tegemist algse l-iga või hoopis š järljega. Rõhutatagu aga, et lahendus võib olla ainult kompleksne, selline, mis haaraks kõiki loetletud sufikseid tervikuna. Ja alles seejärel võimalduks vastata küsimusele nende sufiksrite kokkuuluvusest soome-ugri keelte l-aineseliste deverbaalnoomenisufiksritega.

K i r j a n d u s

- D o n n e r, K. - A. J. J o k i 1944, Kamassisches Wörterbuch, Helsinki.
- H a j d ú, P. 1966, Bevezetés az uráli nyelv tudományba, Budapest.
- 1968, Chrestomathia Samoiedica, Budapest.
- K ä n n a p, A. 1971, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe I. Numeruszeichen und Nominalflexion, Helsinki (MSFOu 147).
- 1975a, Kamassi keele kõneviisi- ja ajatunnuste verbaalnominaalsest algupärast. - Emakeele Seltsi Aas taraamat 19-20, 237-249.
- 1975b, Miscellanea Samoiedica. - Fenno-ugristica 1, Tartu (Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised 344), 167-176.
- L e h t i s a l o, T. 1936, "Über die primären uralischen ableitungssuffixe, Helsinki (MSFOu LXXII).
- S a m m a l l a h t i, P. 1974, Material from Forest Nenets, Helsinki (Castrenianumin toimitteita 2).
- В е р б о в Г. Д. 1973, Диалект лесных ненцев. - Самодийский сборник. Сборник научных трудов, Новосибирск, 3-190.
- В о е в о д и н а Н. М. 1973, О деепричастии на -л'е в оаль-

- купском языке. - Происхождение аборигенов Сибири и их языков, Томск, 58-61.
- К в н а п А. 1973, О соотношении словоизменения и словообразования в самодийских языках. (На материале селькупского языка). - Происхождение аборигенов Сибири и их языков, Томск, 56-58.
- 1976а, К проблеме происхождения показателей наклонений и времен в уральских языках. - СФУ XII, 169-181.
- 1976б, Некоторые энецкие и иганасанские инфинитивные глагольные формы из рукописей М. А. Кастрена. - *Fenno-ugristica* 2, Tartu (Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised 382), 135-146.
- М о р е в Ю. А. 1975, К вопросу о происхождении аффрикат в селькупском языке. - СФУ XI, 281-286.
- Основы финно-угорского языковедения (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков) 1974, Москва.
- П р о к о ф ь е в Г. Н. 1937, Энецкий (енисейско-самоедский) диалект. - Языки и письменность народов Севера I, Москва-Ленинград, 75-90.
- Т е р е щ е н к о Н. М. 1965, Ненецко-русский словарь, Москва.
- 1966, Энецкий язык. - Языки народов СССР III. Финно-угорские и самодийские языки, Москва, 438-457.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ
ДЕЕПРИЧАСТИЙ И ПРИЧАСТИЙ В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Р е з ю м е

Нередко высказывается предположение, что отглагольные имена в уральском праязыке имели целый ряд словообразовательных суффиксов. Действительно, в уральских языках встречаются также суффиксы, генетивное родство и возраст которых пока не установлены. Большую помощь в решении этого вопроса могут оказать данные самодийских языков.

Среди суффиксов отглагольных имен большой интерес представляют суффиксы с элементом nt . Данные финно-угорских и самодийских языков показывают, что уральский праязык знал, по всей вероятности, суффикс отглагольных имен -ntV .

Нерешенным остается вопрос о происхождении суффиксов с начальным l . В самодийских языках l -овые деепричастия, как показал уже Т. Лехтисало, четко выделяются только в южносамодийских языках. Но не исключена возможность, что в них этот элемент l является остатком более древнего d . Автор показывает, что окончательное решение данной проблемы можно дать лишь в том случае, если вопрос о происхождении южносамодийских l -овых деепричастий будет рассматриваться комплексно, с учетом их этимологической связи с l -овыми показателями наклонений и времен в этих языках.

MUUTAMIEN GERUNDIN- JA PARTISIIPINTUNNUSTEN
ALKUPERÄSTÄ URALILAISISSA KIELISSÄ

T i i v i s t e l m ä

Tavallisesti otaksutaan uralilaisen kantakielen tunteen useampia deverbaalinomien johtimia. Uralilaisissa kielissä tavataan kuitenkin muutamia deverbaalinomien suffiksisarjoja, joiden iästä ja keskinäisestä sukulaisuudesta ei vielä olla täysin selvillä. Sellaisissa tapauksissa ratkaisu riippuu usein samojedikielten aineiden tulkinnasta.

Ensinnäkin tulee tässä mielessä kysymykseen ^{nt}-alkuinen deverbaalinomien suffiksisarja. Samojedikielten aineisto osoittaa, että uralilaisessa kantakielessä on ilmeisesti ollut käytössä deverbaalinomien suffiksi ^{nt}-ntV.

Toinen samantapainen ilmiö on deverbaalinomien l-aineksinen suffiksisarja. Gerundien l-suffiksi tulee selvästi esiin eteläsamojedissa. Pitänee kuitenkin ottaa huomioon sekin mahdollisuus, että jälkimmäisten l-aines palautuu č-spiranttiin. Tutkielmassa viitataan siihen, että tämän ongelman lopulliseen ratkaisuun päästään ainoastaan siinä tapauksessa, jos otetaan huomioon kiinteä etymologinen yhteys toisaalta mainittujen gerundintunnusten ja toisaalta eteläsamojedilaisten l-alkuisten modus- ja tempustunnusten välillä.

Б. Загуляева
(Тарту)

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АФФРИКАТ
В ПРИКИЛЬМЕЗСКИХ ГОВОРАХ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Термином "прикильмезские говоры" мы условно называем говоры жителей сел и деревень, расположенных в бассейне реки Кильмезь, левого притока Вятки, в Удмуртской АССР. В бассейн реки Кильмезь население пришло приблизительно на рубеже I и 2 тыс. н.э. Эта была часть древней этнической общности удмуртов, вытесненная древне-марийскими племенами. Другая ее часть, оставшаяся на Средней Вятке, позднее была оттеснена русскими на Чешу, откуда происходило, по-видимому, постепенное заселение глубинных районов (Владыкин 1969 : 8,10).

В прикильмезских говорах, как и во всех пермских, наличествуют 4 аффрикаты: č, š, ž, š. Отличительной особенностью рассматриваемых говоров является обильное употребление аффрикат, т.е. сохранение аффрикат в более древней форме, что является наследием финно-угорского языка-основы. Такое явление наблюдается в средневожских говорах (Бушмакин 1971), увинско-важской группе говоров (Tarakanov 1963), верхнеижских говорах удмуртского языка (Тепляшина 1973). Во многих удмуртских диалектах, а также в удмуртском литературном языке они деаффрикатизировались: ž > z; š > š; č > š. Характеризуя особенности дистрибуции прикильмезских аффрикат в структуре слова, нужно отметить встречаемость их в абсолютном начале, середине, конце слова: а) žek 'стол', šese (лит. чечн) 'мед', šukna 'утро, утром', šabej 'пшеница', šažeg (лит. žavez) 'гусь', б) rižim (лит. пужим) 'сосна', šžit (лит. ожит) 'немного', nižili (лит. низили) 'червь', ažvil (лит. азьвил) 'прежде, раньше', luškem (лит. лужкем) 'тайно, тайком', šuškon (лит. чушкон) 'полотенце', luž (лит. лужь) 'овод', kižez 'песня' (лит. крезь) 'гусли', šos (лит. чош) 'вместе', kuž (лит. куж) 'кудель', važij (лит. вайиж) 'оглобля', žes 'добрый, хороший'. Подобные примеры в свое время были зафиксированы в бывшем Малмыжском уезде (Wichmann

1911; Uotila 1933). Рассмотрим особенности каждой из этих фонем.

Аффриката џ. По артикуляции, как и в литературном языке, это твердый глухой альвеолярно-какуминальный звук. В говорах џ употребляется вместо литературного шипящего џ: šiškon (лит. шүшкон) 'полотенце', vaškala (лит. вашкала) 'в старину', ašet (лит. азькышет) 'фартук'. В последнем произошло отверждение согласного: ašet < aššet < aššet < ažšet < ažkišet. В том случае, если за шипящим стоит звук k, š регулярно переходит в џ: viški (лит. вышки) 'кадушка', квашкани (лит. куашкани) 'развалиться, разрушиться'. В говорах жителей д.д. Федоры, Чужьял, Рысай нами засвидетельствованы примеры с твердой аффрикатой џ в суффиксах возвратных глаголов с основой на št: voškiņi (лит. воштійськныи) 'измениться', kuškiņi (лит. куштійськныи) 'броситься; отказаться'.

представители д.д. Выльнгурт, Бацзимлуд, Выселок, с. Гуря Симанского района, д. Умга-Омга, особенно д. Гамбер Селтинского района, разговаривая на русском языке, вместо русского џ произносят звук џ, адекватный удмуртскому литературному џ: тропоска 'тропочка', čajnik 'чайник', čaj 'чай', čas 'час', niņče 'нынче', gorjačo 'горячо', на ресе 'на печи', venčať 'венчать'. Нами зарегистрированы также некоторые удмуртские слова с указанной аффрикатой (вместо џ в других диалектах): šeber (лит. чебер) 'красивый', šjrdе (лит. чврдэ) 'кукует'.

Кроме указанных своеобразий рассматриваемых говоров, следует обратить внимание на такое явление, когда твердая аффриката џ перед шипящим следующего слога в силу диссимилиации смягчается: šišžodig (лит. шүшодиг) 'племянник с материнской стороны', šišžem (лит. шүшзем) 'солод', šišetini (лит. шашетныи) 'шуметь, галдеть', šišž (лит. шөж) 'утка', šišžal (лит. шүшьял) 'еж', košiš (лит. кочыш) 'кошка'. В прижских говорах, в том случае, если носитель диалекта произносит не диалектную форму šoš, šiškon, šišni и т.п., а с фриккативной разновидностью второго согласного, как в литературном языке, то первое џ закономерно переходит в џ (Тепляшина 1973 : 202-203). Это явление полностью соответствует и

нашим рассматриваемым говорам. Переход начального \check{c} встречается во многих диалектах коми языка (Лыткин 1957 : II6-II9), также в некоторых говорах удмуртского языка (Кельмаков 1969: 226-228; Насибуллин 1973 : 63-64). Судя по приводимым примерам финского ученого Тойвонена (Toivonen 1928), указанный переход в прикильмезских говорах не зафиксирован.

Аффриката \check{z} . По артикуляции не отличается от литературного языка. В прикильмезских говорах вместо литературного фрикативного \check{z} выступает \check{z} : $\check{z}a\check{z}i$ (лит. жажи) 'полка', $ke\check{z}i$ (лит. кожи) 'горох', $ku\check{z}$ (лит. куж) 'кудель', $ku\check{z}im$ (лит. кужым) 'сила', $vi\check{z}$ (лит. выж) 'мост', $ko\check{z}ni$ (лит. кожны) 'свернуть в сторону, уступить дорогу'.

Аффриката \check{z} может быть заменена мягкой аффрикатой \check{z} перед шипящими \check{s} , \check{z} , где действует закон несовместимости предшествующего \check{s} . В результате \check{z} смягчается под диссимилятивным воздействием звуков \check{s} , \check{z} : $\check{z}ustini$ (лит. жуштыны) 'стонать', $\check{z}u\check{s}$ (лит. жуш) 'брюхо', $ke\check{z}\check{z}o\check{z}$ (лит. котжок) 'обща, недовольство'. Данное явление свойственно и закамским говорам удмуртского языка (Насибуллин 1973 : 64-65).

Аффриката \check{c} . По произношению не отличается от литературного языка. Употребление \check{c} сохранилось от древнепермского языка почти в первоначальном виде, как и в большинстве удмуртских диалектов. В языке бесермян он произносится с наличием небольшого взрывного элемента, поэтому сближается с свистящим \check{s} (Тепляшина 1970 : I44-I45). Такое явление в изучаемых говорах отсутствует. Употребление позиционно не ограничено. В определенной группе слов и при склонении лично-определятельных местоимений множественного числа в рассматриваемых говорах вместо литературного целевого \check{s} употребляется \check{c} : $dac\check{c}ini$ (лит. дасяськыны) 'готовиться, приготовиться', $ma\check{c}kon\ kil$ (лит. малыськон кыл) 'загадка', $as\check{c}eos$ (лит. асымеос) 'мы сами', $a\check{c}teos$ (лит. асытаос) 'вы сами', $as\check{c}swos$ (лит. асысьвос) 'они сами'. В отличие от литературного языка в говорах бесейна реки Кильмезь сохранялась тенденция к упрощению глагольных форм. В этих формах, т.е. в суффиксах возвратных глаголов и глаголов настоящего времени изъявительного наклонения в сочетаниях с согласной основой на \check{d} , \check{t} имеем мягкую аффрикату \check{c} : $kuc\check{c}ini$ (лит. кутскыны, кутйськыны) 'начать, начинать', $d\check{c}es\check{c}kiny$ (лит. дышетскыны, дышетйськыны) 'учиться', $se\check{c}ke$ (лит. шодске, шодйське) 'чувствуется', $to\check{c}ko$ (лит. тодйсько) 'знаю'. Но однако

следует отметить, что четкой закономерности, строгой обусловленности подмены diš, tiš аффрикатой š не существует.

Как и во всех говорах удумутского языка под влиянием глухой аффрикаты š впереди стоящий зубной взрывной t уподобляется и в результате этого получаются удвоенные аффрикаты: taccī (лит. татчи) 'сида', buršcin (лит. буртчин) 'шелк', peršciliñi (лит. пертчлыны) 'развязывать', šecšini (лит. тэтчны) 'прыгнуть'. В последнем уподоблении подвергается и первый согласный. Подобное явление аффрикатизации распространяется и на русские заимствования: loššik 'летчик', puššecšik 'пулеметчик', что является весьма обычным явлением.

А ф ф р ж к а т а ž. В отличие от литературного языка ž встречается во всех позициях слова, заменяя при этом фрикативный согласный ž: žazeg (лит. žазег) 'гусь', kižru (лит. кызьру) 'береза', sižil (лит. сийыл) 'осень, осенью, беріž (лит. беризь) 'липа', luž (лит. лузь) 'овод'. В говорах фонема ž сохранилась в окончании предельного падежа - ož в деепричастиях на - ož: а) kulitož (лит. культозь) 'до смерти', aresož (лит. аресозь) 'до года', žitož (лит. житозь) 'до вечера', б) kiržatož (лит. кырзатозь) 'процессе пения', veratož (лит. вератозь) 'в процессе рассказа'.

Таким образом, в качестве особенностей употребления аффрикат в прикильмезских говорах нужно отметить:

1) употребление аффрикат ž, š, ž середины и конца слова вместо фрикативных ž, s, ž литературного языка;

2) замена целевого š смычно-целевой аффрикатой š: daškini (лит. дасяськыны) 'готовиться, приготовиться', ašmeos (лит. асьеос) 'мы сами';

3) употребление š вместо глагольных суффиксов, если основа глагола оканчивается на št: voškini (лит. воштиськыны) 'измениться';

4) употребление š в глагольных суффиксах, если основа глагола оканчивается на d, t: toško (лит. тодисько) 'знаю', džšeski (лит. дышетски, дышетськи) 'учился';

5) переход твердых аффрикат š, ž в определенных фонетических условиях в мягкие аффрикаты š, ž: cuž (лит. чуж) 'желтый', juš (лит. жуш) 'брюхо'.

Л и т е р а т у р а

- Б у ш м а к и н С.К. 1971, Средневосточные говоры удмуртского языка. КД, Москва.
- В л а д ы к и н В.Е. 1969, Очерки этнической и социально-экономической истории удмуртов. АКД, Москва, 8, 10.
- Г р а м м а т и к а с о в р е м е н н о г о у д м у р т с к о г о я з ы к а . Ф о н е т и к а и м о р ф о л о г и я , И ж е в с к , 1962.
- К е л ь м а к о в В.К. 1969, Кукморский диалект удмуртского языка. КД, Москва.
- Л ы т к и н В.И. 1957, Историческая грамматика коми языка I, Сыктывкар.
- Н а с и б у л л и н Р.Ш. 1973, Закамские говоры удмуртского языка. КД, Москва.
- Т е п л я ш и н а Т.И. 1970, Язык бесермян, Москва, 144-145.
- Т е п л я ш и н а Т.И. 1973, Заметка по верхнеижским говорам. - Вопросы удмуртского языкознания 2, Ижевск, 202-203.
- Т а г а к а н о в , I. 1963, Udmurdi keele uvaa-vavoži murrakute rühma häälikuline koostis ja mõned foneetilismorfoloogilised erijooned. - ESA 9, 188-199.
- Т о и в о н е н , Y.H. 1928, Zur Geschichte der finnisch-ugrischen inlautenden Affrikaten, Helsingfors (FUF XIX).
- U o t i l a , T.E. 1933, Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen, Helsingfors (MSFOu LXV).
- W i s h m a n n , Y. 1911, Zur Geschichte der finnisch-ugrischen anlautenden Affrikaten nebst einem Exkurs über die finnisch-ugrischen anlautenden klusile. - FUF XI.

B. Z a g u l j a e v a
(Tartu)

BESONDERHEITEN DES GEBRAUCHS DER AFFRIKATEN IN DEN
MUNDARTEN DES UDMURTISCHEN IM BASSIN DES FLUSSES KILMES

Z u s a m m e n f a s s u n g

Der vorliegende Artikel ist ein Versuch festzustellen, welche Besonderheiten es gibt im Gebrauch der Affrikaten in den Mundarten des Udmurtischen im Bassin des Flusses Kilmes. Zu solchen Besonderheiten gehören: der Gebrauch der Affrikaten $\underset{\cdot}{\text{č}}, \underset{\cdot}{\text{č}}, \underset{\cdot}{\text{č}}$ statt der Frikativlaute $\underset{\cdot}{\text{č}}, \underset{\cdot}{\text{č}}, \underset{\cdot}{\text{č}}$ der Schriftsprache; der Übergang der starken Affrikaten $\underset{\cdot}{\text{č}}$ und unter bestimmten phonetischen Bedingungen in palatale Affrikaten $\underset{\cdot}{\text{č}}, \underset{\cdot}{\text{č}}$: $\underset{\cdot}{\text{č}}\text{u}\underset{\cdot}{\text{č}}$. ЛИТ. $\underset{\cdot}{\text{č}}\text{u}\underset{\cdot}{\text{č}}$ 'gelb', $\underset{\cdot}{\text{č}}\text{u}\underset{\cdot}{\text{č}}$, ЛИТ. $\underset{\cdot}{\text{č}}\text{u}\underset{\cdot}{\text{č}}$ 'der Magen'; der Wechsel der Infinitivsuffixe durch starke Affrikaten, wenn der Stamm des Verbs auf $\underset{\cdot}{\text{č}}\text{t}$ endet: $\underset{\cdot}{\text{č}}\text{u}\underset{\cdot}{\text{č}}\text{ki}\underset{\cdot}{\text{č}}$, ЛИТ. $\underset{\cdot}{\text{č}}\text{u}\underset{\cdot}{\text{č}}\text{ki}\underset{\cdot}{\text{č}}$ 'sich (ver)ändern'; der Wechsel der Infinitivsuffixe durch palatale Affrikaten, wenn der Stamm des Verbs auf $\underset{\cdot}{\text{č}}, \underset{\cdot}{\text{č}}$ endet: $\underset{\cdot}{\text{č}}\text{u}\underset{\cdot}{\text{č}}$, ЛИТ. $\underset{\cdot}{\text{č}}\text{u}\underset{\cdot}{\text{č}}$ 'Wisse', $\underset{\cdot}{\text{č}}\text{u}\underset{\cdot}{\text{č}}$, ЛИТ. $\underset{\cdot}{\text{č}}\text{u}\underset{\cdot}{\text{č}}$, $\underset{\cdot}{\text{č}}\text{u}\underset{\cdot}{\text{č}}$ 'lernt'; der Wechsel von $\underset{\cdot}{\text{č}}$ durch $\underset{\cdot}{\text{č}}$: $\underset{\cdot}{\text{č}}\text{u}\underset{\cdot}{\text{č}}$, ЛИТ. $\underset{\cdot}{\text{č}}\text{u}\underset{\cdot}{\text{č}}$ 'besprengen', $\underset{\cdot}{\text{č}}\text{u}\underset{\cdot}{\text{č}}$, ЛИТ. $\underset{\cdot}{\text{č}}\text{u}\underset{\cdot}{\text{č}}$ 'wir selbst'.

A KÁRPÁTONTULI MAGYAR NYELVJÁRÁSOK FRAZEOLÓGIAI
EGYSÉGEINEK TÍPUSAI

Akárcsak a szavak, a frazeológiai kapcsolatok is vidékenként eltéréseket, különbségeket mutatnak. Ezek a frazeológiai kapcsolatok tájnyelvi jellegűek még mindig, sajátos jelentéstartalommal és alak-, szerkezeti változatokkal, egyúttal sajátos színt is képviselnek.

A frazeológiai egységek használata terén is érvényesül az a tény, hogy az irodalmi nyelv bármelyik nyelvjárásból képes és hajlandó átvenni tájnyelvi frazeológiai kapcsolatokat, gazdagítva általuk saját kifejezési lehetőségeit.

Napjaink magyar nyelvének frazeológiai kapcsolatai javarészt tájnyelvi eredetűek, néha az írók, költők tudatos közvetítésével kerültek be az irodalmi nyelvbe, közismert stilisztikai értékeik miatt. Legyenek bár az ilyen frazeológiai egységek világos vagy homályos indítékúak, határozottan kiviláglik tájnyelvi eredetük, ezek más-más időben, különböző tájegységekből kerültek át a köznyelvbe, pl.: halászat, vadászat: lépre csal; törbe ejt; halászik a zavarosban; állattenyésztés: kirúg a hámból; összerúgják a patkót; mezőgazdaság: nincs rendben a szénája; üres szalmát csépel; népi szokások: elveti a sulykot; nem teszi az ablakába, stb. (D. S z a b ó, A mai magyar nyelv I, Budapest 1958 (kézirat) 124. l.).

Nemcsak nyelvjárási frazeológiai egységek kerültek át a köznyelvbe, az ellenkező irányú mozgásra is sok példát idézhetünk. Gyakran hallani a falvakban a nyelvjárás jellegzetes hangszínezésével ejtett irodalmi, sőt néha argószerű kifejezéseket, pl.: olajra lipett 'eltűnt, meglépett'; elhúzta a csíkot id. stb.

Ismeretesek a tájszavak nyelvészeti, nyelvtörténeti, illetve kultúrtörténeti értékei; a tájnyelvi eredetű fra-

zeológiai kapcsolatok éppolyan értékeket képviselnek, sőt még többet is, mivel közülük egyesek nemcsak ősrégi eredetű jelentéstani, hanem mondatszerkezeti egységek is.

Talán finnugor eredetűek is!

Bizonytalan, de azért meglepő eredményre jutunk, hogyha, figyelembe véve a tájnyelvi frazeológiai kapcsolatok jelentéstani, alaktani és kultúrtörténeti sajátosságait, összevetéseket eszközölünk. Csak néhány példát: Úgy szalad, hogy a lába sem éri a földet. Ennek a frazeológiai egységnek a következő finn-ugor nyelvi változatai ismeretesek, pl. finn: Menemään niin että jalat maata eivät koskettaneet; észt: Jookseb nii, et jalad ei puutu vastu maad; vót: johnzob ní, etti jalgad mále evát pútu. (X. Р я т - с е п , Об историческом исследовании фразеологии прибалтийско-финских языков. - Вопросы финно-угорского языкознания, Москва, 1962, 103. 1.) Továbbá megvan még a mari, mordvin és udmurt nyelvekben is.

Ismeretesek még a következő magyar tájnyelvi eredetű frazeológiai egységek finnugor megfelelői: foggal, körömmel kapaszkodik; nincs mit a szájába tenni 'nincs mit enni'; szívét (lelkét) rágja 'kínoz'; észben tartani 'emlékezni, megjegyezni' stb. (И. В. З и к а н ь , К вопросу о происхождении фразеологических оборотов в современном венгерском языке. - Материали XXI наукової конференції Ужгородського державного університету, Київ 1967, IIб. 1.)

Érdekes megemlíteni, hogy ezek a frazeológiai egységek nincsenek meg a feltételezett átadó: szláv, germán, latin, török nyelvekben.

A kárpátontúli magyar nyelvjárások peremnyelvjárás típushoz tartoznak, s az ilyenekben rendszerint igen sok a régies szó- és kifejezésváltozat. A lakosság egy része, noha modern keretek között, úzi még az ún. ősfoglalkozásokat: halászatot, vadászatot, állattenyésztést, földművelést stb. Jobban reagálnak ennek következtében az időjárás viszontagságaira: az emberi kapcsolatok a falusi embernél érzelmileg telítettebbek stb. Sok olyan frazeológiai egységet használnak, amely az irodalmi és a köznyelvből hiányzik, tehát csak nyelvjárás szinten használatos, ismeretes. Továbbá igen sokféle, a közbyelvtől eltérő, szöveg- és jelentésvariánst találunk ezen a nyelvjárássterületen.

És mégis a kárpátontúli magyar nyelvjárások frazeológiai egységeit elsősorban két fő csoportra osztjuk: magyar és idegen eredetűekre, mivel a területen főképpen ukránok, kisebb számban románok, szlovákok, németek és cigányok laknak, akik természetesen nyelvileg is hatottak a kárpátontúli magyar nyelvjárásokra, és így a nyelvjárási frazeológiára is.

I. A magyar eredetű nyelvjárási frazeológiai egységek:

1. Elsősorban ide tartoznak azok a nagyszámú nyelvjárási frazeologizmusok, amelyek szöveg és jelentés tekintetében csak a kárpátontúli nyelvjárásokban ismeretesek. A legjobban akkor nyilvánulnak meg jellegzetességeik, hogyha a következő fogalomkörök szerint csoportosítjuk őket:

a) A falu mindennapi életével, a munkával kapcsolatos frazeologizmusok. Pl.: üllőüre ver 'kaszát élesít, munkára készül' (Rivne); element a medvetáncot nézni 'munka helyett butasággal tölti az idejét' (Perehresztya); költ, mint a hangya 'sokat költ, pl. hogyha a liba minden tojását kikölti' (Tiszjanka) stb.

b) Emberi tulajdonságok, főképp a fogytékosságok sajtós frazeológiai egységei. Pl.: körömhegyen jár, mint a Dókus csirkéje 'büszkén, kényeskedve jár' (M. Dobrony); hamar megbűdösödnek 'nem sokáig fognak békében élni' (Csomonyin); van esze, mint Szernyén Póutyóknak 'nem sok esze van' (Barkaszovo) stb.

c) Az időjárással kapcsolatos megfigyelések. Pl.: Lapistóqurul borul, esső lesz 'hamarosan eső lesz' (V. Dobrony); szőjke fejjeg (fehér felleg) jeget jelent 'jégeső lesz' (Sztrumkivka); vika esső, köből sár (mondják ősszel, amikor nagy a sár) (Tiszjanka) stb.

d) Különböző hiedelmekkel, babonás szokásokkal, kapcsolatos frazeológiai egységek. Pl.: ülj, mint a torna (szokták mondani a tyúknak, mikor kotlani teszik) (Petrovo); elesett a fűsüm (leesett a fűsüm), vendíg jön (mondják, amikor leesik a fűsü) (Javorovo); tojással álmodtam, beteg leszek (álomfejtéssel kapcsolatos hiedelem) (Perehresztya) stb.

e) A falusi ember gyakran kinyilvánítja érzelmeit szitkozódások, átkok, fenyegetések formájában (mind gyakrabban tréfás színezettel). Ezek közt is sok a frazeológiai

egység. Pl.: vigyén a vihar! (mondják, mikor valaki mindenáron el akar menni) (Popovo); vakuljon meg a szem, amék mindent meglát 'ne érdekeljen a más ügye' (Csomonyin); vigyetek oda, hadd ölöm meg (erőtlen ember tréfas fenyegetőzése) (Szalóka) stb.

f) Nyelvjárásiak továbbá azok a frazeológiai kapcsolatok, amelyek helyi természeti katasztrófával, történelmi eseménnyel, vagy helyi ismert személy- és földrajzi névvel kapcsolatban használatosak. Pl.: örül, mint a hetyeniek az árvíznek (Popovo); elment, mint Engli turojér (táróért) 'elment és nem jött vissza soha' (Szolotvino); Dobronyban hüppen az alma (gunyolódó mondás, mert a dobronyiak a "lepottyan, leesik" szavak helyett a hüppen tájszót használják).

g) Falun általában szívesek az emberek, szeretnek utbaigazítani, kioktatni másokat, főképpen fiatalokat, gyakran ez is frazeológiai egység formájában történik. Pl.: a csúf jánynak minden tükör rossz 'kár próbálkozni valamivel, ha az ügysem fog sikerülni' (Szalóka); más kezével csak tüzet jó kaparni 'legjobb, ha magunk végzük el a munkát' (Viskovo) stb.

2. A kárpátontúli magyar nyelvjáráásokban mind a köznyelvi, mind a nyelvjárási frazeologizmusok szövege, alakja különbözőképpen módosulhat, variálódhat.

a) A köznyelvi frazeologizmusok szövege gyakran fokozatokban módosul, de jelentése nem változik. Pl.: nem ettlünk egy tálból cseresznyét 'nem vagyunk egyformák, semmi közünk egymáshoz'. A szólás szövegében egy szó felcserélésével egy újabb, de már nyelvjárási variáns keletkezik, pl.: nem ettlünk egy tálból kását id. Tovább, más helyen már egy egész szószerkezet variálódik, pl.: nem ettlünk egy fazékból darát id. (Rivne) stb.

b) Ismeretes, hogy egyazon frazeológiai kapcsolat szövege bizonyos mértékig nyelviileg fokozatokban variálódhat, jelentése ebben az esetben nem változik (V. V o i g t , A szólások változatainak szintjei. - Magyar Nyelvőr 95 1, Budapest 1971, 30. l.). Pl.: úgy néz rám, mint a kutyajára 'barátságtalanul néz valakire'; avval a szemével néz rá, amékkal a kutyajára id.: kutyás (görbe) szemmel néz rá id.; kutyául néz rá id. (Uzlovoje) stb.

c) Megtörténik, hogy két köznyelvi frazeológiai kapcsolat kontaminálódik, aminek következménye, eredménye már nyelvjárási jelenség. Pl.: nincs emberi ábrázata 'eltorzult az arca + nincs bor a képén 'arcátlan' = nincs emberi ábrázat a képén 'eltorzult az arca' (Rakosino); nem is álmodott róla + nem is gondolt rá = nem is álmodott rá (Szolotvino) stb.

3. A nyelvjárási frazeologizmusoknak nem csupán szövege, hanem a szövegek jelentése is módosulhat, némely esetben a jelentés és a szöveg is variálódik.

a) A szóláshasonlatok szövege gyakran szerkezetileg azonos felépítésű és azonos jelentésű is. Pl.: részeg, mint az ágyú, részeg, mint a disznó, jelentésükben is módosulnak, pl.: iszik, mint a csap > részeg, mint a csap; buta, mint a tök > részeg, mint a tök; buta, mint az ökör > részeg, mint az ökör stb. Természetesen az utóbbiak már nyelvjárási szóláshasonlatoknak minősülnek.

b) Sok esetben, ha a szöveg is variálódik, a jelentés is ennek megfelelően módosul. Pl.: vika esső, köből sár (összel mondják, amikor nagy a sár); köből esső, vika sár (nyáron mondják, mikor kevés a sár) (Tiszjanka) stb.

c) Egyes köznyelvi frazeologizmusok jelentése a nyelvjárásban módosul. Pl.: üres szalmát csépel (köznyelvi jelentése: 'feleslegesen sokat beszél; tájnyelvi jelentése pedig: 'hamisan beszél') (Holmok) stb.

d) Megtörténik, hogy két köznyelvi frazeológiai kapcsolat kontaminálódik és ennek következtében új jelentésvariánsok keletkeznek a nyelvjárásban. Pl.: fő a feje 'nagy gondban van' + nem fáj többé a feje 'meghalt' = nem fő többé a feje 1. 'meghalt'. 2. 'elvégezte a munkáját'. 3. 'levizgázott valamiből'. 4. 'adósságát megadta' (Rivne) stb.

e) Egyes frazeológiai egységek bizonyos helyzetekben használatosak és így sajátos szituacionális jelentésvariánsok keletkeznek. Pl.: 1. ülj, mint a torma (babonás mondóka; a tyúknak mondják, mikor kotlani teszük. 2. mondják a gyerekeknek is "Ülj csendesen" jelentésben. 3. a legények is mondják tréfásan "ne rendetlenkedjék" értelemben (Petrovo) stb.

f) A legtöbb frazeologizmusnak ideológikusabb, általánosabb értelmi mondanivalója van. Ezek általános értel-

me bizonyos szituációk közepette módosulhat a nyelvjárásban is. P.: muszáj az árokban megdöglött 1. 'amit képtelenség megtenni, arra hiába is kényszerítik az embert'. 2. 'nem tűrünk kényszert!' 3. 'nem jó az, amire kényszeríteni kell' (Perehresztya) stb.

II. Az idegen eredetű nyelvjárási frazeológiai egységek száma sokkal kevesebb, mint a magyar eredetűeké, és nem mutatnak annyi variánstípust sem a kárpátontúli magyar nyelvjárásokban. Sőt még területileg is leszűkül a használatuk, csak ott fordulnak elő, ahol a szorosabb nyelvi érintkezések feltételei megvannak a magyarok és az ukránok, románok, németek, szlovákok, cigányok között. Többnyire akkor használatosak, ha ezekről a nemzetiségekről van szó.

1. A legtöbb idegen eredetű frazeologizmust le sem fordítják, esetleg egy kissé magyarosan ejtik.

a) Pl.: nye krics, nye voláj 'ne rendetlenkedj' < szlovák: nie krič, nie voláj 'ne ordíts, ne könyörögj' (Ratovci) stb.

b) zo is da líben 'ilyen az élet' < német: so ist das Leben id. (Davidkovo) stb.

c) dobri vecser, lyudi dobri! 'jó estét jó emberek!' < ukrán: добрий вечір, люди добрі id. (Verbovec) stb.

d) dutyé lá dráku 'menj a pokolba!' < román: dute la dracu! (Szolotvino) stb.

e) náné lové, náne masz 'nincs pénz, nincs hús' cigány eredetű stb.

2. A legszínesebb idegen eredetű frazeologizmusok a kárpátontúli magyar nyelvjárásokban azok, amelyek "fele ná fele" használatosak, vagyis csak félig fordítottak magyarra. esetleg idegen szóval variálódott a magyar szöveg, pl.:

a) sírva pujdes domu 'sírva mégy haza; dáj bozse szeniepcse 'adj isten szerencsét; keres tá nájdes 'ha keresel, találsz' (ezek ukrán szavakkal variálódtak (Ratovci)) stb.

b) tum, vi ti talpa 'buta, mint a talpa' < német dumm, wie die... (Davidkovo) stb.

c) nézd csak odajt 'nézd csak azt' (cigány szóval); néha: dik odaj id.

d) sárika nem dolgozik 'nem tud gondolkodni' (mert részeg)' < orosz шарики не работают 'a kerekek nem dolgoznak' (népi etimológia) (Salamon) stb.

e) csincs pe dovozecsit kapott 'huszonöt lotot kapott'
< román: cinci pe douzeci 'huszonöt' (Szolotvino) stb.

3. Vannak olyan idegen eredetű frazeologizmusok is a magyar nyelvjárásokban, amelyeket teljesen lefordítottak magyar nyelvre, pl.:

a) egy szekér éve nem láttalak 'nagyon régen nem láttalak' < román: un car de ani n' am văzut pe tine id. (Szolotvino) stb.

b) itt van a kutyas elboronálva 'itt van a hiba' < német: hier ist der Hund begraben id. (Vilok) stb.

Osszegezősképpen csak annyit, hogy a fentiek csupán valamelyes deskriptív bemutatását adhatták a kárpátontúli magyar nyelvjárás frazeologizmusok típusainak. Egy nagyobb konkrét anyagon kellene megfigyelni, megvizsgálni, hogy itt a szinkron leírásban rögzített típusok, hogyan bonthatók történeti, etnikai összetevőkre. És így behatóbb, világosabb képet kapnánk nemcsak a kárpátontúli magyar nyelvjárások frazeologizmusainak típusairól, hanem nyelvtörténeti és kultúrtörténeti vonatkozásairól is.

И. З и к а н ь
(Ужгород)

ТИПЫ ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ВЕНГЕРСКИХ
ГОВОРАХ ЗАКАРПАТЬЯ

Р е з ю м е

В венгерских говорах Закарпатья различаются два основных типа диалектов фразеологизмов, отличающихся от литературных по происхождению, по значению и по форме: и с к о н н ы е и з а и м с т в о в а н н ы е.

I. К первой группе (исконным диалектным фразеологизмам) относятся следующие типы: 1. Подлинно диалектные фразеологизмы, которые не известны в литературном языке, напр.: elment, mint Engli turcért 'ушел и не вернулся' (досл.: 'пошел, как Энгли за творогом'). 2 Диалектные фразеологизмы, которые отличаются от литературных по своей форме, напр.: nem ettünk egy fazékból darát 'мы не одинаковы' (досл.: 'мы не ели из одной кастрюли кашу'). Литературный вариант этого фразеологизма: nem ettünk egy tálból cseresznyét то же (досл.: 'мы не ели из одной миски черешню'). 3. Диалектные фразеологизмы, которые отличаются от литературных своим значением, напр.: üres szalmát csépel 'хитро говорит' (досл.: 'пустую солому молотит'). Литературное значение этого фразеологизма: 'бессмысленно много говорить'.

II. Меньшую часть диалектных фразеологизмов составляют заимствованные фразеологизмы, которые имеют только региональное употребление. Среди них различаются следующие типы: 1. Фразеологизмы, употребляющие без перевода, например: nye krics, nye voláj 'веди себя прилично' словацкий: nie kric, nie volaj (досл.: 'не кричи, не взывай'). 2. Фразеологизмы, употребляющиеся в частичном переводе (смешивающие укр. и венг. слова), напр.: sírva pujdes do domu 'плача пойдешь домой'. 3. Фразеологизмы, употребляющие в полном переводе, например: egy szeker éve nem láttalak 'давно не видел тебя' (досл.: 'целый воз лет не видел тебя') румынский un car de ani năm văzut pe tine.

TYPEN DER DIALEKTPHRASEOLOGISMEN IN DEN UNGARISCHEN
MUNDARTEN VON TRANSKARPATIEN

Z u s a m m e n f a s s u n g

In den ungarischen Mundarten von Transkarpatien teilen sich die Dialektphraseologismen in zwei Grundtypen, die sich ihren Herkunft, Bedeutung und Form nach von der Literaturphraseologismen unterscheiden. Es gibt also eigensprachige und entlehnte Dialektphraseologismen.

I. Zur ersten Gruppe, d.h. zu den eigensprachigen Dialektphraseologismen gehören folgende Typen: 1. Echte Dialektphraseologismen, die in der Literatursprache nicht bekannt sind, z. B. Element, mint Engli turóért 'Er ist weggegangen und nie wiedergekommen' [wörtl. 'Er ist weggegangen, wie Engli für Weißkäse']. 2. Dialektphraseologismen, die sich ihrer Form nach von den Literaturphraseologismen unterscheiden, z. B. Nem ettünk egy fazékból darát 'Wir sind nicht gleichrangig' [wörtl. 'Wir haben aus einen Topf Brei nicht gegessen']. Die Literaturvariante dieses Phraseologismus ist: Nem ettünk egy tálból cseresznyét id. [wörtl. 'Wir haben aus einer Schüssel Kirschen nicht gegessen'] u. a. 3. Dialektphraseologismen, die sich ihrer Bedeutung nach von der Literaturphraseologismen unterscheiden, z. B. Üres szalmát csépel 'Er spricht falsch'. Die literarische Bedeutung dieses Phraseologismus ist: 'Er spricht viel Überflüssiges'.

II. Ein kleinerer Teil der Dialektphraseologismen bilden Entlehnungsphraseologismen, die nur regionalen Gebrauch haben. Unter ihnen unterscheiden wir folgende Typen: 1. Phraseologismen, die man ohne Übersetzung gebraucht, z.B. Nye krics, nye voláj 'Sei nicht unordentlich' < slovak: Nie krič, nie volaj [wörtl. 'Schreie und flehe nicht'] u. a. 2. Die Phraseologismen, die teilweise übersetzt gebraucht werden [besteht aus einer ukrainisch-ungarischen Wortmischung], z. B. Sírva puđdes domu 'Weinend gehst nach

Hause' u. a. 3. Die Phraseologismen, die man in der vollen Übersetzung gebraucht, z. B. Egy szekér éve nem láttalak 'Ich habe dich lang nicht gesehen' [wörtl. 'Ein Wagnvoll von Jahren hab' ich dich nicht gesehen'] < rum. un car de ani n'am văzut pe tine id.

Н. Терещенко
(Ленинград)

К ГЕНЕЗИСУ ЛИЧНО-ПРЕДНАЗНАЧИТЕЛЬНЫХ (ДЕЗИДЕРАТИВНЫХ) ФОРМ
СЕВЕРНОСАМОДИЙСКИХ ЯЗЫКОВ

В систему словоизменения имен северносамодийских языков в отличие от языков южносамодийских помимо основных (беспритяжательных) и лично-притяжательных (посессивных) входят также лично-предназначительные (дезидеративные) формы. Как следует из самого их описательного названия, лично-предназначительные формы обозначают предназначение какого-либо предмета тому или другому лицу. Ср., напр., форму именительного (основного) падежа во всех трех склонениях.

Основное беспритяжательное склонение: нен. nān ɲāl'e t'ej jal'a' toś, эн. koddo mole čenōju toaś, нган. kəntə ɲuol'aj'' taluo tujsđo 'нарта пришла уже вчера'.

Лично-притяжательное (посессивное) склонение: нен. hā-ŋra'' (hān-βa'') māl'e t'ej jal'a' toś, эн. koddoba'' (koddo-βa'') mole čenōju toaś, нган. kəntəmu'' (kəntə-mu'') ɲuol'aj'' taluo tujsđo 'наша нарта пришла уже вчера'.

Лично-предназначительное (дезидеративное) склонение: нен. hāndāβa'' (hān-dā- a'') māl'e t'ej jal'a' toś, эн. koddodoba'' (koddo-đo-βa'') mole čenōju toaś, нган. kəntəđətu'' (kəntə-đə-tu'') ɲuol'aj'' taluo tujsđo 'нарта для нас пришла уже вчера'.

По сравнению с другими типами склонения, имеющими семь падежных форм (именительный, родительный, винительный, дательно-направительный, местно-творительный, отложительный, продольный), лично-предназначительное склонение является дефектным — в него включается только три падежа: именительный, винительный, назначительный. При этом именительный и винительный падежи передают те же отношения, что и в других склонениях, а назначительный падеж служит в первую очередь для характеристики назначения данного предмета (в широком смысле

этого слова) или лица в качестве кого-чего-либо. Напр.:

Именительный падеж: нен. tedār (te-dā-r) pod'ermy.
эн. tedor (te-do-r) podaroi. нган. tabəra (ta-də-rə)
hutuʔəʔə 'олень для тебя запряжен'.

Винительный падеж: нен. tedāmd (te-dā-md) tēmdanaš.
эн. tedod (te-do-d) tydyadós. нган. tabəmtə (ta-
də-mtə) tamtudəŋ 'оленья для себя ты купиш'.

Назначительный падеж: нен. tedāni (te-dā-ni) βeno mē'ɫ
padm', эн. tedon (te-do-n) bunek poɪnad' 'в качестве
оленья для себя держу собаку'; нган. tabənə (ta-də-nə) ba-
nə bəduʔəndum 'в качестве оленя для себя выращиваю соба-
ку'.

Перечисленные падежи отвечают на следующие основные во-
просы: именительный - 1) кто?, что?, 2) для кого (кому) пред-
назначенный?; винительный - 1) кого?, что?, 2) для кого (ко-
му) предназначенного?; назначительный - 1) в качестве кого?,
в качестве чего?, 2) для кого (кому) предназначенного?

Из приведенного выше перечня падежных форм нетрудно за-
ключить, что ни в основном, ни в лично-притяжательном скло-
нениях особого назначительного падежа не отмечается. В функ-
ции этой падежной формы в них употребляется родительный па-
деж, напр., нен. основное склонение: βeno'' paβār (или
βeno'' paβār'') 'еда для собак', mal'ca' hoba 'шкура для
малицы'; лично-притяжательное склонение: hunda βanako'' 'иг-
рушки для ее ребенка', heban tu'' 'олени для моей матери'.
Примеры употребления: jid'e'' hān suloró tara 'нарту для
/перевозки/ воды надо починить', toj' hobam mejadaβ 'я вы-
делала шкуру для одеяла', paβkan namdedo pad' hu' sāvun 'я
уложил в мешок траву (букв.: травы) для моей авки' /авка, по-
ненецки paβka - олень, вскормленный около чума/. Ср. также
нган. основное склонение: əmu'' maβu'' χəadəj ʂentuəu-
puʔu'' 'приготовьте дров для этих чумов'; лично-притяжатель-
ное склонение: desynə buɟurtə kərətendum 'вяжу сеть для
моего отца', nabunə tabəj kəmi''əm 'поймал оленей для стар-
шей сестры'.

В сходном употреблении наблюдается в определенных случаях
также именная форма падежного значения, служащая для харак-
теристики назначения какого-либо предмета. В грамматиках она
обозначается термином "назначительно-превратительная (или на-
значительная) форма" (ср. с назначительно-превратительными
падежными формами в селькупском языке) и является по своему

происхождение сочетанием имени в именительном падеже и вспомогательного глагола 'быть'. Особенно наглядно аналитическая природа этих образований отмечается в нганасанском языке (см. подробнее Терещенко 1974 : I67-I69 и пр.). Напр.: нем. t'uku hobam sãřape međ нган. ẽmtu kuhu semu iřa řakãlãtẽ 'эту икуру возьми на шапку'. Как можно видеть и из примеров, слияние вспомогательного глагола с именной основой, наблюдаемое в ненецком (а также в энецком), не произошло в нганасанском языке. В последнем рассматриваемое построение бытует в его первоначальном виде.

Способ образования показателя лично-предназначительного или дезидеративного - склонения довольно прозрачен: он складывается из суффикса, характеризующего данный тип именного словоизменения, и лично-притяжательных формантов для соответствующего падежа: в именительном - лично-притяжательных формантов именительного падежа, в винительном - винительного падежа, в назначительном - родительного падежа. Таким образом отчетливо выделяются особые показатели этого склонения: нем. -dã-, -tã-, эн. -đo- (с его фонетическими вариантами), нган. -đẽ-. (В нганасанском языке суффикс лично-предназначительного склонения -đẽ- выступает в следующих фонетических вариантах: -tẽ-, -ře-). Напр.: satãřãđẽmtu' 'песец для нас-многих' от satãřã 'песец', matẽmtu' 'чум для нас-многих' от ma' 'чум', řãndũjĩđẽmtu' 'лодка для нас-многих' от řãndũj 'лодка'). Соотношение между этими формантами вполне укладывается в рамки закономерных звуковых соответствий между разными самодийскими языками. Так, напр., нем. ã в энецком соответствует звук o, в нганасанском ẽ, нем. ä в энецком - звук đ, в нганасанском - đ. Примеры: нем. hãda, эн. kođã, нган. kãřũ (вторая основа kãđũ) 'ноготь'; нем. tu' (вторая основа tud-), эн. tu' (вторая основа tuđ-), нган. tu' (вторая основа tuđ-) 'сало'. (См. подробнее Терещенко 1976 . В связи с особенностями ненецкой фонетики в абсолютном начале слова не встречаются звонкие смычные, в том числе и звук ã).

Полная парадигма лично-предназначительных формантов для единственного числа предмета может быть представлена в следующем виде:

Падеж	Лицо	Ед. ч. лица	Дв. ч. лица	Мн. ч. лица
Ненецкий язык				
Именит.	1	<u>-dām</u> , <u>-du</u>	<u>-dāmi'</u>	<u>-dāpa''</u>
	2	<u>-dār</u>	<u>-dāfi'</u>	<u>-dāra''</u>
	3	<u>-dāda</u>	<u>-dād'i'</u>	<u>-dādo''</u>
Винит.	1	<u>-dāmi</u> , <u>-duβ</u>	<u>-dāmi'</u>	<u>-dāpa''</u>
	2	<u>-dāmd</u>	<u>-dāmd'i'</u>	<u>-dāmda''</u>
	3	<u>-dāmda</u>	<u>-dāmd'i'</u>	<u>-dāmdo''</u>
Назначит.	1	<u>-dān(i)</u>	<u>-dāfi'</u>	<u>-dāna''</u>
	2	<u>-dānd</u>	<u>-dānd'i'</u>	<u>-dānda''</u>
	3	<u>-dānda</u>	<u>-dānd'i'</u>	<u>-dāndo''</u>
Энецкий язык				
Именит.	1	<u>-dōi</u> , <u>-dōb'</u>	<u>-dōi'</u>	<u>-dōp''</u> , <u>-dōba''</u>
	2	<u>-dōr</u>	<u>-dōfi'</u>	<u>-dōra''</u>
	3	<u>-dōda</u>	<u>-dōdi'</u>	<u>-dōdu''</u>
Винит.	1	<u>-dōj</u>	<u>-dōi'</u>	<u>-dō''</u>
	2	<u>-dōd</u>	<u>-dōd'i'</u>	<u>-dōda''</u>
	3	<u>-dōda</u>	<u>-dōd'i'</u>	<u>-dōdu''</u>
Назначит.	1	<u>-dōfi</u>	<u>-dōfi'</u>	<u>-dōna''</u>
	2	<u>-dōd</u>	<u>-dōd'i'</u>	<u>-dōda''</u>
	3	<u>-dōda</u>	<u>-dōd'i'</u>	<u>-dōdu''</u>
Нганасанский язык				
Именит.	1	<u>-dēmə</u>	<u>-dēmi</u>	<u>-dēmu''</u>
	2	<u>-dērə</u>	<u>-dēfi</u>	<u>-dēru''</u>
	3	<u>-dētu</u>	<u>-dēti</u>	<u>-dētun</u>
Винит.	1	<u>-dēmə</u>	<u>-dēmi</u>	<u>-dēmu''</u>
	2	<u>-dēmtə</u>	<u>-dēmti</u>	<u>-dēmtu''</u>
	3	<u>-dēmtu</u>	<u>-dēmti</u>	<u>-dēmtun</u>
Назначит.	1	<u>-dēnə</u>	<u>-dēfi</u>	<u>-dēnu''</u>
	2	<u>-dētə</u>	<u>-dēti</u>	<u>-dēndu''</u>
	3	<u>-dētu</u>	<u>-dēti</u>	<u>-dēndun</u>

Как указывалось выше, лично-предназначительное склонение дефектно по сравнению с другими склонениями (основным и лично-притяжательным) по количеству падежей, представляя в этом отношении вполне единообразную картину во всех северносамодийских языках. Иначе обстоит дело в отношении категории числа — употребление и способ образования числовых форм рассматриваемого типа склонения в разных северносамодийских языках различны. Напр., в ненецком языке формы двойственного числа в лично-предназначительном склонении практически малоупотребительны, особенно в речи представителей младшего по-

коления, хотя и сохраняются еще прочно в памяти пожилых людей. Так, уже в послевоенные годы мною записана у носителя большеземельского говора пожилого ненца И. П. Ледкова полная парадигма этих форм, подкрепленная фразовыми примерами: -hVjudān(i), -hVjudād, -hVjudāda, -hVjudāñi', -hVjudād'i', -hVjudād'ina'', -hVjudāda'', -hVjudādo' для имен первого класса и соответственно для имен I группы второго класса -gajudān(i), -gajudād, -gajudāda, -gajudāñi', -gajudād'i', -gajudād'ina'', -gajudāda'', -gajudādo', для имен 2 группы второго класса -kajudān(i), -kajudād, -kajudāda, -kajudāñi', -kajudād'i', -kajudād'ina'', -kajudāda'', -kajudādo'.

В том же виде приведенные форманты для именительного падежа применяются в винительном падеже и с некоторыми отличиями во втором и третьем лицах - в назначительном падеже.

Характерно, что эти же таблицы суффиксов лично-предназначительного склонения зафиксированы в очерке ненецкого языка Г. Н. Прокофьева (1937) и засвидетельствованы в 30-е годы Г. Д. Вербовым (1973) у лесных ненцев. Некоторые фонетические отличия в последних объясняются звуковыми соответствиями между тундровым и лесным наречиями ненецкого языка.

Что касается множественного числа, то даже между говорами тундрового наречия ненецкого языка в этом отношении наблюдаются довольно значительные различия. В большеземельском говоре множественное число предмета лично-предназначительного склонения отличается от единственного только possessивными суффиксами, ср., напр., hāndāmi (hān-dā-mi) или hānduβ (hān-du-β) 'нарта для меня', но hāndān (hān-dā-n) 'нарты-многие для меня'; hāndār (hān-dā-r) 'нарта для тебя', но hāndād (hān-dā-d) 'нарты-многие для тебя' (hān 'нарта'). Примеры употребления: pačeky salaban' hāndāmda, tedāmda padtaγy 'мальчик нарисовал себе на льду (букв.: на лед) нарту и оленя', но pačeky' salaban' hāndādo', tedādo' padtaγy' 'ребята нарисовали себе на льду (букв.: на лед) нарты и оленей'; hahata teγa h a s a β a k o mañi hanada: "tedān, hāndān padtada'", pačeky' tedāda, hāndāda padta' 'Подойдя к товарищам, Хасавакко сказал: "Нарисуйте мне оленей и нарты." Ребята нарисовали ему оленей и нарты'.

В амальском и других восточных говорах различия между приведенными выше формами (напр., hāndāmi и hāndān) сохраняются, но не осознаются как различия в числе. Слова с

суффиксом, обозначающим по своей форме единственное число, понимаются в этих говорах двойко: 1) как формы единственного числа, 2) как формы со значением собирательности. (Собирательность, выраженная формой единственного числа, вообще типична для самодийских языков). Напр., существительное händämi трактуется и как 'нарта для меня' и как 'нарты-многие для меня'. В обоих случаях число предмета находит свое выражение только в форме глагольного сказуемого. Напр., händämi hamadaŕu 'нарта для меня приготовлена' и händämi hamadaŕu' 'нарты для меня приготовлены'. В первом предложении сказуемое hamadaŕu имеет форму 3 лица единственного числа, что указывает на единственное число подлежащего. Во втором предложении сказуемое hamadaŕu' отражает в себе форму того же лица, но уже множественного числа, свидетельствуя тем самым о множественном числе того же по форме подлежащего. В подобных построениях форма существительного скрывает за собой различные значения как единичности, так и множественности в разном числовом выражении последней (в данном случае от двух до любого логически возможного для рассматриваемой ситуации числа).

Приведенный в этом разделе материал дает, с нашей точки зрения, основание заключить, насколько широким употреблением в отдельных говорах ненецкого языка и в настоящее время пользуется категория собирательности, покрывающая собой при определенных условиях как категорию единичности, так и категорию абстрактной множественности. Что касается слов со множественным по своему значению формантом, то они отличаются в указанных говорах лишь особой акцентуацией, напр., händämi hamadaŕu 'нарта для меня приготовлена', но händän hamadaŕu 'нарта /специально для меня предназначенная/ приготовлена'.

Иное морфологическое построение рассматриваемых слов наблюдается в нганасанском языке - вслед за присоединенным к основе слова показателем лично-предназначительного склонения -ŕ-, -tə-, -ŕe- следует показатель числа: в единственном числе - нулевой формант, в двойственном числе - суффикс -ŕej-, -kəj-, во множественном числе - перегласовка (или иными словами, повышение) гласного в показателе склонения -di-, -ti-, -ŕi-. Последним стоит лично-притяжательный суффикс. Примеры: kəntəŕətu (kəntə-ŕ-tu) 'нарта для него', kəntəŕəkəj-ŕi (kəntə-ŕə-kəj-ŕi) 'нарты-две для них-двоих', kəntəŕiŕuŕu

(kəntə-dī-šān) 'нарты-многие для них-многих' (kəntə 'нарта'). Таким образом в лично-предназначительном склонении нганасанского языка (в отличие от ненецкого) находят вполне отчетливое выражение формы всех трех чисел (единственного, двойственного и множественного), хотя по вполне понятным причинам формы двойственного числа в обиходной речи встречаются несколько реже, чем формы единственного и множественного чисел предмета. Примеры:

kəntəšə tu''o 'нарта для меня пришла', kəntəšəkəjife tu''ogəj 'нарты-две для меня пришли-две', kəntəšife tu''o'' 'нарты-многие для меня пришли-многие';

matəšu'' mu''əšu'' 'чум для себя мы сделали', matəšəj-nā'' mu''əšu'' 'чумы-два мы для себя сделали', matinā'' mu''əšu'' 'чумы-многие мы для себя сделали';

əmə tybyjk'aki nōobəne tuoptugujšumə 'этого мальчика считал своим сыном', əmki tubujk'akugi nōobəkəjife tuoptugujšəkəjife 'этих-двух мальчиков-двух считал своими сыновьями-двумя', əməj tubujk'akuj nōobiife tuoptugujšūife 'этих-многих мальчиков-многих считал своими сыновьями-многими'. Примеры употребления: kəntəšətu nən'd'ity məbə nanu 'нарта дл. него стоит около чума', kəntəšəkəjīci melydysy tači hu-šurtəki''əgəj 'изготовив для себя нарты-две, запрыгать-их-двоих стали они-двое', kəntəšīšān šenturyusy nantəl'i''itə'' bikā tagəd'a 'приготовив себе нарты-многие, они-многие на лодке ушли за реку'.

По сути дела лично-предназначительное склонение является разновидностью лично-притяжательного. Аналогичное мнение высказано А. Куннапом (1974). Оба склонения тесно связаны с категорией лица, характеризуя различные аспекты личной соотношенности. Не случайно поэтому, что имена в лично-притяжательной форме для родительного падежа обозначают в определенном контексте предназначение предмета тому или иному лицу. Число лиц в лично-предназначительном склонении то же, что и в лично-притяжательном — оба эти склонения имеют в каждом падеже по девять личных форм: три — для единственного числа, три — для двойственного, три — для множественного. Образование лично-предназначительного склонения относится, по-видимому, к сравнительно позднему времени и представляет собой явление, возникшее уже после распада общесамодийского языкового единства. Поэтому возможны различные более или ме-

нее убедительные предположения относительно его генезиса.

Так А. Кюннап считает, что формант дезидеративного склонения восходит к посессивному суффиксу 3 лица единственного числа (Кюннап 1974 : 34). Такое объяснение может иметь под собой известные основания, что не исключает, однако, возможности и других предположений. Так, по моему мнению, следует учитывать, что показатель дезидеративного склонения, с одной стороны, и посессивный суффикс 3 лица единственного числа, с другой, различаются в ненецком языке по своей звуковой структуре: в первом случае - ä, во втором - ä. Конечный гласный ä в форманте дезидеративного склонения является по существу соединительным гласным, что подтверждается его перегласовкой в u перед начальным β последующего суффикса, ср., напр., händämi (hän-d-ä-mi), но händuβ (hän-d-u-β) 'нарта для меня', далее hänän (hän-ä-n) 'к нарте', но hänuβna (hän-u-βna) 'по нарте' (hän 'нарта'); hardämi (har-d-ä-mi), но harduβ (har-d-u-β) 'нож для меня', далее harän (har-ä-n) 'к ножу', но haruβna (har-u-βna) 'по ножу' (har 'нож'). Помимо того вызывает некоторое сомнение целесообразность сочетания в одном и том же слове одного и того же форманта в разном значении: в первый раз как показателя типа склонения, во второй - как собственно посессивного форманта, напр., händäda 'нарта для него', hardäda 'нож для него'.

Все же приведенное толкование может оказаться вполне вероятным, если принять за основу не суффикс ä, а суффикс a. В ненецком языке широко распространены образования с суффиксальной морфемой -ä, -t, употребляемой в значении 'для кого-чего-либо, на что-либо', напр., tufi patäd 'чехол для ружья' (pat 'чехол'), ponga' putäd 'тетива для невода' (puä 'тетива'), mai'ca' hobad 'шкура на малицу' (hobä 'шкура'), bandako' hurkod 'веревка для вандако' [вандако, по-ненецки bandako - нарта, груженная мягкими вещами, одеждой, продуктами] (hurko 'веревка'). Примеры употребления: tufi patäd šerta tara 'надо сделать чехол для ружья', šekan šed teš-
ra' 'они привезли жену для моего старшего брата', šun šend
hodm' 'я нашел собаку для своего сына', šeb'an ted pod'er-
nadm' 'я запряг оленей для своей матери'.

При помощи словообразовательного суффикса подчеркивается, что оформляемое им слово обозначает предмет, который делается, готовится впервые или вновь. В этом отношении показательным является сопоставление, напр., следующих предложе-

ний: ḥabakoda ḥe parakonda ḥanaku hamadaḡu 'старшая сестра приготовила для сестренки игрушки /игрушки уже были/', ḥabakoda ḥe parakonda ḥanakod hamadaḡu 'то же /до этого игрушек не было/', ḥabakoda ḥe parakonda ḥanakodamda hamadaḡu 'то же /букв.: игрушки для нее/'. В первом предложении существительное ḥanako 'игрушка' имеет форму винительного падежа множественного числа основного склонения, во втором — то же слово оформлено словообразовательным суффиксом -d, -t, в третьем — получает форму 3 лица единственного числа лично-предназначительного склонения для винительного падежа. Ср. и предложения: ḡarḡan ḡamdedo pad' ḡu' sāḡun 'я уложил в мешок траву (букв.: травы) для моей авки /травы была уже приготовлена заранее/', ḡarḡan ḡamdet pad' ḡu' sāḡadm' 'я уложил в мешок траву для моей авки /травы предварительно не была подготовлена/', ḡarḡan ḡamdetamda pad' ḡu' sāḡadm' 'то же /букв.: траву для нее/'. Как и в предыдущих предложениях, слово ḡamde 'травы' в первом случае имеет форму винительного падежа множественного числа основного склонения, во втором снабжено словообразовательным суффиксом -d, -t, в третьем стоит в 3 лице единственного числа лично-предназначительного склонения для винительного падежа.

И по своему значению и по звуковому составу рассматриваемая суффиксальная морфема -d, -t вполне идентична форманту, служащему для характеристики лично-предназначительного склонения (краткий гласный звук ä последней является, как уже указывалось, соединительным гласным).

Вполне аналогичное положение отмечается и в нганасанском языке. Употребляемая в качестве показателя лично-предназначительного склонения суффиксальная морфема -ḡḡ-, -tḡ-, -ḡe- также выступает в числе словообразовательных формантов, обозначая для кого-чего-либо, на что-либо предмет предназначается, напр., ḡunḡḡ 'для веревки' (ḡunu 'веревка'), ḡotḡḡ 'для ружейного чехла' (ḡotḡḡ 'ружейный чехол'), ḡelḡḡ 'на пару' (ḡelḡḡ 'половина'), ḡadaḡḡḡḡ 'на подарок' (ḡadaḡḡḡḡ 'подарок'). Примеры употребления: ḡanḡ ḡunḡḡ ḡonur ḡarḡ'ḡm 'для поводка моей собаки я привязал цепь', ḡotḡḡḡḡ ḡuba''kḡ b'efi''ḡandun 'ты режешь кожу для ружейного чехла', ḡānsa ḡelḡḡ ḡaḡ ḡota''a kḡntḡnḡ ḡeḡḡḡḡ 'у аркана он обрезал конец на веревку для увязывания моей нарты'.

Характер личного предназначения придает данному нганасанскому форманту лично-притяжательные суффиксы для соответст-

вущего лица, числа и падежа, напр., именительный падеж: ta-δəʒ (ta-δə-ʒ) 'олень для меня', taδərʒ (ta-δə-rʒ) 'олень для тебя', taδətu (ta-δə-tu) 'олень для него'; винительный падеж: taδəʒʒ (ta-δə-ʒʒ) 'оленья для меня', taδəmtʒ (ta-δə-m-tʒ) 'оленья для тебя', taδəmtu (ta-δə-m-tu) 'оленья для него'; назначительный падеж: taδənʒ (ta-δə-nʒ) 'в качестве оленя для меня', taδətʒ (ta-δə-tʒ) 'в качестве оленя для тебя', taδətu (ta-δə-tu) 'в качестве оленя для него'.

То же, естественно, относится и к формам для двойственного и множественного чисел предмета.

Представляется вероятным, что изложенный выше материал дает известные основания предполагать, что показатель лично-предназначительного склонения северносамодийских языков восходит в своем генезисе к словообразовательному форманту, обозначающему предназначение какого-либо предмета и широко употребляющемуся в речи вне сочетания с лично-притяжательными суффиксами.

С о к р а щ е н и я

нган. - нганасанский язык; нен. - ненецкий язык; эн. - энецкий язык.

Л и т е р а т у р а

- В е р б о в Г. Д. 1973, Диалект лесных ненцев. - Самодийский сборник. Сборник научных трудов, Новосибирск, 3-190.
- К ю н и а п А. Ю. 1974, Склонение и спряжение в самодийских языках. (Сравнительно-исторический анализ первичных словоизменительных суффиксов). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Тарту (рукоп.).
- П р о к о ф ь е в Г. Н. 1937, Ненецкий (ирако-самоедский) язык. - Языки и письменность народов Севера I, Москва-Ленинград, 5-52.
- Т е р е щ е н к о Н. М. 1974, Склонение в самодийских языках. - Склонение в палеоазиатских и самодийских языках, Ленинград, 33-50.
- 1976, Обоснования искомого родства языков самодийской группы. - Языки и топонимия I, Томск, 64-75.

N. T e r e š č e n k o
(Leningrad)

POHJOISSAMOJEDILAISTEN DESIDERATIIVIMUOTOJEN ALKUPERÄSTÄ

T i i v i s t e l m ä

Kirjoituksessa käsitellään verbin ns. desideratiivimuotojen tunnuksia ja alkuperää samejedilaisissa kielissä. Desideratiivinen kenjugaatio on kirjoittajan mukaan muodostunut vasta kantasamojedia myöhemmässä vaiheessa.

Kirjoittaja tarjoaa oletuksen, jonka mukaan tämän kenjugaation tunnus olisi saatu yksikön 3. persoonan possessiivisuffiksieta.

Д. Цыганкин
(Саранск)

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ
И ЕЕ ФОРМЫ В ДИАЛЕКТАХ ЭРЗЯ-МОРДОВСКОГО ЯЗЫКА

В диалектах, как и в литературном языке, категория определенности и неопределенности представляют собой сложную систему параллельно взаимодействующих именных форм, образующих привативные оппозиции (противопоставления). В данной оппозиции один из членов характеризуется наличием, а другой — отсутствием маркированности. Такие отношения связывают, например, мода — модас', кудо — кудосон'т'. Члены оппозиции модас', кудосон'т' являются маркированными, они содержат более конкретное и вместе с тем более детализированное значение, чем немаркированные члены мода 'земля', кудосо 'в доме'. При помощи различных грамматических средств, используемых категорией определенности, осуществляется указание на определенный предмет или явление с целью выделения его из массы ему подобных. Любое существительное с точки зрения грамматической определенности-неопределенности имеет два состояния: неопределенное и определенное.

Дифференцирующим признаком выделения неопределенности (неопределенной единичности) являются: 1) возможность выбора предмета из какого-либо целого класса предметов и 2) неосведомленность о предмете говорящего и слушающего, или только говорящего, например: кудос совас' ц'ора 'в дом вошел мужчина' (т.е. любой из мужчин). Дифференцирующим признаком выделения определенности (определенного состояния) являются: 1) невозможность выбора, 2) осведомленность о предмете говорящего и слушающего, или только говорящего, например: ц'орас' совас' кудос 'мужчина (только этот) вошел в дом'.

Значение неопределенной единичности передается: 1) с помощью препозитивного числительного 'один', выступающего с ослабленным лексическим значением и приближающегося к неопределенному артиклю 'какой-то, некий, некто'. Числительное

'один' в роли артикля имеет два варианта: полный вариант вейке и исторически трансформированный ве: мол'с'сон ошов / мус' тосто ве ломан' и ороц' мартоно (низ.) 'приехал он в город, нашел там какого-то человека и удрал он с ним'; ан'п' чокшн'ес сын' пачкоп'т' эр'з'ан' ве вел'ес (шлн.) 'только к вечеру они доехали до какого-то эрянского села'; 2) с нулевой формой имени (т.е. с существительным в основном склонении). Нулевая форма обозначает предмет вообще, безотносительно к его индивидуальным характеристикам или конкретным свойствам, или признакам. Нулевая форма - форма классификационная. В диалектах нулевая форма имени, являясь первым членом в бинарном противопоставлении определенности-неопределенности, находит широкое употребление. В отдельных говорах обнаруживаются случаи замены указательных (определенных) форм нулевой формой (формами основного склонения). Например об известном говорят: ломан' сас' васолдо (н.твл.) им. ломан'ес' сас' васолдо. 'человек пришел издалека'; н'ей вана урожай бер'ан' / кот' вес'и скот'инан' печкик / т'икше кос'кс' (шлн.) 'теперь вот урожай плохой (хоть всю скотину уничтожь), трава высохла'. Категория неопределенности, содержание которой в основном раскрывается нулевой формой, имеет много точек соприкосновения с аналогичным явлением в других языках, обладающих развитой категорией артикля, например, в балкано-романских.¹

Определенность (определенное состояние) имени существительного обозначается с помощью: 1) морфем, выражающих категорию определенности: -с' (-з', -й), -с'т', -н'т', -н'е, -не; 2) аффиксов, выражающих категорию принадлежности (особенно в случаях деривационной функции possessивного аффикса 3 л. ед. ч.): чиза валкс' 'солнце (букв. солнце-его) опустилось'; шказо ул'-н'ес' чокшн'е 'время (букв. время-его) было вечер'. Possessивный аффикс 3 л. ед. ч. употребляется в дейктическом значении лишь с теми существительными, которые обозначают нечто единственное в своём роде, главным образом со словами, служащими названиями различных явлений природы: чи 'солнце', ков 'луна', шка 'время'.

Д.В. Бубрих possessивные аффиксы с непринадлежностным значением назвал указательными.² Употребление possessивного аффикса 3 л. в непричастительном значении (дейктическом) - явление не только мордовское. Оно известно, кроме мордовских языков, в марийском³, пермских⁴, обско-угорских⁵ языках.

В пермских языках, например суффиксы 3 л. - удм. -за, коми -ис, -ис являются показателями определенно-указательной категории, посредством которой особо выделяются, конкретизируются в данной цепи мысли какие-нибудь известные для собеседника предметы (или один предмет) из числа других, им близких или однотипных: выл 'новый' - вылез 'тот (из них), который новый'.⁷ Корни подобного употребления 3 л. уходят в финно-угорскую эпоху, возможно, даже в прауральскую. Возникновение этого явления учеными объясняется прежней материальной общностью личных и указательных местоимений, а последние, как известно, часто превращаются в артикли⁸; 3) указательных местоимений, обладающих особенностью в достаточной степени четко отграничить данный предмет от других предметов того же класса, помогающих осознать его как единственно возможный в соответствующей ситуации: т'е кудын'т' эйста кийак аз' л'ис'т' (шут.) 'из этого дома (того) никто не вышел'; н'ет' валтнэ ц'оратн'ин'ин' мар'авс'т' покордамикс (сб.к.) 'эти слова (те) мужчинам (тем) показались оскорбительными'. В таких случаях морфема определенности (далее МО), сопровождающая существительное, в плане содержания в какой-то степени нейтрализуется и функции её берет на себя указательное местоимение; 4) лексического значения слова. К числу слов, грамматическая определенность которых обнаруживается через их лексическое значение и связанное с ним грамматическое оформление, относятся имена собственные.

Имя существительное с МО - имя индивидуализирующее. Любое существительное будет выступать с МО, если им названный предмет окажется в условиях единственности, известности, исключительности, когда по отношению к нему исключается всякий выбор. Употребление имени с МО зависит от ряда факторов ситуационного и синтаксического порядка. По мнению Д.В. Бурниха, указательные формы сложились в тот период истории мордовских языков, когда еще не было падежных форм. Своё предположение он аргументирует тем, что указательные местоимения, явившиеся основой образования МО, будучи определениями, строго предшествовали определяемому слову. "Ожидалось бы как будто, - замечает Д.В. Бурних, - что указательные местоимения, превращаясь из отдельных слов в служебные морфемы, должны были стать префиксами. Но нет: они стали суффиксами. Они стали суффиксами вопреки уже давно господствующему порядку слов. Вполне ясно, что указательные формы сложились еще тогда, кол-

да этого порядка слов не было, когда не было и тех отношений подчинения одних слов другим, которые определялись вместе с тем порядком слов, когда господствовало еще архаическое соположение слов".⁹ Б.А. Серебренников, однако, считает, что при выяснении истории возникновения МО не обязательно прибегать к теории архаичного порядка слов. Им выдвинуто предположение, что первоначально указательное местоимение выполняло роль эмфатической частицы -то, типичный для северных русских говоров. Позднее употребление этой частицы стало более регулярным, и она превратилась в МО.¹⁰

Нам представляется, что возникновение указательных форм происходило в период становления системы падежей основного склонения. Отсутствие косвенно-падежных форм мн. числа основного склонения было обусловлено именно тем, что обозначение идеи множественности находило материализацию во вновь возникающих косвенно-указательных формах мн. числа. Если допустить, что указательные формы возникли значительно позднее, чем падежи основного склонения, то по всей вероятности диалектами были бы выработаны в названном склонении формы падежей с суффиксом мн. числа. Эти формы, между тем, не появились. Они стали принадлежностью указательного склонения, и их история теснейшим образом связана с прамордовским периодом, когда определялись формы падежей ед. числа основного склонения. В этот период стало намечаться противопоставление имен по признаку определенности и неопределенности. Данное противопоставление возникло на основе двух грамматических значений, в которых могло выступать имя существительное: 1) обозначение предмета, соотношенного с соответствующим речевым моментом, и поэтому известного не только говорящему, но и сооседающему; 2) обозначение предмета, не соотношенного с моментом предшествующей ситуации. В значении (1) имя существительное употреблялось при его повторном упоминании, и этим оно противопоставлялось первому упоминанию того же имени. В обоих случаях имена формально не были разграничены. Речевые ситуации создавались без каких-либо средств разграничения указанных выше значений. Нечто подобное обнаруживается в диалектных текстах в виде сохранившегося синтаксического архаизма. Например: эр'ас'т' /шт'ес'т' ат'ат/ бабат /сынцт ул'н'ес' вейке т'ейт'ер' дн вейке ц'ора/ /ат'а (вм. ат'ас') ул'н'ес' сыр'е /бабайак (вм. бабас'как) сыр'е/ /ц'ора (вм. ц'орас') ар'мийав туйема шкасо/ т'ейт'ер' (вм. т'ейт'ер'ес')

мир'д'е максумашкал' (крж.) 'Жили-были старик со старухой. Были у них дочь и сын. Старик был стар, стара была и старуха. Сыну время идти в армию, дочь на выданьи была'. Несомненно, что слова ат'а, баба, д'ора, т'ейт'ер' при повторном упоминании отличаются от соответствующих слов, встречающихся в начале текста, своей конкретностью, обусловленной наличием момента известности, соотнесенности, хотя средствами языка это никак не выражено.

С развитием языка, с потребностью в дифференциации этих значений встала необходимость найти средства их разграничения. Таковыми стали указательные местоимения, которые могли употребляться в двух функциях: 1) в собственно указательной и 2) в функции релятивной. В релятивной функции указательные местоимения не столько указывают, сколько относят говорящего или слушающего к уже упомянутому и поэтому известному. В силу каких-то внутренних языковых импульсов указательные местоимения, имеющие функцию соотнесенности, занимали положение после имени существительного, а в собственно-указательной функции они стали употребляться в препозиции. Постпозитивное употребление указательных местоимений, по-видимому, было связано с эмфатическим подчеркиванием выделенного, подобно русской диалектной эмфатической частице -то.

Постпозиция приводила к значительному усилению грамматического характера местоимения и вследствие этого создавалась возможность развития из него МО. Эволюция языка привела к осуществлению этой возможности. Происходит грамматикализация свободного грамматического словосочетания и превращение его в словоформу с обобщенной МО. Обозначение определенности предмета вырастает, таким образом, на базе употребления существительного с постпозитивными местоимениями: с'е (в номинативе ед. числа, в отдельных говорах - в номинативе в косвенных падежах), т'е (в косвенных падежах ед. числа), н'е (в номинативе и косвенных падежах мн. числа).

Выбор именно этих местоимений обуславливается, по-видимому, их этимологической простотой, большой обобщенностью их значения частотой употребления, максимальной сочетаемостью с именем, способностью анафорически указывать на предмет, упоминавшийся в речи ранее. ¹¹ Переход указательных местоимений в показатели грамматической формы - МО известен отдельным финно-угорским языкам. Примечательным в этом отношении является вепский язык. Обращает на себя внимание тот факт, что

значения, свойственные определенному артиклю, в вепском языке, как и в мордовских языках, могут выражаться постпозитивными (аффиксальными) артиклями *-se* (ед. число), *-ne* (мн. число)¹²: *ladí jom se laita juoma* 'приготовь напиток-этот'; *olut se jojn* 'пиво-это пил'; *lapsed ne mannet školna?* 'пойдут ли ребята-эти в школу?'; *kalan se teged kazine tartub nácg* 'рыбу-эту чистиль, на руках останется слизь'. Подобное сходство позволяет говорить об общей для мордовских и вепского языков морфологической модели построения форм категории определенности.

Основные процессы образования субъективно-объектных падежей указательного склонения происходили на ранней ступени прамордовского языка. Еще раньше оформилась парадигма форм мн. числа. Отсутствие последовательности в образовании местных падежей свидетельствует об их более позднем происхождении. Морфема определенности, присоединяясь к падежным суффиксам основного склонения, образует парадигму указательного склонения.

Эрзянский диалектный ареал не имеет всеобъемлющей падежной схемы указательного склонения. В ряде говоров и диалектов, в том числе и в говорах, легших в основу эрзянского литературного языка, это склонение различает 9 падежных форм. Девятипадежную систему имеют также эрзянские говоры на территории Татарской АССР и Пензенской области (дубровские говоры и говоры на скафтынской мордвы). Говоры юго-восточного диалекта различают 6 падежных форм: номинатив, генитив, датив, пролатив, компаратив, абессив. Остальным падежам, т.е. аблативу, инессиву, элативу, лативу и транслативу соответствуют послеложные конструкции, состоящие из генитива и соответствующего послелога. Северо-западные говоры¹³ (Горьковская обл.) парадигму указательного склонения образуют из 5 падежей - номинатива, генитива, датива, пролатива, абессива. Значения остальных падежей, как и в шугуровском диалекте, выражены послеложными конструкциями. Ряд говоров нижнеэзянского диалекта¹⁴ в указательном склонении различает 9 падежей, в качестве самостоятельного падежа выступает комитатив; транслатив и компаратив в этих говорах выражаются аналитически. В отдельных говорах этого же диалекта данное склонение представлено 7 падежами: номинативом, генитивом, дативом, аблативом, инессивом, пролативом, абессивом. Иллатив, как и во многих других говорах, совпадает по форме с дативом. Значе-

ние элатива здесь выражается с помощью аналитической конструкции - усеченная форма генитива + послелог эста (кил'евез' эсте < кил'ен'ез'ин' эста). Значения транслатива и компаратива передаются послеложными конструкциями. Комитатив в этих говорах не выступает в качестве падежа. В эрзянских говорах Куйбышевской обл. парадигма указательного склонения представлена в основном 6 падежами - номинативом, генитивом, дативом, инессивом, иллативом, абессивом. Другие падежи заменены аналитическими конструкциями. Отдельные говоры типа мордовско-давыдовского (Мордовская АССР), сохранившие черты мокшанского языка, в рассматриваемом склонении имеют 4 падежа - номинатив, генитив, датив, компаратив. В ряде говоров одно и то же падежное значение может быть передано синтетически и аналитически, например: кудос'т' эзга и кудовас'т' (с. зап.) 'по дому-тому', модас'т' эзга и модават' (луг.) 'по земле'. В отдельных говорах, имеющих в основном трехпадежную систему, наблюдается увеличение состава падежей за счет падежных форм, функционирующих в других эрзянских диалектах. Так, например, в говоре с. Мордовское Давыдово (Мордовская АССР), как и в мокшанском языке, в указательном склонении различались 3 падежа. В настоящее время, однако, этот говор выработал форму компаратива в ед. и во мн. числе типа скалчат' (скалчан'т') 'с корову-ту', скалтнэшка 'с коров-тех', очевидно, не без влияния соседствующих с ним эрзянских говоров, имеющих эту падежную форму.

В некоторых северо-западных говорах¹⁵ встречаются формы существительных, сходные с формами аблатива, инессива, элатива, иллатива указательного склонения, но отличающихся от них по значению. Например: инесс. кудосон'т' (мл.) 'в доме-том' - кудосон'т' (с. зап.) 'того, который находится дома'; кудостон'т' (коз.) 'из дома-того' - кудостон'т' (с. зап.) 'того, который из дома'; ном. кудостос' 'тот, который из дома'; комп. кудошкан'т' (б. мр.) 'с дом-тот' - кудошкан'т' (с. зап.) 'того, который с дом величиной'; ном. кудошкас' 'тот, который с дом величиной' и др. В первичных же формах в этих же говорах значения аблатива, инессива, элатива и иллатива передаются преимущественно аналитически - послеложными конструкциями. Ср.: инесс. кудон'т' эсна 'в доме-том' - кудосон'т' (как разновидность указ. скл.) 'того, который находится дома'.

Формы частной разновидности указательного склонения во

многих говорах, в том числе и в тех, которые стали основой литературного эрзя языка, образуют парадигму, в которой "агрессия" со стороны форм определенности обнаруживается во всех косвенных падежах единственного и множественного числа.

Основой данной парадигмы служит форма косвенных падежей основного склонения, к которой присоединяется МО. Падежная форма основного склонения при этом в известной мере теряет свое грамматическое значение и приобретает значение, близкое к словообразовательному. Ср.: кудосо 'в доме, - кудосо-с' (б.мр.) 'тот, который в доме', кудовтомо 'без дома' - кудовтомо-с' (м.рмз.) 'тот, кто без дома'. Из всех падежей основного склонения при образовании таких форм предпочтение отдается инессиву, компаративу и абессиву. Присоединяясь к суффиксам этих падежей, МО -с' (ед. число), -н'е (мн. число) образуют морфологические единицы, сходные с номинат. указательного склонения и изменяющиеся по падежам данного склонения. Возникает новая парадигма с присущим ей значением, например: абесс. осн. скл. моровтомо 'без песни' -

Ед. число

Ном. <u>моровтомо-с'</u>	'тот, кто без песни / песен'
Ген. <u>моровтомо-н'т'</u>	'того, кто без песни / песен'
Дат. <u>моровтомо-н'т'-ен'</u>	'тому, кто без песни / песен'
Абл. <u>моровтомо-до-н'т'</u>	'о том, кто без песни / песен'
Инесс. <u>моровтомо-со-н'т'</u>	'в том, кто без песни / песен' и т.д.

Мн. число

Ном. <u>моровтомо-т'н'е</u>	'те, кто без песни / песен'
Ген. <u>моровтомо-т'н'е-н'</u>	'тех, кто без песни / песен'
Дат. <u>моровтомо-т'н'е-н'ен'</u>	'тем, кто без песни / песен'
Абл. <u>моровтомо-т'н'е-д'е</u>	'о тех, кто без песни / песен'
Инесс. <u>моровтомо-т'н'е-сэ</u>	'в тех, кто без песни / песен' и т.д.

В отдельных говорах процесс образования таких уникальных форм весьма продуктивен, носителями говоров они воспринимаются как обычные (первичные) формы указательного склонения. Очевидно, этим объясняется причина появления послеложных конструкций, с помощью которых выражается значение соответствующих (первичных) падежных форм. Ср., например: кудосон'т' ил'ак токше (мл.) 'того, кто (что) в доме, не трогай', но кудон'т' эйсе (вм. кудосон'т') кийак аз' эр'а 'в доме-том ни-

кто не жил'; кудошкан'т' (с.зап) 'того, который с дом величиной', но кудон'т' эйшка 'с дом-тот' и т.д.

В номинативе форма ед. ч. указательного склонения отличается от формы косвенных падежей удивительным единообразием по морфемному составу. В построении формы номинатива во всем диалектном ареале эрзянского языка принимает участие одна и та же МО -с' с ее алломорфой -ц', слившаяся с основой слова в единое целое и превратившаяся, таким образом, из некогда самостоятельного слова в формальный элемент. Аналогичное построение номинатива ед. ч. имеют все диалекты мокшанского языка: сурус' (с.т.д.), м, сурьс' 'просо-то'. Этот факт говорит об общемордовском характере образования номинатива указательного склонения. Исторически номинатив ед. числа легко объясним: д.м. сѹ коуъ = коуъ с'ѹ > о.м. коуъс' > э. ковос'. э.д. ковс' / коус', м. ковъс' 'луна (эта)'. В отдельных говорах МО -с' / -з' является показателем определенности предмета и в косвенных падежах: ном. мода-с' 'земля (определенная)', ген. мода-з'-и-н', дат. мода-з'-и-н'ин', абл. мода-з'-д'е и т.д.

Что касается косвенных падежей ед. числа, то здесь заметно отсутствие достаточной последовательности в образовании их форм. Во-первых, в пределах распространения эрзянского языка отсутствует единая МО, во-вторых, нет общей модели построения косвенно-указательных форм. Основой образования косвенно-указательных форм для преобладающего большинства диалектов являются формы ед. числа основного склонения, к которым присоединяется МО: эл. кудо-сто-н'т'/куду-сту-н'т' (I и II типы) 'из дома-этого', кудо-сто-с'т' (III тип), куды-стн-т(-н'т') (IV тип). В эрзянском диалектном ареале косвенно-указательные падежи имеют несколько синонимичных (структурных) разновидностей, в каждой из которых выступает только ей присущая МО:

1) косвенно-указательные формы с морфемой определенности -н'т': в номинативе -с', генитиве -т', в других косвенных падежах -н'т';

2) косвенно-указательные формы с морфемой определенности -с'т': в номинативе -с', генитиве -т', в других косвенных падежах -с'т';

3) косвенно-указательные формы с морфемой определенности -с' / -з': в номинативе -с', генитиве -с' (-с'т') и во всех остальных падежах -с' (-з');

4) косвенно-указательные формы с морфемой определенности -т' / -н'т': в номинативе -с', генитиве -т', в других косвенных падежах -т', редко -н'т'.

Эти разновидности весьма своеобразно отражают внутреннее устройство диалектных парадигм, характеризуя их как совокупность грамматических форм, противопоставленных в пределах каждой парадигмы по наличию МО. Диалектные соответствия в парадигмах форм косвенно-указательных падежей являются регулярными: если в одной из диалектных систем функционирует форма типа кудо-до-н'т' 'о доме (определенном)', в другой кудо-до-с'т', в третьей кудо-з-д'е. в четвертой куды-дн-т'. то соответствие и противопоставление их форм с МО будут постоянными и регулярными для любого существительного. Исключением являются некоторые говоры нижнепьянского диалекта и отдельные говоры на территории Куйбышевской области, в которых в одной и той же форме возможно употребление разных МО. Так, например, в говорах нижнепьянского куста, кроме формы генитива на -з'ин' (кил'ен^Г-з'ин' 'березы-той'), повсеместно распространена форма генитива с МО -с'т' (кил'ен^Г-е-с'т'). В отдельных говорах Куйбышевской области, Татарской АССР (говоры типа с. М. Афонькино) построение парадигмы возможно с помощью МО -н'т' или -с'т'. Здесь обычными являются формы типа кудо-н'т' или кудо-с'т' 'дома-определенного', кудо-н'-т'ен' или кудо-с'-т'ен' 'дому-определенному'. В территориальном отношении распространенность той или иной разновидности не одинакова. Наиболее распространена первая разновидность - МО -н'т'. Ею объединяются многочисленные говоры центрального диалекта и говоры, тяготеющие к этому типу. Кроме того, она является принадлежностью парадигмы указательного склонения в говорах западного диалекта. Заметное место данная разновидность занимает в косвенно-указательных формах в говорах юго-восточного диалекта.

Формы косвенно-указательных падежей с МО -н'т' состоят из склоняемой основы имени (далее СОИ) + суффикса падежа основного склонения + МО. Такую структуру имеют генитив, аблатив, инессив, элатив, пролатив, компаратив, абессив. Датив имеет иную структуру: СОИ + МО + суффикс основного склонения - кудо-н'т'-ен' < *кудо+н'т'-н'ен'.

Парадигма I
форм указательного склонения с МО -н'т' (скал 'корова')

Паде- жи	I тип		II тип		Отд. говоры ГУ диалект- ного типа	Дубровские говоры (Пенз. обл.)
	1	2	3	4		
Ном.	<u>скал-о-с'</u>	<u>скал-у-с'</u>	<u>скал-н-с'</u>	<u>скал-о-с'</u>		
Ген.	<u>скал-о-н'т'</u>	<u>скал-у-н'т'</u>	<u>скал-н-н'т'</u>	<u>скал-о-н'т'</u>		
Дат.	<u>скал-о-н'т'-</u> <u>-е-н'</u>	<u>скал-у-н'т'-</u> <u>-и-н'</u>	<u>скал-н-н'т'-</u> <u>-и-н'</u>	<u>скал-о-н'т'-</u> <u>-е-н'</u>		
Абл.	<u>скал-до-</u> <u>-н'т'</u>	<u>скал-ду-</u> <u>-н'т'</u>	<u>скал-н-</u> <u>-н'т'</u> эйста	<u>скал-до-</u> <u>-н'т'</u>		
Инесс.	<u>скал-со-</u> <u>-н'т'</u>	<u>скал-у-</u> <u>-н'т'</u> эйсы	<u>скал-н-</u> <u>-н'т'</u> эйсэ	<u>скал-о-</u> <u>-н'т'</u> эйсо		
Эл.	<u>скал-сто-</u> <u>-н'т'</u>	<u>скал-у-</u> <u>-н'т'</u> эйсты	<u>скал-н-</u> <u>-н'т'</u> эйста	<u>скал-о-</u> <u>-н'т'</u> эйсто		
Илл.	<u>скал-о-</u> <u>-н'т'-е-н'</u>	<u>скал-у-</u> <u>-н'т'</u> эйс	<u>скал-н-</u> <u>-н'т'</u> эйс	<u>скал-о-</u> <u>-н'т'</u> эйс		
Лат.	∅	∅	∅	∅		
Прол.	<u>скал-га-н'т'</u>	<u>скал-у-н'т'</u> <u>ээга</u>	<u>скал-га-н'т'</u>	<u>скал-га-н'т'</u>		
Транс.	∅	∅	∅	∅		
Комп.	<u>скал-шка-</u>	<u>скал-у-н'т'</u> <u>эйшка</u>	<u>скал-шка-</u>	<u>скал-о-н'т'</u> <u>эйшка</u>		
Абл.	<u>скал-то-мо-</u> <u>-н'т'</u>	<u>скал-ту-му-</u> <u>-н'т'</u>	<u>скал-тымн-</u> <u>-н'т'</u>	<u>скал-пто-мо-</u> <u>-н'т'</u>		
Ком.	∅	∅	∅	∅		

В приведенных парадигмах МО -н'т', возникшая из -н' (< ген. -н') и -т' (< *т-овое указательное местоимение) и утвердившаяся в генитиве, была перенесена в качестве МО в состав других форм падежей. Таким образом, источником МО -н'т' явилась форма генитива, в которой произошло переразложение основ и суффикс генитива -н' отошел к форманту -т, составив вместе с ней новую МО -н'т'. По предположению Т.М. Тихоновой¹⁶, возникновение МО -н'т' нужно связывать с падежом прямого объекта - аккузативом. Некогда имя существительное с МО -с' употреблялось для выражения определенного прямого дополнения. С течением времени, чтобы избежать смешения

аккузатива с номинативом, оформленных этой же морфемой, потребовался свой падеж для объекта. Им стал аккузатив, по форме совпадающий с генитивом. Некоторое время могли быть две формы определенного объекта: кудос' и кудон'с'. Первая форма закрепилась за номинативом (определенным подлежащим), вторая — за аккузативом (прямым объектом). Формант -н' в словоформе кудон'с' мог выпасть, что повлекло за собой появление омонимичной формы. В этих случаях необходимо было иметь другой формант определенности объекта, который даже при случае выпадения -н' способен был бы различить формы подлежащего и прямого объекта. Для этой цели было использовано местоимение т'е, а суффикс аккузатива -н' вошел в его состав: кудо-н'т'е > кудон'т'.

Парадигма II

форм указательного склонения с МО -с'т' (скал 'корова')

Падежи	Северо-западный диалект и говоры, тяготеющие к этому диалекту		
	Б.игн., приал. гов.	С.зап. гов. П гр. Горьк. обл.	Отд. э. гов. Морд. АССР
	1	2	3
Ном.	<u>скал-о-с'</u>	<u>скал-о-с'</u>	<u>скал-п'</u>
Ген.	<u>скал-о-с'т'</u>	<u>скал-о-с'т'</u>	<u>скал-п'т'</u>
Дат.	<u>скал-о-с'т'е(н')</u>	<u>скал-о-с'т'е</u> <u>скал-оз'д'е</u>	<u>скал-п'т'е(н')</u>
Абл.	<u>скал-до-с'т'</u>	<u>скал-о-з'д'е</u>	<u>скал-до-с'т'</u>
Инесс.	<u>скал-со-с'т'</u>	<u>скал-о-с'т' эсна</u>	<u>скал-со-с'т'</u>
Эл.	<u>скал-сто-с'т'</u>	<u>скал-о-с'т' эста</u>	<u>скал-сто-с'т'</u>
Илл.	<u>скал-о-с'т'е(н')</u>	<u>скал-о-с'т' вис</u>	<u>скал-о-с'т'е(н')</u>
Лат.	∅	∅	∅
Прол.	<u>скал-га-с'т'</u>	<u>скал-о-с'т' эзга</u> <u>скал-о-ва-с'т'</u>	<u>скал-га-с'т'</u>
Транс.	∅	∅	∅
Комп.	<u>скал-шка-с'т'</u>	<u>скал-о-с'т' зйшка</u>	<u>скал-шка-с'т'</u>
Абесс.	<u>скал-томо-с'т'</u>	<u>скал-тома-с'т'</u>	<u>скал-томо-с'т'</u>
Комп.	∅	∅	∅

В данных парадигмах МО -с', утвердившаяся в сфере номинатива, отмечается в формах косвенных падежей. Вместе с формантом -т' она образует МО -с'т'. Особенностью данной МО яв-

ляется то, что в генитиве она флектична: выполняет функцию определенного артикля и одновременно является показателем генитива, в остальных падежах — только функцию артикля. Возникнув в генитиве, МО -с'т', однако, не сохранила генитивного показателя -н'. Его функцию стала выполнять морфема -с', но только после того, когда наряду с формами генитива типа кудо-з'-ин' 'дома-определенного' в говорах стали функционировать усеченные формы генитива типа кудо-з' (кудо-с'): кудо-з'-и-н' ваксо и кудоз' ваксо 'около дома-того'. Впервые на усеченные з'-овые формы генитива обратил внимание Д.Т. Надькин.¹⁷ Им же научно обоснована возможность происхождения морфемы определенности -с'т' от показателя -с' (усеченная форма генитива и т-ового местоимения). Усеченные формы генитива на -з' сохранились до сих пор в некоторых эрзянских говорах. Они обнаруживаются также в формах датива указательного склонения типа кудос'т'е / кудоз'д'е, которые образовались, как известно, на основе генитива с участием послелога *т'ен^Г с направительным значением. Генитивной основой в данных формах следует признать кудос' или кудоз', к которой примыкает послелог: *кудос'+т'ен^Г > кудос'т'е или кудоз'+т'ен^Г > кудоз'д'е.

Рефлексы усеченной формы генитива отмечены в некоторых северо-западных говорах (Горьковская область) в функции прямого дополнения в выражениях типа с'олгик кен'кшес' (вм. кен'кшес'ин') 'закрой дверь-ту', йовтык бобас'кас' (вм. бобас'каз'ин') 'расскажи сказку'.¹⁸ Известно, что во многих других говорах и в литературном языке в этих случаях, как правило, употребляется форма генитива с МО -н'т' или -с'т': с'олгик кен'кшен'т' / с'олгик кен'кшес'т'. Усеченные формы генитива в силу несложности своей морфологической структуры получают довольно широкое распространение. Возможно, что в какой-то период развития диалектов морфема -с' (-з'), образовавшая эти формы, совмещала в себе функции артикля и падежа. Впоследствии функция артикля в них была нейтрализована, и в этих условиях они осмысливались как форма генитива указательного склонения. В нейтрализации артиклевой функции в формах типа кудоз' < *кудо-з'-и-н' значительную роль, по-видимому, сыграла форма номинатива, которая, обладая также морфемой -с', противопоставлялась усеченной форме генитива, поэтому появилась возможность разграничения в ней средствами языка значений падежа и определенности. За усеченной формой

закрепляется статус генитива, в силу этого с-овая морфема, являющаяся принадлежностью усеченной формы, не могла стать МО в косвенных падежах. Естественно, для выражения значения определенности потребовалось новое грамматическое средство. Таким средством явилось указательное местоимение т'е 'этот', консонантный элемент которого примкнул к с-овой усеченной форме, образовав таким образом новую форму генитива с МО -с'т'. Возникновение формы типа кудос'т' можно представить себе следующим образом: ген. *кудо-з'-и-н' 'дома-того' ген. усеч. *кудоз' 'дома-того' > ген., ном. кудоз' / кудос' 'дома-того' / 'дом-тот' = кудоз' + т'е 'тот' > *кудоз'т'е > кудос'т' 'дома-того'. Вновь возникшая морфема -с'т', закрепив свои позиции в сфере генитива, постепенно расширяла сферу своего влияния на другие падежи, в результате чего она стала МО во всех косвенных падежах, функционирующих в данных диалектных системах. Образовался особый тип косвенно-указательных форм, отличный от тех диалектов (говоров), где в соответствующих формах МО выступает -н'т'.

Выше было отмечено, что источником н-ового элемента, являющегося одним из компонентов МО -н'т', служит собственно генитивный суффикс, к которому должна была бы присоединиться -с'. Проникновение МО -с', утвердившейся в номинативе, в сферу генитива было весьма вероятным. Этому процессу ничто не мешало. Действительно, в эрзянском диалектном ареале обнаруживаются отдельные говоры, в которых по всей парадигме указательного склонения в качестве МО различается -с' / -з'. В говорах же I и II диалектных типов морфема -с' закрепилась лишь в номинативе. В косвенных падежах вместо нее утвердилась т-овая МО, причем это утверждение как показателя грамматической формы для всех падежей произошло в генитиве. Причиной привязки т-ового форманта к генитивному суффиксу является, вероятно, следующее обстоятельство. В тот период, когда происходило возникновение форм типа кудон'т', в ряде диалектов прамордовского языка, по-видимому, уже широко использовались косвенно-указательные формы типа кудос'т'. По аналогии с этими формами возникают новые формы с МО -н'т'. Основой их образования явилась уже не усеченная форма генитива на -с' (-з'), а собственно генитивная форма на -н'. Возникновение новой формы генитива типа кудон'т' можно представить себе так: *кудоз'ин' > кудоз' = кудон'. откуда в одних диалектных системах - кудос'т', в других - кудон'т' / кудыт' (< *кудын'т').

Генитивные с-овые (з-овые) формы типа кудоз'ин' / кудоз' имели место в прошлом, вероятно, и в тех говорах, где сейчас функционирует МО -н'т'. Однако она была ими отвергнута, возможно, из-за сложности самой словоформы; не получили широкого распространения также словоформы типа кудос'т', возникшие на основе усеченной генитивной формы на -с' (-з'), видимо, из-за грамматической непрозрачности самой основы. Впоследствии в значительной части эрзянского диалектного ареала произошла замена форм типа кудос'т' на формы типа кудон'т'. Некоторые говоры с типом косвенно-указательных форм с МО -н'т' по настоящее время сохранили генитив на -с'т'. Например, в говоре с Иванцева Лукояновского р-на (Горьковская обл.) наряду с формами типа ломан'ин'т' 'человека-того' параллельно бытуют формы ломан'с'т'.

Как известно из сказанного раньше, в формах косвенных падежей, начиная с аблатива, за СОИ следует суффикс падежа, к которому присоединяется МО - в одних говорах -н'т', в других -с'т', в третьих -т' / -н'т'. Ср. вел'е 'село' (СП = суффикс падежа):

Падежи :	СОИ + МО + СП	:	СОИ + СП + МО
Ном.			<u>вел'е-с'</u>
Ген.	<u>вел'е-н'-т'</u> <u>вел'е-с'-т'</u>		∅
Дат.	<u>вел'е-н'т'-е-н'</u>		∅
Абл.	∅		<u>вел'е-д'е-н'т'</u> <u>вел'е-д'е-с'т'</u>
Инесс.	∅		<u>вел'е-сэ-н'т'</u> <u>вел'е-стэ-с'т'</u> <u>вел'е-сэ-с'т'</u>
Эл.	<u>вел'е-н'т'-ен'</u> <u>вел'е-ст'-е</u>		∅
Прол.	∅		<u>вел'е-ва-н'т'</u> <u>вел'е-ва-с'т'</u> и т.д.

Причину этого явления объяснить довольно трудно. Б.А. Серебренников предполагает, что такой необычный порядок расположения составных частей указательных словоформ установился по образцу косвенных падежей притяжательного склонения, ср.: кудо-до-м 'от дома-моего', кудо-до-н 'от домов-моих', кудо-

-до-т 'от дома-твоего' и т.д.¹⁹ Эта догадка очень близка к истине.

Парадигма III

форм указательного склонения с МО -с' (-з') (вел'е 'село')

Падежи	Гов. н.пьян. диалекта (Горьк. обл.)	Отд. гов. черемшанского куста (Тат. АССР)	Отд. гов. еремкинско-матюшинского куста (Куйб. обл.)
	: А	: Б	: В
Ном.	<u>вел'е-с'</u>	<u>вел'е-с'</u>	<u>вел'е-с'</u>
Ген.	<u>вел'е-з'-и-н'</u>	<u>вел'е-с'т'</u>	<u>вел'е-с'т'</u>
Дат.	<u>вел'е-з'-н'е</u>	<u>вел'е-з'-н'е</u>	<u>вел'е-з'-н'е</u>
Абл.	<u>вел'е-з'-д'е</u>	<u>вел'е-з'-д'е</u>	<u>вел'е-з'д'е</u>
Инесс.	<u>вел'е-с'-н'е</u> (<u>*вел'е-с'е-сне</u>)	<u>вел'е-с'-н'е</u> (<u>*вел'е-с'е-сне</u>)	<u>вел'е-з'-с'н'е</u> <u>вел'е-с'т'эсне</u>
Эл.	<u>вел'е-с'т'е</u> (<u>-йс'т'е</u>) (<u>*вел'е-с'е-сте</u>)	<u>вел'е-й-с'-т'е</u> (<u>*вел'е-с'е-сте</u>)	∅
Ил.	<u>вел'е-з'-н'е</u>	<u>вел'е-з'-н'е</u>	∅
Лат.	∅	∅	∅
Прол.	<u>вел'е-з'-га</u>	<u>вел'е-з'-га</u>	∅
Транс.	∅	∅	∅
Комп.	∅	<u>веле-й-шка</u> (<u>*вел'е-з'е-шка</u>)	∅
Абесс.	<u>вел'е-с'-т'еме</u> (<u>*вел'е-с'е-т'еме</u>)	<u>вел'е-с'-т'еме</u> (<u>*вел'е-з'е-т'еме</u>)	<u>вел'е-с'-т'еме</u>
Комп.	<u>вел'е-з'-н'ек</u>	∅	∅

Отличительной особенностью данных парадигм является то, что: 1) МО -с', утвердившаяся в сфере номинатива, проникла в формы косвенных падежей, причем в ряде падежей она выступает в своем звонком варианте. Факт появления звонкого варианта можно проиллюстрировать на примерах аблатива: вел'ез'д'е < *вел'е-с'е-д'е, датива: вел'ез'н'е < *вел'е-с'е-н'е(-н'). В инессиве, элативе, абессиве МО -с' реализуется в глухом виде; 2) во всех падежах порядок следования значимых частей нормальный: СОИ + МО + суффикс падежа основного склонения,

т.е. структура парадигм А, Б, В аналогична структуре указательных форм мн. числа; 3) в одной и той же парадигме А имеются две МО. Одна из них -с'т' употребляется только в генитиве, другая -с' (-з') - во всех остальных падежах; 4) парадигма В с МО -с' разрушена, остатки ее сохраняются в генитиве, дативе, аблативе, инессиве и абессиве. Значение остальных падежей выражаются генитивом на -с'т' указательного склонения + послелог - эквивалент соответствующего падежа; 5) генитивная форма рассматриваемых парадигм явилась основой для образования других типов указательных форм, о которых речь шла выше. Эрзянские говоры, имеющие косвенно-указательные формы с МО -с' (-з'), локализованы в различных частях территории распространения эрзянского языка (Горьковской, Куйбышевской, Оренбургской обл., Татарской АССР и др.). В эрзянском диалектном ареале на территории Мордовской АССР подобные формы не обнаруживаются.

Необходимо остановиться на рассмотрении вопроса о том, первичны ли эти формы, или они - продукт позднего развития диалектов. Прежде всего надо обратиться к явлениям, так сказать, внешнего характера данных форм и сопоставить их с явлениями других подобных грамматических форм, имеющими признаки первичности. Особого внимания заслуживают в этом плане два момента: 1) порядок следования морфем в формах парадигмы Ш и их модель построения аналогичны порядку расположения составных частей форм мн. числа указательного склонения: СОИ + МО + суффикс падежа. Учитывая тот факт, что формы мн. числа указательного склонения являются общемордовскими, можно с большой вероятностью допустить их весьма древнее происхождение. Имея это в виду, нам представляется, что развитие косвенно-указательных форм парадигмы Ш с МО -с' (-з') шло параллельно с формами мн. числа. Они были известны общемордовскому языку. Диалектное же многообразие и разнохарактерность в косвенно-указательных формах ед. числа - явления поздние. Обращает на себя внимание поразительное сходство с' (з')-овых указательных словоформ парадигмы Ш с падежными формами местоимения ме:з'е 'что' (и это второй момент), которые почти одинаковы не только во всех эрзянских диалектах, но и в диалектах мокшанского языка. Местоимение ме:з'е составлено, как и номинатив имени ед. числа указательного склонения, из двух элементов: ме + се > месе > ме:зе 'что' - вел'е + с'е > вел'е-с' 'село-это'. Первый элемент ме восходит финно-угорской

местоименной основе -ш, имеющей рефлекс в многих финно-угорских языках, ср.: ф. miika 'что', мр. ma 'какой', в. mi 'что?'. Второй элемент представляет указательное местоимение с'е 'этот'.

Приведем сравнительную таблицу падежных форм местоимения мез'е и существительного с МО -с':

Падежи	Падежные формы местоимения <u>мез'е</u>			Указательные формы с'-овой морфемы
	э.д.	э.л.	м.л.	
1	2	3	4	5
Ном.	<u>мез'е</u>	<u>мез'е</u>	<u>мез'ь</u>	<u>вел'е-с'</u>
Ген.	<u>мез'-ин'</u>	<u>мез'е-н'</u>	<u>мез'ь-н'</u>	<u>вел'е-з'ин'</u>
Дат.	<u>мез'-н'е</u>	<u>мез'-н'ен'</u>	<u>мез'ь-н'д'и</u>	<u>вел'е-з'н'е</u>
Абл.	<u>мез'-д'е</u>	<u>мез'-д'е</u>	<u>мез'-да</u>	<u>вел'е-з'д'е</u>
Инесс.	<u>мез'-снэ</u>	<u>мей-сэ</u>	<u>мез'-са</u>	<u>вел'е-с'н'е</u>
	<u>мес'-н'е</u>	<u>мез'-снэ</u>	<u>мез'-сна</u>	
Эл.	<u>мез'е-стэ</u>	<u>мез'-стэ</u>	<u>мез'-ста</u>	<u>вел'е-стэ</u>
Илл.	<u>мез'-н'е</u>	<u>мез'е-с</u>	<u>мез'-с</u>	<u>вел'е-з'н'е</u>
Прол.	<u>мез'-га</u>	<u>мез'-га</u>	<u>мез'-ге</u>	<u>вел'е-з'га</u>
Транс.	<u>мез'е-кc</u>	<u>мез'е-кc</u>	<u>мез'-кc</u>	∅
Комп.	<u>мез'е-шка</u>	<u>мез'е-шка</u>	<u>мез'ь-шка</u>	<u>вел'е-йшка</u>
Абесс.	<u>мез'е-вт'еме</u>	<u>мез'е-вт'еме</u>	<u>мез'ф-т'ьма</u>	<u>вел'е-с'т'еме</u>

Обнаруживаемое сходство между падежными формами местоимения мез'е и формами имени существительного не случайно. Их образование по одной и той же модели — явление общемордовское. Об этом свидетельствуют подобные косвенно-местоименные формы мокшанского языка. Можно предполагать, что с (з)-овые косвенно-указательные формы, подобные формам местоимения мез'е, находили отражение во всех диалектах общемордовского языка. Но в связи с общемордовским процессом разрушения древней парадигмы указательного склонения, связанным главным образом с изменениями в генитиве, в сферу рассматриваемого склонения был втянут формант -т, который в части диалектов общемордовского языка был присоединен к н-овой форме генитива, что дало э. кудон'т', м. кудт' (из < *кудын'т'): в другой части диалектов -т' примкнул к з-овой форме генитива, что дало э. кудос'т'. Некоторые говоры общемордовского языка избежали этого процесса и донесли до наших дней уникальнейшие древнемордовские косвенно-указательные формы, удивив-

тельно похожие на структуру косвенно-падежных форм местоимения мез'е. Местоимение мез'е и его косвенные формы в этом отношении являются "архивом", помогающим раскрыть историю форм указательного склонения.

Парадигма

форм указательного склонения с МО -т' (мода 'земля')

Падежи	Юго-восточный диалект и говоры, тяготеющие к этому диалекту		
	Щуг. и смежные с ним говоры Морд. АССР	Нск. (мокш.) и смежные с ним говоры Пенз. обл.	М.дв. и смежные с ним говоры Морд. АССР
Ном.	<u>мода-с'</u>	<u>мода-с'</u>	<u>мода-с'</u>
Ген.	<u>мода-т'</u>	<u>мода-т'</u>	<u>мода-т'</u>
Дат.	<u>мода-т'и(й)</u>	<u>мода-т'и</u>	<u>мода-т'и</u>
Абл.	<u>мода-т'эйста</u>	<u>мода-ды-т'(-н'т')</u>	<u>мода-т'эйста</u>
		<u>мода-ды-т'(-н'т')</u>	<u>мода-т'эста</u>
Инесс.	<u>мода-т'эйса</u>	<u>мода-сы-т'(-н'т')</u>	<u>мода-т'эйса</u>
		<u>мода-т'эса</u>	
Эл.	<u>мода-т'эйста</u>	<u>мода-сты-т'(-н'т')</u>	<u>мода-т'эйста</u>
Ил.	<u>мода-т'эйс</u>	<u>мода-т'и</u>	<u>мода-т'эйс</u>
Лат.	∅	∅	∅
Прол.	<u>мода-т'эзга</u>	<u>мода-ва-т'(-н'т')</u>	<u>мода-т'эзга</u>
		<u>мода-т'эзга</u>	
Транс.	∅	∅	∅
Комп.	<u>мода-т'эйшка</u>	<u>мода-шка-т'(-н'т')</u>	<u>мода-шка-н'т'</u>
	<u>мода-шка-т'</u>	<u>мода-т'эшка</u>	
Абесс.	<u>мода-фтымы-т'(-н'т')</u>	<u>мода-фтымы-т'(-н'т')</u>	∅
Комит.	<u>мода-т'-н'ек</u>	<u>мода-н'т'-н'ек</u>	∅

Формы указательного склонения данной парадигмы характеризуются: 1) отсутствием единой для всех падежей МО, в номинативе -с', в косвенных падежах -т' (-н'т'); 2) флективностью генитива: формант -т' одновременно выполняет функции МО и суффикса падежа; 3) отсутствием н-ового форманта перед -т', который так же, как и в мокшанском языке, присоединяется не-

посредственно к основе (при гласной основе) или посредством интерфикса (при согласной основе). Ср., например: вал'ма-т' 'окна-того', вир'-и-т'и 'лесу-тому'; 4) однотипностью генитива и датива с соответствующими формами мокшанского языка, ср.: э. мода-т' м. мода-т' 'земли-той'; э. мода-т'и, м. мода-т'и 'земле-той'. Однотипность этих форм является не случайной. В эрзянских говорах они представляют собой мокшанизмы, и их появление обусловлено слиянием групп эрзянского и мокшанского населения в тех селах, говоры которых выработались на базе этого слияния, и поэтому в них сохранились элементы мокшанского языка на всех уровнях языка, в том числе и на уровне морфологическом; 5) заменой некоторых косвенных падежей послеложными конструкциями. Особенно заметно проявляется эта тенденция в говорах шугуровского и смежных с ним диалектах, где синтетические формы ряда падежей сосуществуют с послеложными конструкциями: генитив + послелог. В этих диалектных системах данный процесс приводит к складыванию своеобразного аналитического строя.

Эрзянские диалекты (говоры), обладающие типом косвенно-указательных форм с МО -т' / -н'т' как и диалекты мокшанского языка, пережили период замены древней МО -с'новой морфемой с артиклевим значением -т'. Основой образования т'-овых косвенно-указательных форм, как и н'т'-, с'т'-овых, являются формы основного склонения. Вот как выглядит, на наш взгляд, история т'-овых косвенно-указательных форм:

- Ном. сурьс' 'просо' < *сурь + с' + гласный < *сурь + сö
 Ген. сурьт' (IУ тип) < *сурьн'т' < *сурь + н' + т' + гласный < *сурь + н + т; сурьос'т' (III тип) < *сурьос-з' + т' + гласный < *сурь-з'-и-н' + тö
 Дат. сурьт'и < *сурьн'т'ен' < *сурь + н' + т' + гласный + т'ен'^Г; сурьос'т'е (III тип) < *сурьос'т'ен' < *сурь + з' + т + гласный + т'ен'^Г < *сурь + з'-и-н' + тö + т'ен'^Г.

В некоторых эрзянских диалектах, например, в шугуровском, наряду с т'-овыми показателями, встречаются формы косвенных падежей типа мода-н'т'. Это свидетельствует о том, что в формах типа ген. модат', дат. модат'и н-овый формант был утрачен. Эти формы в своем составе некогда имели -н', т.е. *модан'т', *модан'т'и.

Формы мн. числа по сравнению с формами ед. числа отличаются единообразием и однотипностью их структуры. В них строго выдерживается порядок расположения составных частей: основа склоняемого имени (ОСИ) + суффикс множественного числа (СМЧ) + МО + падежный суффикс: э.л. вир'т'+не+стэ (мл.) / вир'х+н'е+стэ (нск.) 'из лесов' и т.д. Такой порядок следования значимых частей отражает древнейшее состояние косвенно-указательных форм мн. числа, возникновение и развитие которых по одной и той же модели стимулировалось в известной мере необходимостью иметь специальные формы мн. числа не только в целях числового противопоставления формам ед. числа этого же склонения, но и формам основного склонения, где, как уже отмечалось, в косвенных падежах отсутствуют формы мн. числа. Формы указательного склонения, различающие ед. и мн. число, в какой-то мере устранили этот недостаток. Указательные формы с таким строго выдержанным порядком их значимых частей говорящими стали осознаваться как вполне самостоятельные грамматические формы, подобно существительным без указательного форманта. В них МО -н' + гласный приклеивается к т-овому показателю мн. числа, в результате чего появляется новый тип основы, к которой присоединяются падежные суффиксы. Суффикс мн. ч. -т' (-т) и МО -н' (-н) + гласный, совмещающий в себе значения мн. числа и определенности, прослеживаются по всей парадигме в каждом из косвенных падежей.

Различительным признаком, "дефектом" рассматриваемых парадигм с точки зрения их устройства является следующее: I) Так же, как и в основном склонении, в парадигмах указательного склонения различаются две словоизменительные основы: гласная основа (или одноосновные имена) и согласная основа (двуосновные имена). Гласная основа имеет место во всех падежах, если структура слова состоит из: а) Г + С + а (ава 'мать'), б) Г + СС + а (орта 'ворота'), в) С + Г + С + а (мода 'земля'), С + Г + С + Г (вел'е 'село', куро 'куст'); ном. ават'н'е 'матери-эти'; г) ген. ават'н'ен' 'матерей-этих'. Например: ном. вел'е-г'н'е 'села-те', эл. вел'е-г'н'е-стэ 'из сел-тех' и т.д. У одноосновных имен гласная основа совпадает с падежной формой номинатива ед. числа основного и указательного склонения. Двуосновными являются, как правила, имена, оканчивающиеся в номинативе ед. числа не на а-овые гласные, и если эти гласные находятся после сочетания согласных, т.е. построение слова должно соответствовать модели С + Г +

+ СС + Г: ном. осн. скл. мешт'е 'грудь, пазуха' - ном. указ. скл. мешт'-т'н'е, илл. мешт'-т'н'е-с 'в пазухи-те' ном.осн. скл. олго 'солома' - ном. указ. скл. олк-т'н'е, комп. олк-т'н'е-шка 'с солому-ту' и т.д. Имена обладающие структурой С + Г + СС + Г, можно считать двуосновными лишь по противопоставлению их форме номинатива ед. числа основного склонения. Ср.: ном. осн. скл. с'атко 'искра' - ном. указ. скл. с'атк-т'н'е-н', дат. указ. скл. с'атк-т'н'е-н'е и т.д. В самой же парадигме форм мн. числа двуосновность имен с подобной структурой основы не обнаруживается, т.е. во всех падежах, включая и номинатив, выступает одна и та же согласная основа. Так же ведут себя имена, имеющие основу на согласный звук. Ср.: латко 'овраг' - ном. указ. скл. латк-т'н'е 'овраг' - ном. указ. скл. латк-т'н'е 'овраги-те'; кал 'рыба' - ном. указ. скл. кал-о-с 'рыба-та', кал-тнэ 'рыбы-те', ген. осн. скл. кал-о-н 'рыбы' - ген. указ. скл. кал-т'н'е-н' 'рыб-тех'. В некоторых говорах существительные на согласный нередко присоединяют к себе сложную морфему -тне (-т'н'е) посредством интерфиксов: врач - врачотне 'врачи-те', ломан - ломан'е-т'н'е 'люди-те', солдат - солдато'т'н'е 'солдаты-те'. По своей хронологии факт широкого бытования согласной основы в парадигме форм мн. числа указательного склонения следует, по-видимому, отнести к домордовской эпохе. Некоторые следы согласной основы в формах перед т-овым суффиксом мн. числа обнаруживаются в прибалтийско-финских языках, ^{20,21} ср.: ф. lammaz 'овца', ном. мн. ч. lampaat, парт. ед. ч. lammasta, ген. мн. ч. lammasten и lampaiden; эс. lammaz, т.ж., ном. мн. ч. lambad, ген. мн. ч. lammaste, илл. lammastesse, инесс. lammastes, эл. lammastest, алл. lammastele, адесс. lammastel, абл. lammastelt, транс. lammasteks, эсс. lammastena, абесс. lammasteta, ком. lammazega; вд. lammaz т.ж., ген. мн. ч. lampad'd'e; ф. kieli 'язык', ном. мн. ч. kielet, ген. мн. ч. kielien и kielten (ср. э. кел' т.ж., ген. мн. ч. указ. скл. кел'т'н'ен'); ф. lumj 'снег', ном. мн. ч. lumet, ген. мн. ч. lumien и lunten (ср. э. лов т.ж., ген. мн. ч. указ. скл. ловт'н'е); ф. vesi 'вода', ном. мн. ч. vedet, ген. мн. ч. vesien и vetten (ср. э. вед' т.ж. ген. мн. ч. указ. скл. вет'н'е). 2) В группе говоров Д (отдельные говоры черемшанского куста Татарской АССР, еремкино-матюшинского куста Куйбышевской обл.) формы инессива, элатива, пролатива, компаратива, кроме слож-

ного форманта -т'н'е и падежных морфем, свойственных основному склонению, содержат дополнительный формант -н, являющийся остатком морфемы генитива. Эти формы интересны тем, что послелого-эквиваленты вышеназванных падежей приросли к предшествующему имени существительному, оформленному в генитиве МО -н', образовав с ней новые алломорфы падежных морфем. Перед нами один из редчайших случаев, когда на основе генитива мн. ч. возникают косвенно-указательные формы, статус которых усиливается противопоставлением их другим падежным формам мн. числа и формам падежей ед. числа. Такие формы, как вир'т'н'ен'сэ 'в лесах-тех', вир'т'н'ен'стэ 'из лесов-тех', вир'т'н'ен'шка 'величиной с лесов-тех', возникли из генитива мн. числа и послелога: вир'т'н'ен' эйсе, вир'т'н'ен' эйстэ, вир'т'н'ен' эйшка. Подобные формы падежей имеются в некоторых говорах еремкино-матюшинского куста, с той лишь разницей, что в них послеложный компонент присоединяется к морфеме генитива посредством интерфикса. Ср., например: вир'т'н'ен'-е-сэ 'в лесах-тех', вир'т'н'ен'-е-стэ 'из лесов-тех', вир'т'н'ен'-е-с 'в леса-те', вир'т'н'ен'-е-шка 'с лесов тех'. 3) В говорах группы В (в основном северо-западные говоры) абессив, наряду с обычной формой типа пакс'ат'н'ев'еме 'без полей-тех', обнаруживает форму с н-овым компонентом перед абессивным суффиксом. Ср., например: пакс'ат'н'ен'-т'еме. Данный компонент, как и в предыдущих формах, является пустым морфем, возникшим, очевидно, по аналогии с послеложными конструкциями: кудот'н'ен' эйшка 'величиной с дома-эти'. Последние весьма продуктивны в общей системе указательного склонения в говорах группы В.

4) В говорах группы Д (отдельные эрзянские говоры на территории Татарской АССР и Оренбургской обл.) между сложным формантом -т'н'е и падежными морфемами инессива, элатива, вллатива и компаратива появляется дополнительный элемент й. Ср.: вир'т'н'е-й-сэ 'в лесах-тех', вир'т'н'е-й-стэ 'из лесов-тех', вир'т'н'е-й-шка 'величиной с леса-те' (б.ник.). Источником й является, по-видимому, й-овый элемент послелогов эйсе, эйстэ, эйшка, которые, потеряв начальный вокалический элемент, примкнули к основе мн. числа и образовали с ней алломорфу с соответствующим падежным значением. Это еще один любопытный факт возникновения из послеложных конструкций падежных форм. В подобном преобразовании на первый план диалектами выдвигаются процессы редукции послелогов, способ-

ствующие цементированию сливающихся компонентов и включению их в словоизменительную систему. В формах типа вир'т'н' ей-сэ, вир'т'н' ейста, вир'т'н' ейшка й-овый элемент служит как бы маркером, предупреждающим нас о том, что форманты -йса, -йста, -йшка генетически связаны с послелогом эйса, эйста, эйшка. Эти и другие подобные новообразования убедительно подтверждают мысль о том, что выработке позднейшего пласта падежных форм в финно-угорских языках в числе прочих путей заметное занимает сращение послелога с именем.

С о к р а щ е н и я

б.игн. - большеигнатовский диалект эрзя-мордовского языка (Мордовская АССР); б.ник. - говор села Багря-Никольское Альметьевского района (Татарская АССР); б.мр. - говор села Большое Маресево Чамзинского района (Мордовская АССР); в. - венгерский язык; коз. - говор села Козловка Атяшевского района (Мордовская АССР); крж. - говор села Киржемань Атяшевского р-на (Мордовская АССР); м. - мокшанский язык; мл. - говор села Мокшалай Чамзинского района (Мордовская АССР); мр. - марийский язык; н.пьян. - говоры нижнепьянского диалекта эрзя-мордовского языка (Горьковской обл.); н.твл. - говор села Напольная Тавла Кочкуровского района Мордовская АССР); нск. - говоры наскафтымской мордвы (Пензенская обл.); низ. - говор села Низовка Ардатовского района (Мордовская АССР); об.к. - сабаевский куст (говоры с.с. Сабаево, Мурань, Кр. Зорька, Майдан Кочкуровского района Мордовской АССР); с.зап. - северо-западные говоры эрзя-мордовского языка (Горьковская обл.); с.тд. - старотурдаковский диалект эрзя-мордовского языка (Мордовская АССР); ф. - финский язык; шлн. - говор села Шилан Красноярского района (Куйбышевская обл.); шуг. - шугуровский диалект эрзя-мордовского языка (Мордовская АССР); э. - эрзянский язык; эс. - эстонский язык.

Л и т е р а т у р а

1. А.В. Д е с н и ц к а я, Албанский язык и его диалекты, Ленинград 1968, 25-26.
2. Д.В. Б у б р и х, Историческая грамматика эрзянского языка, Саранск 1953, 80.
3. Современный марийский язык. Морфология, Йошкар-Ола 1961, 52.
4. Современный коми язык. Учебник для высших учебных заведений, Сыктывкар 1955, 149, 151.
5. Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), Москва 1974, 130, 270.
6. П. К о к л а, Притяжательные суффиксы в марийском языке. Автореферат кандидатской диссертации, Таллин 1963, 35.
7. В.И. А л а т р е в, Выразительно-указательная категория в удмуртском языке, Ижевск 1971, 1.
8. К.Е. М а й т и н с к а я, Местоимения в языках разных систем, Москва 1959, 126-140.
9. Д.В. Б у б р и х, Историческая грамматика эрзянского языка, Саранск 1953, 80-81.
10. Б.А. С е р е б р е н н и к о в, Историческая морфология мордовских языков, Москва 1967, 45.
11. Р.Г. П и о т р о в с к и й, Формирование артикля в романских языках, Москва-Ленинград 1960, 5.
12. L. K e t t u n e n, Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus. Helsinki 1943 (MSFOu LXXXVI), 242-400.
13. Г.И. Е р м у ш к и н, Имя существительное и глагол в северо-западных говорах эрзя-мордовского языка. - Вопросы мордовского языкознания. Труды Морд. НИИ XXXII, Саранск 1967, II3-II4.
14. Д.Т. Н а д ь к и н, Морфология нижнепьянского диалекта эрзя-мордовского языка. - Очерки Мордовских диалектов У, Саранск 1968, 53-54.
15. Г.И. Е р м у ш к и н, Имя существительное и глагол в северо-западных говорах эрзя-мордовского языка. - Вопросы мордовского языкознания. Труды Морд. НИИ XXXII, Саранск 1967, II3-II4.

16. Т.М. Т и х о н о в а, Особенности указательного склонения в эрзянских диалектах. - Сборник научных статей МГУ им. Н.П. Огарева. Вопросы языкознания П I, Саранск 1975, 60-61.
17. Д.Т. Н а д ь к и н, Морфология нижепьянского диалекта эрзя-мордовского языка. - Очерки мордовских диалектов У, Саранск 1968, 55-56.
18. Д.Т. Н а д ь к и н, Общемордовское указательное склонение. - STIFU I, Tallinn 1975, 510-512.
19. Г.И. Е р м у ш к и н, Имя существительное и глагол в северо-западных говорах эрзя-мордовского языка. - Вопросы мордовского языкознания. Труды Морд. НИИ XXXII, Саранск 1967, 113.
20. Б.А. С е р е б р е н н и к о в, Историческая морфология мордовских языков, Москва 1967, 46.
21. Грамматика финского языка. Фонетика и морфология, Москва-Ленинград 1958.

D. G y g a n k i n
(Saransk)

DIE FORMEN DER GRAMMATISCHEN KATEGORIE DER BESTIMMTHEIT
IN DEN MUNDARTEN DES ERZJA-MORDWINISCHEN

Z u s a m m e n f a s s u n g

Die grammatische Kategorie der Bestimmtheit des Substantivs wird in den erzja-mordwinischen Mundarten mit Hilfe der Morfeme der Bestimmtheit (MdB) $-\underline{e}$ ($-\underline{e}$, $-j$), $-\underline{st}'$, $-\underline{nt}'$, $-\underline{t}'$ ($-\underline{ne}$), $-\underline{ne}$ und des possessivischen Affixes $-\underline{zo}$, $-\underline{ze}$ (3. Person Singular) bezeichnet.

Die Morpheme der Bestimmtheit entstanden durch die Grammatikalisierung von zwei Bedeutungen des Substantivs, die semantische Opposition bildeten. Bezogenheit-Unbezogenheit des Bezeichneten aus dem vorangehenden Redemoment oder die gegebene Situation. Unterscheidungsmittel von diesen Bedeutungen des Substantivs wurden die Demonstrativpronomen \underline{se} , $\underline{t'e}$, \underline{ne} , die in zwei Funktionen auftreten konnten: 1) in der eigentlich hinweisenden Funktion (in der Substantivgruppe wurden sie dabei dem Substantiv vorangestellt) und 2) in der relativen Funktion (dabei erschienen sie in der Substantivgruppe nach dem Substantiv). In der relativen Funktion entwickelten sich diese Demonstrativpronomen zu den Morphemen der Bestimmtheit.

Die substantivische Deklination mit den Morphemen der Bestimmtheit ist im Erzja-Mordwinischen unheitlich, die Kasuszahl in einzelnen Mundarten schwankt zwischen 4 u. 10. Im erzja-mordwinischen Sprachraum weisen die indirekten Kasusformen des Singulars weder ein einheitliches Morphem der Bestimmtheit noch ein einheitliches Modell der Formenbildung auf. Es können vier Modelle der indirekten Kasusformen mit ihren eigenen Morphemen der Bestimmtheit unterschieden werden:

- 1) Kasusformen mit der MdB $-\underline{nt}'$: im Genitiv mit der Morphemvariante $-\underline{t}'$, in anderen indirekten Kasus mit $-\underline{n't}'$;
- 2) Kasusformen mit der MdB $-\underline{st}'$: Im Genitiv $-\underline{t}'$, in anderen indirekten Kasus $-\underline{st}'$;

3) Kasusformen mit der MdB -š, -ž: im Genitiv -š, -št',
in allen anderen Kasus -š, -ž;

4) Kasusformen mit der MdB -t'/-ht', im Genitiv -t',
in anderen Kasus -t', nur selten -ht'.

Im Plural zeigen alle erzja-mordwinischen Mundarten
in den Kasusformen die Morphemvarianten -ne, -ne, -nä, die
dem Pluralsuffix -t'(-t') angeschlossen werden und mit dem
letzteren die Morphemvarianten -t'ne, -tne, -t'nä bilden.

ВЫРАЖЕНИЕ ПОДЛЕЖАЩЕГО МЕСТОИМЕНИЯМИ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Подлежащее может быть выражено разными разрядами местоимений, но наиболее обычны в этой синтаксической функции личные местоимения, поскольку по своему значению они близки к существительным.

В роли подлежащего употребляется форма именительного падежа личных местоимений как единственного, так и множественного числа: М н й савар деке йшт гына куржын мийшым да она лончо гыч кудывечыш ончалым (Волков 1962: 34) 'Я тихо-нечко подбежал к забору и через щель доски посмотрел во двор'; Т н й, Григорий Петрович, мийым йбршеш тупуй умылет ...-земский начальникын йкшо адак ныжылгеме (Чавайн III: 152) 'Ты, Григорий Петрович, меня совсем по-другому понимаешь...-голос земского начальника снова зазвучал ласково'; А м е тудын ончылыжо шыже агытан гай пышт койын шогылына (Волков 1962: 45) 'А мы, как осенние петухи, стоим позоримся перед ней'; Т е, лудшо-влакем, революций печ ончычсо ялысе сходкым шукыжо ужын огыдал, садлан тудым огыда пале (Чавайн III: 69) 'Вы, мои читатели, многие не видели дореволюционную сельскую сходку, поэтому ее и не знаете'.

Собственно-личное местоимение те 'вы' при обращении к собеседнику с официальной речью или в вежливой форме употребляется вместо тыя 'ты'. И соответственно сказуемое согласуется с ним во множественном числе: Шогыза, бригадир йолташ! Т е але черле улыда, тыландак кызт нелым нблташ ок лий (Волков 1962: 47) 'Стойте, товарищ бригадир! Вы еще больны, вам сейчас нельзя поднимать тяжелое'; Т е, ужамат, поззийм йбратыше ен улыда, - врач удыр, мийым ончалын, "тидет мылам келша" маншыла шыргыжеш (Волков 1962: 33) 'Вы, как вижу, поэзией увлекаетесь, - девушка — врач, взглянув на меня, улыбается, словно говоря "и это мне нравится"'.
.

Кроме этого, в функции подлежащего в марийском языке могут выступать лично—указательные местоимения тудо 'он, тот', нуно 'они, те'. Эти местоимения указывают как 'на лицо (а), так и на предмет (ы), о котором (ых) идет речь, поэтому они составляют особую группу' (СМЯ 1961: 134): Тудо (Органа) сбрал чурьян, яко капан удыр лиешат, каче-влак ончаш туналыт (Шкетан IV: 31) 'Когда она стала красивой, стройной девушкой, на нее стали обращать внимание парни'; Агавайрем кумалтышлан ямдылыме годым Савлин пашажым нуно (вес ялысе карт-влак) шекланаш туналыныт (Шкетан II: 21) 'При приготовлениях к празднику "Агавайрем" дело Савли стали подсматривать они (жрецы других деревень)'.

Следует подчеркнуть, что в современном марийском языке подлежащее, выраженное личным местоимением, часто опускается. Да в его употреблении и нет большой необходимости, так как действующее лицо уже обозначено в форме сказуемого: Дудыш мурым мурен, урем дене ошкылам ... Шижнат шым шукто. вес уремыш млен лектым. Ончем: змылыме вер дене улам (Волков 1962: II) 'Напевая песенку, шагаю по улице. Смотрю: стою около медицинского пункта'.

Подлежащее в марийском языке может быть выражено также притяжательной и относительной формами личных местоимений единственного и множественного числа, когда они выступают вместо определяемого ими опущенного существительного: Тиде модыш мемнан-влак кугу пайрем семнак эртарат (Волков 1962: 130) 'Эту игру наши проводят как большой праздник'; А кушто мемнан-влак уке улыт? - улыныт удыр-влак (1964:97) 'А где наших нет? - загораются девчата'; Мемнан-влак мураш, кушташ пеш тале улыт (Волков 1962: II) 'Наши петь, плясать большие мастера'.

Подлежащее, выраженное притяжательной формой личных местоимений, обладает семантикой неопределенного предмета, принадлежащего определенному лицу.

Однако притяжательные суффиксы в марийском языке часто употребляются в непритяжательном значении. Основное значение непритяжательного употребления притяжательных суффиксов, особенно третьего лица единственного числа, - выделение одного из предметов речи: Пураш гына лийже, мый же тудо кутырен моштем, Тимошка гай омыл (Волков 1962: 12) 'Только бы войти, я-то разговаривать умею, не как Тимошка'; Ме же поччын кушкынна сасыш каен орланаш (Чавайн III: 249) 'Мы-то ро-

дילים и растет идти на войну и страдать'. В словах мыйже, меже суффикс -же не имеет притяжательного значения. Он выполняет функцию указательно-выделительной частицы.

Личные местоимения, а также их притяжательные формы, выступающие в роли подлежащего, могут принимать выделительно-усилительные частицы -ак, -ат: М н я т тыйм шонен коштам, кжгунам омешат ужам (Шкетан II: 16) 'И я о тебе думаю, иногда и во сне вижу'; Могай айдеме дене ваш калдалтат, т ы я т тудын койшыжым койаш тўналат (Шкетан II: 56) 'С каким человеком свяжешься, и ты его привычки будешь принимать'; Мый ўдырым эн ончыч вашлийнам, м ы я к пачерым муне пуэм (Волков 1962: 7) 'Я раньше встретил девушку, я же найду квартиру'; Молан чарешыч, кугызай? Ойло йомакетым, колто, м е а т колыштына (Чавайн III: 195) 'Что перестал, дед? Расскажи сказку, и мы послушаем'.

Подлежащее может быть выражено сравнительной формой личных местоимений и их притяжательных форм. При этом они выступают вместо определяемого ими опущенного существительного: М ы й г а е м ж е тушто шуко улыт чай? 'Подобных мне там, наверное, много?'; Муро, муро, тый от лий гын, мод ден илып сўраса? М е м н а н г а й ж е ура шўмжым кузе почня каласа? (Осып 1958: 14) 'Песня, песня, если б тебя не было, чем же жизнь украшается? Подобный нам свое беспокойное сердце как же раскроет?'

Следует отметить, что в современном марийском языке личное местоимение в роли подлежащего часто выступает с определенным местоимением шке 'сам'. Притяжательные аффиксы и выделительно-усилительные частицы при этом принимают определенное местоимение: М ы й ш к е ж а т ом тарваныл да кугын шулалташат ом тошт (Азмекей 1968: 14) 'Я и сам не шевелюсь и не смею глубоко вздохнуть'; Адаакше т у д о ш к е ж а т койшыж дене пашазе гайрак, сандене кызт тудо тышке аптыраныде пурышат, йыр ончале (Исенеков 1964: 12) 'Да он и сам по поведению похож на рабочего, поэтому и сейчас, войдя сюда без робости, посмотрел вокруг'. Такие сочетания являются единым членом предложения (подлежащим) и синтаксически в предложении не членятся. Они употребляются для выражения таких значений, как 'он сам, а не кто-либо другой', 'лично сам'.

Определительное местоимение шке 'сам' может сочетаться не только с местоимениями, но и с существительными и другими

субстантивированными частями речи. Между ними и последними могут стоять другие члены предложения: Йытын сомылымо годым ү д ы р а м а ш - в л а к Саван омаш пöртыш ш к е толеденит (Шкетан II: 255) 'Когда пололи лен, женщины к шалашу Савы сами приходили'; Виян ончылно кеч-кунамат в и й д ы м е ш к е титакан (Юзыйкин 1962: 52) 'Перед сильным всегда слабый сам виноват'.

Определительное местоимение шке 'сам' может выступать в роли подлежащего и самостоятельно. В современном марийском языке оно по лицам и числам не изменяется. Соотносительность его к тому или другому лицу или числу определяется формой сказуемого: Ондак ш к е пашам ыштен ончыза, вара иже мылым тергыза (Шкетан IV: 216) 'Сначала сами попробуйте поработать, только потом меня проверяйте'; Могай шала умшан улам, шке пиалем ш к е поктен колтенам (Иванов 1959: 100) 'Какой я трепач, свое счастье сам разогнал'; Ындыжым ш к е ыш йў, старостылан шуялтыш (Чавайн III: 70) 'Теперь сам не стал пить, протянул (он) старосте'.

Самостоятельно употребляемое в роли подлежащего определительное местоимение шке 'сам' может принимать притяжательные суффиксы и усилительно-выделительные частицы: Ш к е ш т изиш кыменит да ноен улыт гынат, тўсышт шыргыжеш (Азмейкей 1958: 90) 'хотя сами немного замерзли и устали, лица их улыбаются'; Кўлеш гын, ш к е а т марийым кычал муэш (Юзыйкин 1962: 78) 'Если надо, и сама мужа найдет'; Ш к е а к мурлан каенат, шканетак илаш вершетеш (Шкетан II: 157) 'Сама замуж вышла, самой же жить придется'.

Однако местоимение шке 'сам' может еще выразить значение 'свой', т.е. выступать в роли притяжательного местоимения. Оно в предложении является определением: Ш к е усталыкетым пашаште ончыктоян, премийлан эн чапле велосипедым налын пуэна (Волков 1962: 50) 'Свое мастерство покажи-ка на работе, на премию подарим лучший велосипед'; Адак шкежат ш к е икшыветым еñ шот дене ончынет (Чавайн III: 34) 'Да и сам за своим ребенком хочешь ухаживать по-человечески'.

Подлежащее может выражаться и другими определительными местоимениями, если они замещают опущенное существительное: кажне 'каждый', весе 'другой', чыла 'все', моло 'другие', кжо 'некоторый', кеч-ко 'хоть-кто, кто бы ни был', кеч-мо 'хоть что, что бы ни было', керек-ко 'хоть кто, кто бы ни был' и другими. Например:

Ка ж не мом-гынат кычыра, умылтараш тыгша (Юзкайн 1972: 219) 'Каждый старается показать свое мастерство лучше другого'. Подлежащее, выраженное данным местоимением, имеет значение обобщающего объекта.

Весе гын ынде тўрлў тыгыде экшыклан тынар огешат тургыжлане ыде (Юксерн 1975: 26) 'Другой бы о разных мелких недостатках столько и не беспокоился'. Подлежащее, выраженное местоимением весе 'другой', имеет значение указания на отдаленный объект от говорящего и выделяет его среди прочих других путем противопоставления. Обычно оно противопоставляется подлежащему, выраженному числительным икте 'один'; Икте энгекеш логалеш гын, весе тудлан, полшаш шонен, кидшым пуншаш (Юксерн 1975: 132) 'Если один попадает в беду, другой, стараясь помочь, должен протянуть ему руку'.

Тушто Кожлялыште чыла жат колышо эргышт нерген уештара (Юзкайн 1972: 18) 'Там все напоминает об их мертвом сыне'. Подлежащее, выраженное данным местоимением, имеет значение объекта с оттенком множественности, собирательности.

Молышт ойлаш йбратыше салтакым вашкыктат (Корнилов 1974: 59) 'Другие торопят солдата, любящего поговорить'. Подлежащее, выраженное местоимением моло 'другой' и его формами, имеет собирательное значение, указывает на группу предметов и лиц, из которых один или несколько предметов выделены говорящим.

Мемнан южышт манеш-манешлан чараматырын куткышуэш шинчаш ямде улыт, кеч кочкаш ит пукшо (Волков 1962: 52) 'У нас некоторые из-за сплетен готовы голыми на муравейник сесть, хоть и не корми'; Тачат Найдущын пўртышкыжў ўдыр-влак лынй погынен улыт: южыжо тўрым тўрла, южыжо кўнчылаш шўдыра (Чавайн II: 15) 'И сегодня в доме Лайдуша девчат собралось много: некоторые вышивают, некоторые прядут'. Подлежащее, выраженное данным местоимением и его формами, имеет значение 'один из числа других или несколько из числа других'.

Телын моторлыкшым шочмо—кушмо кундемже дене кугешнаш йбратыше кеч—кўат ужныш мошта (Азмекей 1958: 89) 'Красоту зимы может заметить любой (букв. хоть кто), кто любит свои родные места'; Керек—кўат шке пиялылан шке эшпат (Чавайн IV: 155) 'Любой своему счастью сам кузнец'; Мемнан кеч—можат ончыч шуэш, — воштылале Оля (Иванов 1959: 94) 'У нас хоть что рано поспекает, — улыбнулась

Оля'. Подлежащее, выраженное определительными местоимениями, которые образовались посредством прибавления к вопросительным местоимениям частиц керек и кеч, передают одно общее значение: 'любой из многих других'. Как видно из примеров, определительные местоимения, употребляющиеся в функции подлежащего, могут иметь притяжательные суффиксы и указательно-выделительные частицы.

Подлежащее в марийском языке может выражаться в о п р о с и т е л ь н о - о т н о с и т е л ь н ы м и м е с т о и м е н и я м и кб 'кто', мо 'что', кудо 'который'. При этом они имеют:

а) значение вопроса для выяснения лица или предмета, о котором идет речь в предложении: Эрык йбратыше еным к б петырэн ашнен кертеш? (Чавайн II: 8) 'Кто может заставить жить в заперти человека, любящего свободу?'; Иўкоб кайык улмо годым пёрткайыкым кб онча? Уна ўдыр улмо годым шке ялысе ден к б келша? (Волков 1962: 136) 'Когда имеется лебедь, кто посмотрит на воробья? Когда имеется девушка-гостья, кто дружит с односельчанкой?';

б) относительное, абстрактное значение. Местоимения в таком случае чаще всего выступают в сложноподчиненных предложениях и выполняют функции союзных слов: К б тымк эрдене шор лўштым вўта ўмбач колышт киен огыл гын, тудо ялысе поэзийым тўвыт ок палем манаш лиеш (Волков 1962: 15) 'Кто ранним утром, лежа на сеновале, не слушал дойку, можно сказать, что тот вовсе не знает деревенской поэзии'; К б Сибирьым ужын огыл, тудо мемнан планетым ок пале, - манын ик француз журналист элнан Эрвелныже коштымх деч вара (Колумб 1964: 2) 'Кто не видел Сибири, тот не знает нашу планету, - сказал один французский журналист после посещения Востока нашей страны', Эртыше ийыште мо ышталтын гын, чылажат тоштеш кодын (Азмекей 1958: 92) 'Что сделано в прошлом году, все устарело'.

Вопросительно-относительные местоимения в роли подлежащего могут принимать после себя аффиксы принадлежности: Авай, мо в т коршта? - йодеш Мичу (Шкетан II: 109) 'Мам, что у тебя болит? - спрашивает Мичу'; Изи полемьш ўдыр-влак шын-шын погынент. К у д ы ж о извеекташ варландарыме оянеште шинча, к у д ы ж о помыла вурдаш энертен шогалын (Колумб 1964: 101) 'В маленькой комнате набито девушек. Кто сидит на подоконнике, вымазанном известкой, кто на черенок кисточки прислонился'.

Подлежащее часто выражается неопределенными местоимениями. Как известно, в современном марийском языке все неопределенные местоимения составные. Они образуются сочетанием вопросительно-относительных местоимений с неопределенными частицами ала, иктаж, гннат (СМЯ 1961: 145). Наиболее употребительны в функции подлежащего неопределенные местоимения, производные от вопросительно-относительных кõ 'кто', мо 'что': ала-кõ 'кто-то', ала-мо 'что-то'; иктаж-кõ 'кто-нибудь', иктаж-мо 'что-нибудь', кõ-гннат 'кто-нибудь', мо-гннат 'что-нибудь'. Например: Пураш веле улнеже, но кõргыштем ала-кõ кутыра: "Ит кай, шо-налтыде ыштен, чыла пашам пужет" (Волков 1962: 12) 'Только бы войти, но во мне кто-то говорит: "Не ходи, поступив необдуманно, все дело испортишь"'; Теният Вачайым ала-мож о вуд ўмбак шупшын (Шкетан IV: II6) 'И в этом году Вачая что-то к воде тянуло'; Ўдым ең-влак мален огытыл. Иктаж-кõ несалташ төчен гнн, тунамак йолташыже помыжалтен (Лейкайн 1971: 96) 'Ночью люди не спали. Если кто-нибудь засыпал, тут же друг будил его'; Кынелым да тумбочкышто ала-могай изи блокнотым ужылатышым. Кõ-гннат монден коден (Колумб 1964: 23) 'Встал и на тумбочке заметил я какой-то блокнотик. Кто-нибудь забыл'; Илышытыже мо-гннат лийын. Ала-могай пörьен шўмжым чотак сусыртен (Иванов 1969: 97) 'В ее жизни что-то было. Какой-то мужчина ее сердце сильно поранил.'

Другие неопределенные местоимения могут функционировать в качестве подлежащего тогда, когда они выступают вместо определяемого ими опущенного существительного: Чодыраште ала-могай-влак Тропимым тергыше шўкал шуэн улыт, а шкешт шинчын кудалынт (Шкетан II: 41) 'В лесу какие-то вытолкнули Тропима из саней, а сами ускакали'; Акнаш олмеш ала-кудыжо марла муралтыш (Колумб 1964: 67) 'За Акнаша который-то запел по-марийски'; Иктаж-кудыжо тышке кузыза-ян, - Юхан каласыш (Иванов 1968: 57) 'Кто-нибудь подымитесь сюда, - сказал Юхан'. В роли подлежащего может выступать усеченная форма неопределенных местоимений иктаж(е) 'некоторый, кто-нибудь': Ой, калтак, кушко имнетым чыкен коденат? Иктаж толен нангаен огыл?! (Шкетан II: 40) 'Ох, куда же ты свою лошадь дел? Не украл ли кто-нибудь?!'. Подлежащее, выраженное неопределенными местоимениями, дает лишь приблизительное указание на лицо или

предмет.

Подлежащее может быть выражено отрицательными местоимениями нигб 'никто' нимо 'ничто', нигудо 'никоторый', иктат 'ни один в значении: никто': Кажне у обществын шке у йўлаже лийшаш, тиде шотышто нигб ок ўчаще (Волков 1962: 149) 'У каждого общества должны быть свои привычки, об этом никто не спорит'; Мицун куш куржмыжым нигба т раш ужн огыл (Шкетан II: 118) 'Куда убежал Мицун, никто точно не заметил'; Нимат вашталтын огыл, ла-чак тый гына уке улат (Иванов 1959: 97) 'Ничто не изменилось, только тебя нет'; Самырыкышт, тидым колын, Онбойым ончалыч, но нунн кокла гыч нигудыжат тидлан ыш бр (Корнилов 1974: 49) 'Молодые слыша это, посмотрели на Онбоя, но никто (букв, никоторый) из них не обсмеял старика, никто этому не удивился'; Тыге осал вий ден поро вий кучедалыт, но иктыштат сефен огыт керт (Юзыкайн 1972: 26) 'Так злая сила с доброй борются, но ни одна из них не может победить'. Подлежащее, выраженное отрицательными местоимениями и их формами, указывает на полное отсутствие предмета или лица, о которых в предложении ведется речь.

В функции подлежащего могут употребляться указательные местоимения тиде 'этот', тыгай 'такой', когда они замещают опущенное существительное: Но чодыра пашазе-влакым тиде ыш лўдыктб (Исенеков 1974: 3) 'Но работников леса это не напугало'; Тидыже, кумшыжо, нунн деч тембалне да, мўшкыр дене нушкын-пёрдын, лишемеш да лишемеш (Азмекей 1958: 71) 'Этот, третий, от них ближе и, ползая, кувиркаясь, приближается и приближается'; Тыгае ок мондалт (Юксерн 1975: 292) 'Такое не забывается'; Но тныгай - влак шагал улыт, начар кушкыл торжа Сибирь мландеш вожым ок колто (Колумб 1964: 34) 'Но таких мало, слабое растение не отпустит корня на суровой сибирской земле'.

Указательное местоимение тиде 'это' в роли подлежащего может соединяться с определительным местоимением чыла 'все'. Такое сочетание является одной синтаксической единицей (подлежащим): Чылатиде йочан помыжалымыжым вучен, воктеньжак пўкеныште клен (Юксерн 1975: 18) 'Все это, ожидая пробуждения ребенка, лежало на стуле'.

Следует указать на особенность употребления в марийском языке ряда местоимений. Так, вопросительное местоимение кб? 'кто?' применяется только по отношению к человеку. По отно-

шению к остальным живым существам, так же как по отношению к предметам, употребляется вопросительное местоимение мо? 'что?'. Например: М о шинчалан чеверын кош? Тиде изимёр, але снеге (Азмекей 1958: 101) 'Что красуется? Это земляника'; М о гына ок иле мемнан чодыраште? Тореш йолан маска, сур пире, пүчö, рывыж, меран, ур ... (Азмекей 1958: 76) 'Кто (букв. что) только не живет в нашем лесу? Косолапый медведь, серый волк, лось, лиса, заяц, белка ...'. Противопоставление обозначений человека и не-человека характерно и для других финно-угорских (см. Основы ФУЯз. 1974: 285) и самодийских языков (см. Терещенко 1973: 125).

То же положение наблюдается по отношению к определительным, неопределительным и отрицательным местоимениям, производным от вопросительных местоимений кб? 'кто?' и мо? 'что?'. Вопросительное местоимение мо? 'что?' и производные от него местоимения употребляются и в тех случаях, когда у говорящего нет полной уверенности в том, что речь идет о человеке: Олюлан шучкын чучын колтыш, пуйто каже пушенге, вондер шенгелне м о - г ы н а т шинча, изи ўдырым руалтен кучаш ямде (Иванов 1968: 77) 'Оле показалось жутко, будто за каждым деревом, кустом кто-то (букв. что-то) прячется, готов схватить маленькую девочку'.

Таким образом, подлежащее в марийском языке выражается всеми разрядами местоимений.

Л и т е р а т у р а

- Азмекей-Мичурин 1958, Пүртүс муро, Йошкар-Ола.
 Васин К. 1974, Муро апшат, Йошкар-Ола.
 Волков А. 1962, Каче-влак, Йошкар-Ола.
 Иванов В. 1959, Тўналме корно, Йошкар-Ола.
 Иванов В. 1968, Вўдшö келге, серже тура, Йошкар-Ола.
 Исенеков В. 1974, Вўд ўмбалне, Йошкар-Ола.
 Колумб В. 1964, Келшынам ола, Йошкар-Ола.
 Корнилов П. 1974, Мўй олык, Йошкар-Ола.
 Лекайн Н. 1971, Кўртнö вий, Йошкар-Ола.
 Осып Шабдар 1957, Ўдырамаш корно, Йошкар-Ола.
 1958, Вурс йўк, Йошкар-Ола.
 Терещенко Н.М. 1973, Синтаксис самодийских языков, Ленинград.
 Чавайн С.Г. 1967-1968, Сылнемутан произведений-влак I-У, Йошкар-Ола.

- Шкетан М. 1962, Роман, пьеса, олимпиад, очерк да статья-влак
I-IV, Йошкар-Ола.
- Озмкайн А. 1972, Маска Вынем, Йошкар-Ола.
- Оксери В. 1975, Вудшö Йога - серже кодем, Йошкар-Ола.

С о к р а щ е н и я

Основы ФУЯз. - Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), Москва 1974; СМЯ - Современный марийский язык. Морфология, Йошкар-Ола 1961.

DIE PRONOMINA ALS SUBJEKT IM MARISCHEN

Z u s a m m e n f a s s u n g

Das Subjekt wird im Marischen mit allen Kategorien der Pronomina ausgedrückt. In dieser Funktion kommen am meisten die personalen, interrogativ-reflexiven, indifferents, determinativen und negierenden Pronomina vor, die von den interrogativen kō? 'wer?', mo? 'was?' gebildet worden sind. Die anderen Pronomina werden als Subjekt nur dann gebraucht, wenn sie anstatt der definierenden oder meinenden Substantive auftreten.

Die Pronomina als Subjekt haben oft Possessivsuffixe oder Affixe -ak, -at. Die Possessivsuffixe können im Marischen auch determinative Funktion haben. Eine Besonderheit der marischen Sprache ist die Tatsache, daß das interrogative Pronomen kō? 'wer?' und die von ihm abgeleiteten Pronomina nur Menschen betreffen. Was die anderen Lebewesen und Sachen betrifft, so werden das interrogative Pronomen mo? 'was?' und die von ihm gebildeten Pronomina gebraucht.

KAMASSISCHE PARTIZIP- UND GERUNDIUMFORMEN AUF

- n n V, - n V, - d V

Im Kamassischen gibt es mehrere Gerundien und Partizipien, darunter das Partizip und das Gerundium auf -nnV, -nV, -dV (s. bes. Donner-Joki 1944 : 175-179).

Dieses Kennzeichen hat sehr viele Varianten: (Castrén) -na, -nä, -ne, -da, -de usw., (Donner) -na, -nɛ, -ne, -ña, -ñna, -ñne, -da, -dá, -dʰ usw., (Künnap) -na, -nā, -nu^k.

Das Zeichen -nnV, -nV, -dV steht meistens am absoluten Ende der Verbform, doch manchmal kann ihm auch die Lativ-Lokativendung der possessiven Deklination oder die Lativendung der absoluten Deklination folgen (s. z. B. ³, ⁹⁰ unten).

Regelmäßig kommen die auf nn, n anlautenden Varianten des Zeichens -nnV, -nV, -dV nach Vokalen und die auf d anlautenden nach Konsonanten vor (s. z. B. ¹, ⁸ unten). Es ist also offensichtlich, daß der Gebrauch der mit nn, n und der mit d anlautenden Varianten von den ihnen vorangehenden Lauten (Vokalen oder Konsonanten) abhängt. Aber es begegnen auch einzelne Ausnahmen von der oben gebrachten Regel: in Donners Material stehen die auf n anlautenden Varianten manchmal auch nach Konsonanten, z. B. $t^c_e{}^b nɛ$ 'vermodert' (s. ⁹⁹ unten). Die Ursachen dieser Abweichungen sind sicherlich rein phonetischer Art, z. B. $t^c_e{}^b nɛ < *t^c_e{}^b nɛ$. Außer dem qualitativen Wechsel nn, n ~ d gibt es in dem Anfangskonsonanten des vorliegenden Zeichens in Donners Material auch den quantitativen Wechsel $\bar{n}n \sim \bar{n} \sim n$, wobei es beim Gebrauch der Varianten mit kürzerem und längerem Anfangskonsonanten anscheinend keinerlei Gesetzmäßigkeit gibt (s. z. B. ¹⁴, ³¹, ⁶⁴). In bezug auf Donners Material schreibt A. J. Joki, daß der Wechsel nn, n ~ d der anlautenden Kon-

sonanten des Zeichens sich durch die Herkunft desselben von einem zusammengesetzten Suffix erklärt: $^*n-ta \sim ^*n-te$. Darauf scheinen auch die Formen mit dem halblangen und geminierten n hinzuweisen. (Donner-Joki 1944 : 177.) Auch m. E. ist der Qualitätswechsel $nn, n \sim d$ in diesem Zeichen nur auf dessen Abstammung von der früheren Konsonantenverbindung *nt zurückzuführen. Die in dem Zeichen eingetretenen phonetischen Entwicklung - $^*vntV > ^*vnnV > VnnV > V\dot{n}V > VnV$ und $^*CntV > CtV$ (\sim Stimmhaft dV) - sind in ihren Hauptzügen dieselben wie bei der kamassischen Lativendung $-n(V^{(2)}), -dV^{(2)}, -tV$ (s. Kühnap 1971 : 72-75). Zum Vergleich sei auch darauf hingewiesen, daß bei dem anlautenden n dieser Lativendung in Donners Material ebenfalls die längere Varianten \dot{n} vorkommt (in meinem Material hat dieses n noch die Varianten \ddot{n}, \bar{n}). (Es fällt aber auf, daß das kamassische Konjunktivzeichen $-n(V)-, -dV-, -tV-$ [$<$ *ntV] + izä. -se. -ze keine längeren Varianten \ddot{n}, \dot{n} des anlautenden Konsonanten n kennt, s. bes. Donner-Joki 1944 : 169-170.)

Nach M. A. Castrén bildet das betrachtete Zeichen das Gerundium (III. Gerundium) und das Partizip des Präsens, manchmal auch das Partizip des Präteritums. Das Gerundium kommt in seinem Material stets in der Lativform der absoluten Deklination vor und steht seiner Funktion nach dem Infinitiv nah (s. z. B. ⁴¹). In bezug auf Donners Material schreibt A. J. Joki, daß die Bedeutung der Partizipformen auf $-nnV, -nV, -dV$ wechselt: 1) Partizip des Präsens (Nomen imperfecti); 2) Partizip des Präteritums: a) Nomen perfecti, b) "gewöhnlich hat das von den transitiven Verben gebildete Part. praet. passive Bedeutung", c) "am häufigsten steht da vor dem Partizipialsuffix ein $\bar{o}, \bar{p}, \bar{e}, \bar{z}, \bar{ö}$, das dem Zeitwort reflexiv-passive Bedeutung $\bar{g}i\bar{t}$ (Nomen exacti)", "manchmal als Substantiv verwendet"; 3) Verbalsubstantiv: a) Nomen agendi vel actionis, b) Nomen actoris. "Im folgenden Ausdruck steht die Form in der Funktion des (I.) Gerundiums: $\bar{s}\bar{o}n\bar{a}mna$ 'kommt' (eig. "kommend sitzt")..." (Donner-Joki 1944 : 177-178.) Sowohl in Castréns als auch in Donners Material bildet das behandelte Zeichen jedoch hauptsächlich das Partizip des Präsens und das Partizip des Präteritums.

FORMENVERZEICHNIS

Die Reihenfolge der Buchstaben in den Stichwörtern ist folgende: ä a à ā á ą ā ā ą b B d' d'ž s š e ē ɛ ɛ̃ h x i I
i i' k k' l m n ņ ŋ o p p' r s š š' t t' t'ž u u.

- ¹ ām^o r ō n ā Inē 'geessenes Pferd' 178, vgl. amōr^ol'ām 'essen, fressen, nagen (spez. von Mäusen)' 5b.
- ² amordna t'šard^o 'Speisebrett (Brett, auf dem die Speise während des Essens ins Zelt gestellt wird)', vgl. amōr^ol'ām 'essen, fressen, nagen (spez. von Mäusen)', amōrnam 'essen' 5b.
- ³ amnona (Part. und Ger. von amñōla-m 'сакусь') CM 103, amnona -kuza 'sittungs-man' CM 103, 275; amnonan mol'ana CM 275 (Lativ von amnona), wörtlich 'sitzend werdend'; bār amnōna 'das ganze Leben' 178, vgl. amñōl'ām 'sich setzen, wohnen, leben' 5a.
- ⁴ šōnnam^oñā k^cuza 'kommender Mensch, Zukunftsmensch' 65a, 177 < *šōnna am n^o - ñ a 'kommend(er) sein der', vgl. amnam 'leben, wohnen, sein; essen' 5a.
- ⁵ ardaderōna -kuza 'жспорченныи человек', vgl. ārdaderl'im 'жспорчу' CM 177.
- ⁶ ā l b ō n a bēra 'gefällter Sack' 177, vgl. ā l b ē l'ām 'sich füllen, voll werden' 4a.
- ⁷ b ā l d^o ű n n a βāzā 'Eisen zum Aufweichen von Bälgen', b ā l d ō n a k^cuza 'weich gemachte Haut'; vgl. bāld^ol'ām 'erweichen' 7b.
- ⁸ bołda, bułdā, bułda, bułdā, bōłda 'zerbrochen, zerrissen' 11b, 177, b. āspā' 'zerbrochener Topf' 11b, bu l d ā

- aspá 'zerbrochener Topf' 177; vgl. бу́лам 'entsweigen, zerbrechen' 11b.
- ⁹b u l d ō n a nārtz 'zerriessenen, zerbrochener Schlitten' 10b, 178, vgl. buld¹ám 'brechen, knicken, sondern, ломать, abbrechen, abreißen' 10b.
- ¹⁰buzōna pá 'Holzklotz', vgl. buzarlám 'zerspalten' 11b.
- ¹¹d^{ab}ññz 'Handgriff, Henkel' 13a, 178, k^{ola} d' š ā b ō ŋ n a 'weißer Vogel mit schwarzen Flügeln, der Fische fängt' 31a, 'weißer Vogel mit schwarzen Flügeln, der Fische fängt (eigtl. "Fisch fänger, der Fische fangende")' 178, k^{ola} t' š ā b ō ŋ n a 'ein weißer Vogel mit schwarzen Flügeln, der Fische fängt' 195a; vgl. d^{ab}l'am, d^{šab}l'am 'fangen, fesseln; wegnehmen, отобрать' 13a, t^{ab}l'am 'festnehmen, festhalten, halten' 76a.
- ¹²d' i adēne, d' š i adēññz 'aufgehoben, erhoben', d' i l d ē n e pá 'aufgehobener Baum'; vgl. d' i l d¹em, d' š i l d¹em 'in die Höhe heben' 16a.
- ¹³d' š i d ō n e ññz 'erschossenes Pferd' 15b-16a, 178, vgl. d' š i d¹em '(die Bogensehne) loslassen, fallen lassen; schießen' 15a.
- ¹⁴ε^{bd}ññz, ε^{bd}ññe, ε^{bd}ññe 'Armschutz beim Bogenschießen. Aus Eisen oder Knochen, am linken Handgelenk', muññz ε 'Hahn am Gewehr'; vgl. ε d¹em 'aufhängen', ε d¹em 'hängen' 17a.
- ¹⁵atnu 'Veränderung', vgl. ε t l a m¹em 'sich verändern' 18b.
- ¹⁶ene (Part. von em ['ich - nicht']) 164-165, ene, ññññe sore 'der ewige (eigtl. unschmelzbare) Schnee' usw. (s. genauer); e n e n u n a (Part. und Ger. von em nu³ 'не стон'), e n e t o l' e r d a, e n e t o l' e r d e und e n e t o

- l'erdena "etc." (Ger. und Part. von em tol'era² 'я не украду') CM 183.
- 17 uia- h i ä² B d² ñ n e -pázá 'Eisen zum hacken von Fleisch' 80a, 178, vgl. h i ä²l'ám '(Fleisch) hacken, рубить' 21a. (Vgl. auch ²¹.)
- 18 χanda (Part. von χálám 'gehen') 152; kanda (Part. und Ger. von kallam 'уйду'); χ a ñ d a a²t'älla möyüi ...! 'dein Hinweg möge sein ...!' 92 [A. J. Joki: "-da Partizipialsuffix (nach Konsonantenstamm) ~ -ña id. (nach Vokalstamm)" 110], put'šəmnānda k^cōma 'verdorbenen Fisch' 54, 177 < put'šəm-na χanda. (S. auch ⁴⁵.)
- 19 ibenä (Ger. von ibözit ['liegen']) CM 114; kē²m² pō²d² i² b i i² ē n ε d'oyon no² ei ezēr¹ie 'auf der Stelle, wo die rote Ziege lag, wächst kein Gras' 87 [A. J. Joki: "Das ... -ne ist die Endung des I. Partizips. i²bi²ēne möglicherweise ein zusammengesetztes Wort: i²bi² 'liegend' + inε, ne 'gewesen'" 103], vgl. i²b²m 'liegen' 21a, igem 'sein' 22a.
- 20 Inä (Part. und Ger. von igäm 'jag är') CM 180. t^caman i - n ä 'Oben wohnender', t^cežen i n ä 'ein Unter wohnender' CW 186a; eigtl. 'Oben s e i e n d e r', 'Unter s e i e n d e r'.
- 21 i a² d² ñ n a mašine 'Mähmaschine', vgl. i a²l'ám '/hauen,] schneiden, (Heu) mähen, (Fleisch) hacken, picken (von Vögeln), рубить' 23. (Vgl. auch ¹⁷.)
- 22 k^caiōna 'Dach; bedeckt, geschlossen', vgl. k^caiōl'ám 'sich bedecken' 25a.
- 23 kanda (s. ¹⁸).
- 24 kārda (Part. und Ger. von kārl'im 'отворю') CM 141.
- 25 kojona (Part. und Ger. von koiolam 'останусь') CM 195.

- 26 kutta (Part. von kutl'im 'yóbn') CM 168.
- 27 kunōna (Part. von kunēm 'entführen') 159.
- 28 kuadōna 'gefunden', vgl. kuadōl'am 'sich finden') 33b.
- 29 kura^dna t^o 'unkastriertes Rentier' 34b.
- 30 k^c ɔ r ē r d^o n ε Inε 'abgehäutetes Pferd',
vgl. k^c ɔ r^o l'im 'schinden, abziehen, abhäuten, (ein Schaf)
scheren' 29a.
- 31 k^c unε, k^c unε 'tot', k. nε 'totes Weib' 35b, k^c ul^h ε k^c u-
za 'gestorbener Mensch', k^c unε id. 177; vgl.,
k^c ul'em 'sterben' 35b. k^c ul n ε nεm ɔan tãβ^o nd^o ...
sārbi 'das tote Weib an den Stamm des Baumes ...
bander' 95.
- 32 k^c Á m n ɔ l d^o m/ol'am 'räuchern wollen, zu
räuchern wünschen' 40b, k^c Á m n^o l ɔ n ɔ uia
'Rauchfleisch, geräuchertes Fleisch' 26a;
vgl. k^c Á m n^o l'am, k^c Á m n^o l'am 'räuchern' 26a.
- 33 k^c á dōna 'hängt an etwas, ist fest an etwas', vgl. kia^d d^o-
l'om 'wenden, aufschlagen, hochschlagen' 30.
- 34 Λáb^o na-k^c Á m á^o 'Sturz, Rutsch; Sturzstelle', vgl. Λáb^o l'am
'stürzen, fallen, hinabrutschen, herabfallen' 36; ferner
auch k^c Á m á^o 'höher gelegene Stelle, Erdhaufe, gew. Rand
einer Grube; Anhöhe, Berg', Λáb^o na k. 'Sturzstelle, Ein-
sturz' 25b.
- 35 mandōna (Part. und Ger. von mandōl'am 'cmotp') CM 117.
- 36 me k^c ē r d^o n n ε k^c uza 'betrogener Mensch',
vgl. mek^c ē r^o l'em 'betrügen, täuschen' 39a.
- 37 m ɔ ɔ l ε^o n ε d'um kuk no^o t'i gszrlε^o ba^o bi^o 'mein
beschrittenes Land trug [=wuchs] goldenes
Gras' 87 [A. J. Joki: "Partizip auf n; hier mit passiver
Bedeutung: 'gegangen'. Vermutlich ein zusammengesetztes

Verb: m⁰l'ε' + ^{0B}ne (< i⁰b'ne) = 103] (vgl. auch 19).

38 m⁰ n ā l ō n a -pā 'K r u m m h o l z, Bogen', vgl. mōnānd⁰-
l'ām 'biegen, krümmen' 40a.

39 iadaila m⁰ n d⁰ n ε n/εrmi-] 'Besuche machen' 45a, ia-
daila m⁰ n d⁰ n ε nārmi 'Besuche machen (eigtl. ein
Pfad (um) zu Besuch z u g e h e n)' 178; vgl. mānd⁰-
lōm 'sehen, betrachten; zielen (mit dem Gewehr oder Bo-
gen); suchen, nachsuchen' 37b.

40 k⁰ēm m⁰ n z o r ō . n a 'к р о в ь в а р е н н а я', vgl. menzirgittf-
'варить' KM.

41 m i n ā n m o l'ā m 'д а т ь х о ч у' CM 172 (Lativ von ^mmi-nā =
Ger. und Part. von mil'ām 'geben' CW 192b) (vgl. auch 3).

42 ammonan m o l' a n a CM 275 (? Ger. und Part. von m o l a m
'буду, стану' CM 181), wörtlich 'sitzen w e r d e n d'
(vgl. auch 3). (Vgl. ferner auch 4^B.)

43 mona (Part. von mōl'ām '[werden;] kommen, geschehen;können,
bekommen') 163; mona (Part. und Ger. von m o l a m 'буду,
стану') CM 181. ēi m m o n a mōl'ā 'es wird warm' 18a,
40b, wörtlich 'es w e r d e n d wird warm'.

44 m⁰ t⁰m⁰ne-βāzā 'Gabel', vgl. m⁰ d⁰l'om 'picken, aufpicken,
stechen, stoßen' 41b.

45 m⁰nānd⁰-pā 'Krummholz' 42b < ^mm⁰n-la(?) x a n - d⁰ pā
'sich biegend f o r t g e g a n g e n e s Holz', vgl.
m⁰nām 'sich biegen' 42b, xāllām 'gehen, wandern, weg-
gehen. Als Hilfsverb sehr häufig verwendet' 25b (s. auch
18).

46 m u n u⁰ d'ō n ε pā 'K r u m m h o l z', vgl. m⁰m⁰l'om
'biegen, krümmen' 42b. m u n u⁰ d l ε⁰ d⁰ pā
'K r u m m h o l z' 42b (Ger.-Zeichen -lε' + Part.-Zeichen
-d⁰?).

47 n a⁰ h⁰ n n a -pā 'mit zwei Füßen versehener Holz(block)

- zur Bereitung von Haut, Leder', eigtl. 'B e r e i -
t u n g s h o l z', vgl. na³ñ¹ám 'eine Haut, ein Fell be-
reiten' 43a, 178.
- 48 ne m n ē n ε p̄r̄l̄a 'gestopfter Pelz', vgl. ne-
n¹ám 'flicken, lappen, stopfen' 44b.
- 49 nerēnε 'erschreckt' (Part. von nerelⁱiem 'ich werde er-
schreckt') 146-147; nerenā (Part. und Ger. von nerel'ā
['erschrecken']) CM 107.
- 50 mā³ n ō n ε d'zūt 'Stelle, wo das Zelt steht' 37a,
178, vgl. nōl'ám 'stehen' 45b.
- 51 nuna (Part. und Ger. von nugam 'ich stehe' CG 562) CM 113;
nuna-kuza (nuna = Part. von nuga·m 'CTOD') CM 272; ene
nuna (Part. und Ger. von em nu³ 'HE CTOD') CM 183; buḡun
n u ḡ a p̄ā 'ein im Wasser stehender Baum' 76a,
177, vgl. nul'ám 'stehen' 46a.
- 52 n u i ō n a t^c[aḡu] 'Schnupftabak' 68b, n u i ō -
n z -t^caḡu, n u i ō n a -t^caḡu id., vgl. nuiōl'ám
'schnupfen' 46a.
- 53 ñe³ Dōñε, ñe³ Dēñε 'Raucher', n. k^cuza 'rauchender
Mensch,
Raucher' 47b, 178, vgl. ñe³l'ém '... blasen, rauchen...'
48a, 178.
- 54 enε f e ḡ n ō ḡ ḡ ε (ñ e ḡ n ē ḡ ḡ ε) s̄are 'der ewige (un-
s ch m e l z b a r e) Schnee' 48a, enε f e ḡ n ō ḡ ḡ ε s̄a-
re id. 177, enε f e ḡ ḡ ḡ ε s/[s̄rε] id. 58b, vgl. ñeḡñōl'ám
'schmelzen, zerschmelzen' 48a.
- 55 o B t ḡ ḡ n n a -p̄ā 'Kelle mit Zacken zum Beerenpflücken' 49a,
eigtl. 'P f l ū c k h o l z', o³ B d ḡ ḡ n n a -k^cuza 'v e r
h e u e r t e r M e n s c h' 49a, o p t ḡ ḡ n n a -kuza 'Samm-
ler' 49b; vgl. oBt¹ám 'sammeln, lesen; mieten', o³p³-
l'ám 'sammeln, zusammenbringen; mieten; [Menschen] ver-
heuern' 49b.

- 'g a r (g e b a c k e n) e s B r o t 177; vgl. pwl'ém
'reifen, zur Reife gelangen, gar sein, gar werden' 55a.
- 67 p¹ānd²na (s. 64).
- 68 s a d a ² n d n a -ma², s á d ā ² ñ a -ma² 'K a u f l a d e n ,
лавка' 56a, s a d ā ² ñ a -ma²d² 'i n d e n K a u f l a -
d e n ' 98, s á d ā n d ² ñ n a k^cuza 'K a u f m a n n ' 177,
s a d ā n d ² ñ n a k^cuza 'K a u f m a n n , K l e i n h ä n d l e r '
56a; vgl. sádānd²l'ám 'verkaufen' 56a.
- 69 s a ² ñ ^u i n a ² mu²l'ám 'stoßen, puffen, knuffen' 57a,
eigtl. 'h i n f a l l e n d s t o ß i c h ' , vgl. sa²ñ^ul'ám
'hinfallen, hinunterfallen, hinabfallen, fallen, stür-
zen; abgehen, abfahren' 57a, mu²dwl'om 'picken, auf-
picken, stechen, stoßen' 41b.
- 70 Ine s a r ² ñ a 'das Pferd (i s t) f e s t g e b u n -
d e n ' , vgl. sārl'ám 'binden, festbinden; stricken; span-
nen' 57b.
- 71 s ā m o n u m o l 'ám 'ich werde s c h a m a n i e r e n ' ,
vgl. sāmōl'ám 'schamanieren' 57a.
- 72 s á d a r ² ñ a Ine 'v e r k a u f t e s P f e r d ' , vgl.
sádārl'ám 'verkaufen' 56a.
- 73 sádā²na, sádānd²na (s. 67).
- 74 s p d ² r ² ñ a bera 'u m g e s c h ä t t e l t e r S a c k ' ,
vgl. sp²dārl'ám 'schütteln, durchschütteln, umschüt-
teln, zittern, beben' 57b.
- 75 s p i ñ è ² d ² ñ e s ā z ā n 'zerrissenes Papier', vgl. sp²i-
ñè²l'ém 'abreißen, entzweireißen' 57b.
- 76 s ē l ² n n ² pi 'S c h l e i f s t e i n ' 178, s ē l ² ñ -
n ² pi id. 58a, s ē l ² n n ² -pim bum mu²l'om 'den
S c h l e i f s t e i n l i e ß i c h i n s W a s s e r f a l l e n ' 58;
vgl. sēl²l'ém 'schleifen; reiben' 58a.

- 77 ʔsəid^ane-būfe 'Bär' 58b (vgl. būfe 'Mann, Ehemann, Greis, alter Mann' 12b).
- 78 s u r d ō ñ n a -t^cūšgi, s u r d ō ñ n a -t^c 'm i l -
c h e n d e Kuh', vgl. surd^{al}'em 'melken' 60a.
- 79 s u ^B m i ñ n e -, s u ^B m i ñ n e -t^cu 'h ä p -
f e n d e r Floh' 75a, vgl. su^Bmi^{cil}'em 'hüpfen' 60b.
[ʔ^Bsu^Bmi il'em, vgl. Imperat. 2. P. Sg. su^Bmi, fer-
ner su^Bmul'om, su^Bmul'em 'hüpfen (besonders von Heu-
schrecken); ...' 60b, sū^Bmūl'am 'hüpfen' CW 189b, il'am
'nehmen, empfangen, bekommen, wegnehmen' 22a.]
- 80 š ā ñ n a 'pā 'Leiter, Handleiter', vgl. šāl'am 'klettern';
eigtl. 'K l e t t e r h o l z'.
- 81 šārd^anna 'vergnügt' 177, šārd^anna 'amüsiert, belustigt',
vgl. šār^{al}'am 'spielen, Musik machen, spaßen, Spaß ma-
chen, mit einem tändeln, sich amüsieren, sich unterhalten'
61a; š ā r d a n m o l'am 'н р п а т ь х о ч у' CM 172
(Lativ von šār-da = Part. und Ger. von šār^{al}'am 'spie-
len' CW 189a).
- 82 səβərgū, pⁱēs s ə β ə r ě i^d n ě 'der Besen, d e r d e n
O f e n k e h r t' 86, vgl. səβərei^d'em 'fegen, kehren,
reinigen' 58a.
- 83 šā^bbd^lōna 'versteckt', t^cārb^b š ā^b b d^l d a k^cuza
'der Schamane versteckt einen Menschen', eigtl. 'v e r -
s t e c k t e r Mensch'; vgl. šā^bbd^l'am 'verbergen,
verstecken, verheimlichen' 61.
- 84 šūnānī (s. 90).
- 85 t^curan n/igind^a š e n d^a ñ n e pā 'Stange zum Fest-
halten der Birkenrinde auf dem Dach der Häuser, eigtl.
auf das Haus g e l e g t e s Holz' 45b, š e n d^a ñ -
n e pā 'Stützbalken' 63a, 74b, vgl. šend^{al}'em 'stellen;
'sich anziehen, sich kleiden' 63a.

- 86^v š̌əβ̌ərdōñna Inš, š̌əβ̌ərdōñnəine: 'ausgeschla-
gendes Pferd' 64a, vgl. š̌əβ̌ərďl'am 'mit den Fü-
ßen ausschlagen' 63b.
- 87^v š̌əđōñz 'Naht, Saum' 178, š̌əđōñs 'Naht, Saum; genäht', š̌,
kāñnek 'genähtes Hemd' 64a, š̌u ďē ňε ťūžəñb̌ bār
ťema'tōlā'mbi'? 'auch die genähten Rinden-
scheiben alle sich ringelten' 87; vgl. š̌u'ďl'am 'an-
binden, festknüpfen, festbinden, festmachen, nähen, zu-
sammennähen' 66a.
- 88^v š̌iďə ňə ũñ ňε -ťo 'dressiertes Rentier'
64b [vgl. š̌edēñařl'am 'einhegen, einzäunen', ferner
auch š̌eden 'Zaun, Gehege, Hof' 63a/].
- 89^v š̌oiďəñna -ǩuza 'Mensch, der Birkenrin-
de nimmt' 65a [vgl. š̌o 'Birkenrinde' 65a/].
- 90^v š̌ona, š̌ōna, š̌ona 'Ankunft, Eintreffen' 65a, š̌ona, š̌ōna,
š̌ōna id. 178, š̌ōñna 'kommender' 65a, 'kommend'. 177,
š̌ōñ a ť'əlla naŋoŋi! 'dein Herweg sei nicht!'
92, ňərb̌bi (š̌on ũmb̌lá) 'er sagte (laufend kom-
mend)' 95, š̌onam̌am 'gehen, fahren' 65a, 177 < š̌o -
n am̌am 'kommend gehe ich', š̌ōñnam̌əñ a ǩuza
'kommender Mensch, Zukunftsmensch' 65a, 177 < š̌ōñ -
n a am̌əñ a 'kommend (er) seiender' (vgl.
4); ťāñ m̌āñ š̌ē ňāñ i añš̌ľiāñ 'du freust dich
über meine Ankunft', m̌āñ ťəñ š̌on ā -
n ə n añš̌ľl'am 'ich freue mich über deine
Ankunft' 178 (Lativ-Lokativ der poss. Dekl.). Vgl.
š̌ōl'am 'kommen' 65a. š̌o ŋ a -kuza 'приведший' CM 274,
eigtl. 'gekommener Mensch', š̌on a n mol'am
'jag vill komm a' CM 172 (Lativ von š̌o-na = Part.
und Ger. von š̌olam 'kommen' CW 183b). m̌əñďərsitťē.

- š ō n u ^k k^caka.ñ 'искать ноду' KH, eigtl. 'suchen
k o m m e n d werde ich gehen', šona.^{po}'iu 'нду' KT
119 < š ō - n ā. i^{po}'iu 'k o m m e n d liegen sie';
vgl. šol'á.m 'нду' KH.
- 91 š u ^d š n ε k^cuza 'a u f g e w a c h t e r Mensch', vgl.
š u ^d š l'ε m 'aufwachen, erwachen' 66a.
- 92 š u ^ñ n ε k^cuza 'e i n t r e t e n d e r Mensch' 66a,
177, vgl. š u l'ε m 'eintreten, hinkommen, hinein-, herein-
kommen' 66a.
- 93 š ā m d ^ñ n a k^cuza 'l ā g e n d e r Mensch', vgl.
š ā m ā m 'lügen' 67.
- 94 t^c ā j ō n a 'abgenutzt, abgetragen', vgl. t^c ā j ō l'ā 'wird abge-
nutzt, abgetragen' 68b.
- 95 t^c ā r ō n a m ā l 'g e t e i l t e s Vieh' 68b, 178, vgl.
t^c ā r ^l ā m 'teilen' 68b.
- 96 t^c ā k^c t ō n a ā i ^ñ 'z u g e m a c h t e, g e s c h l o s -
s e n e Tār' 67b, 178, vgl. t^c ā k^c t ^l ā m 'schießen, zu-
machen, verschließen, sperren, versperren; schützen, hü-
ten (sich selbst)' 67b.
- 97 t^c ā λ b ō n a k^cuza 'g e b i s s e n e r Mensch', vgl.
t^c ā λ b ō l'ā m 'beißen; stechen' 67b.
- 98 t^c ^b d ō r d ^ñ n a -bāzā 'Zange (Schmiedewerkzeug)', vgl.
t^c ^b d ō r ^l ε m 'fassen, erfassen, ergreifen, festnehmen'
69a; eigtl. 'F a s s u n g s e i s e n'.
- 99 t^c ^b n ε 'vermodert' 70a, t^c ^b n ε p ā 'v e r m o -
d e r t e r Baum' 70a, 177; vgl. t^c ^b l'ε m 'vermodern,
faulen, verfaulen, verwesen' 70a.
- 100 t^c ^m n n ε 'bekannt' 70a, 177, vgl. t^c ^m n n ε m 'wissen' 70b.
- 101 t^c ^r ē r d ^ñ n n ε (-bā) 'Stütze, Stützbalken' [vgl. t^c ^r ē š id. 7a,
s. auch Joki 1952 : 322].

- 102 d'u- t^c i l d ə n ε -bázá 'Pflug' 16b, eigtl. 'Erde-
- g r a b e n d e s -Eisen', vgl. t^c i l d ə l 'εm 'graben,
wählen, in der Erde graben' 72a.
- 103 as t^c o b d ə n n a m a š i n v 'Dreschmaschine' 7a, t^c o b B -
D o ņ n a -m a š i n v, t^c o b d ə ņ n a -m. 'D r e s c h -
maschine' 72b; vgl. t^c o b d ə l 'ám 'geraten, fallen, kom-
men, понадаться, анстэпаць, entgegenkommen' 72b.
- 104 ene t o l ' e r d a, ene t o l ' e r d e und ene t o -
l ' e r d e n a "etc." (Ger. und Part. von em t o l ' e r a
'я не украду') CM 183 [t o l ' e r d e n a = Ger.- und Part.-
Form t o l ' e r d e + Ger.- und Part.-Suff. -n a?]. (S. auch
16.)
- 105 t^c u b d a i d ə ņ n a kò 'Ruder für die Wasserfahrt '
178, t^c u b d a i d ə ņ n a -kò id. 74a; eigtl. 'ru-
d e n d e r Ruder', vgl. t^c u l 'ám, t^c u l 'ám 'rudern
...; ... aufwerfen, graben, aufgraben, aufheben, zusam-
menwerfen' 74a, kò, kò 'Spaten; Ruder, Riemen, großes
Ruder, in Tiefwasser verwendet' 30b.
- 106 t^c u n a (Part. und Ger. von t^c u l a m 'охиву') CM 105.
- 107 t^c u n o ņ n a i n ε 'g a l o p p i e r e n d e s Pferd'
74b, 177, vgl. t^c u n o l 'ám, t^c u n o l 'ám 'galoppieren, lau-
fen' 74b.
- 108 t^c u š u l ō n ε, t^c u š u l ə n ε, t^c u š u l ə n ε k^c u z a 'Gelehrter,
g e l e h r t e r Mensch', vgl. t^c u š u l 'om 'lehren, ver-
ständiglich machen' 75b.
- 109 t' á k p r d n ə t^c [angu.] 'krümliger Tabak, махорка,
68b, t' á k p r d n ə -t^c a n g u ., t' á k á r d n ə -t^c .
'Machorka, махорка, z e r k l e i n e r t e r Tabak'
76b; vgl. t' á r ə l 'ám 'schneiden' 76b.
- 110 t' š a b ə n n a (s. ¹¹).

111 k^cuia u B t u ñ n a p^{ca} 'die Seite der aufstei-
 genden Sonne [? die Himmelsgegend, wo die Sonne
 aufgeht]' 79b; k^cuio u^b d ə ñ n a fi^{də} 'das
 Emporsteigen der Sonne' 79b-80a, k^cuio u^b ə ñ n a
fi^{i'də} id. 48b, eigtl. wörtlich 'die Sonne - Auf-
 steigen - vorwärts od. heraus', vgl. fi^{də} 'vor-
 wärts' od. 'aus, hinaus, heraus' 183. Vgl. u^b tul'am
 'aufsteigen, kommen' 79b.

112 u ñ g ə n ε pá 'ausgehöhlter Baum, Trog' 178,
u ñ g ə n ε -pá 'ausgehöhlter Baum; Mulde,
 Trog', vgl. uñg^l'em 'aushöhlen' 81a.

113 u z ā r d ə n á -bázá 'Amboß', u z ā r d ə n á -ma 'Schmie-
 de', eigtl. wörtlich 'Schmiedeeisen', 'Schmie-
 dede haus'; vgl. ustər^l'am 'schmieden' 81b, (nach
 Joki 1952 : 368) usānerlam 'кыю' CM.

114 k^cuia u z u ñ n ε p^{ca} 'die Himmelsgegend des Son-
 nenuntergangs', vgl. uzul'em 'fallen, stür-
 zen, umfallen, niedersteigen; ...' 82b.

A b k ü r z u n g e n

Seitenzahl = K. Donners Aufzeichnungen (Donner-Joki 1944).
 Abkürzung + Seitenzahl = 1) M. A. Castrén's Aufzeichnungen:
 CG - Castrén 1854; CM - Castrén 1847; CW - Castrén 1855; 2)
 A. Kännaps Aufzeichnungen (Druckerzeugnis): KT - Kännap 1976
 KH - A. Kännaps Aufzeichnungen (Handschriften).

L i t e r a t u r

- C a s t r é n, M. A. 1847, Manuscripta Castreniana. Vol. XIX. Samoiedica 13. Kamass-Samoiedica (Handschrift in der Bibliothek der Universität Helsinki).
- 1854, Grammatik der samojedischen Sprachen, St. Petersburg.
- 1855, Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen, St. Petersburg.
- D o n n e r, K. - A. J. J o k i 1944, Kamassisches Wörterbuch, Helsinki.
- J o k i, A. J. 1952, Die Lehnwörter des Sajansamojedischen, Helsinki (MSFOu 103).
- K ä n n a p, A. 1971, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe I. Numeruszeichen und Nominalflexion, Helsinki (MSFOu 147).
- 1976, Kamassilaisia tekstejä I. - Fenno-ugristica 2, Tartu (TRÜT 382), 116-134.

А. К о н н а н
(Тарту)

КАМАСИНСКИЕ ПРИЧАСТНЫЕ И ДЕЕПРИЧАСТНЫЕ ФОРМЫ

НА - n n V, - n V, - d V

Р е з ю м е

В камасинском языке много деепричастий и причастий, в том числе причастие и деепричастие на -nnV, -nV, -dV. У показателя этого причастия и деепричастия очень много фонетических вариантов. Рассматриваемое причастие и деепричастие выражает обычно действие прошедшего времени. А. Й. Йокс указал, что оно выражает также ряд других функций.

В статье приводится перечень камасинских причастных и деепричастных форм на -nnV, -nV, -dV.

SISUKORD - О Г Л А В Л Е Н И Е

P. A r i s t e, Possessiivsuffixid tänapäeva vadja keeles	3
П. А р и с т э, Притяжательные суффиксы в современном водском языке. Р е з ю м е	16
P. A r i s t e, Wotisch tagā und takama	17
П. А р и с т э, Водские послелоги tagā и takama. Р е з ю м е	21
M. A т а м а н о в, Происхождение воршуда у удмуртов ..	22
M. A т а м а н о в, Der Ursprung von voršud im Udmurtischen. Z u s a m m e n f a s s u n g	41
З. И в а н о в а, Однородные члены предложения в марийских грамматиках	43
Z. I в а н о в а, Sich wiederholende Satzglieder im Marischen. Z u s a m m e n f a s s u n g	49
Е. J a k i ш о в а, Zur Frage der Variabilität der marischen somatischen Phraseologismen	50
Э. Я к и м о в а, К вопросу о варианности марийских соматических фразеологизмов. Р е з ю м е	57
A. K ъ н н а р, Kamassi keele konjugatsiooni j —elementist	58
A. K ъ н н а п, Об элементе j в камассинском спряжении. Р е з ю м е	67
A. K ъ н н а р, Kamassin verbitaivutuksen j —aineksista. T i i v i s t e l m ä	68

A. K ä n n a p, Mõnede gerundiumi- ja partitsiibitunnuste algupärast uurali keeltes	69
A. К и н н а ц, О происхождении некоторых показателей дееспричастий и причастий в уральских языках. Р е з ю м е	77
A. K ä n n a p, Muutamien gerundin- ja partisiipintunnusten alkuperästä uraalilaisissa kielissä. T i i v i s t e l m ä	78
Б. З а г у л я е в а, Особенности употребления аффрикат в прикильмезских говорах удмуртского языка ..	79
B. Z a g u l j a e v a, Besonderheiten des Gebrauchs der Affrikaten in den Mundarten des Udmurtischen im Bessin des Flusses Kilmes. Z u s a m m e n f a s s u n g	84
I. Z é k á n y, A kárpátontuli magyar nyelvjárások frazeológiai egységeinek típusai	85
И. З и к а н ь, Типы диалектных фразеологизмов в венгерских говорах Закарпатья. Р е з ю м е	92
I. Z é k á n y, Typen der Dialektphraseologismen in den ungarischen Mundarten von Transkarpatien. Z u s a m m e n f a s s u n g	93
Н. Т е р е щ е н к о, К генезису лично-предназначительных (дезидеративных) форм северносамодийских языков	95
N. T e r e š š e n k o, Pohjoissamojedilaisten desideratiivimuotojen alkuperästä. T i i v i s t e l m ä ..	105
Д. Ц ы г а н к и н, Грамматическая категория определенности и ее формы в диалектах эрзя-мордовского языка	106
D. С у г а н к и н, Die Formen der grammatischen Kategorie der Bestimmtheit in den Mundarten des Erzja-Mordwinischen. Z u s a m m e n f a s s u n g	132

Г. В а л и т о в, Выражение подлежащего местоимениями в мари́йском языке	134
G. V a l i t o v, Die Pronomina als Subjekt im Mari- schen. Z i s a m m e n f a s s u n g	144

MATERJALID - МАТЕРИАЛЫ

А. К ъ н я р, Камассиске Partizip- und Gerundiumfor- men auf - n n V, - n V, - d V	145
А. К ъ н я ц, Камассиские причастие и деепричастие формы на - n n V, - n V, - d V. Р е з ю м е ...	161